

ФРЭНСИС СКОТТ ФИЦДЖЕРАЛЬД

Три часа между рейсами

НА ПЕРВЫЕ
НА
РУССКОМ

PREMIUM

Азбука
PREMIUM

К Н И Г И

ФРЭНСИСА СКОТТА
ФИЦДЖЕРАЛЬДА

Новые мелодии
печальных оркестров

Издержки хорошего
воспитания

Успешное
покорение мира

Загадочная история
Бенджамина Баттона

Три часа
между рейсами

ФРЭНСИС СКОТТ ФИЦДЖЕРАЛЬД

Три часа между рейсами

АЗБУКА

Санкт-Петербург / 2013

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44
Ф 66

Перевод с английского Василия Дорогокупли

Оформление Вадима Пожидаева

Фицджеральд Ф. С.

Ф 66 Три часа между рейсами: Рассказы / Пер. с англ. В. Дорогокупли. — СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2013. — 368 с. — (Азбука Premium).

ISBN 978-5-389-04824-9

Фрэнсис Скотт Фицджеральд, возвестивший миру о начале нового века — «века джаза», стоит особняком в современной американской классике. Хемингуэй писал о нем: «Его талант был таким естественным, как узор из пыльцы на крыльях бабочки». Его романы «Великий Гэтсби» и «Ночь нежна» повлияли на формирование новой мировой литературной традиции XX столетия. Однако Фицджеральд также известен как автор блестящих рассказов, из которых на русский язык переводилась лишь небольшая часть (наиболее классические из них представлены в сборнике «Загадочная история Бенджамина Баттона»). Книга «Три часа между рейсами» — уже четвертая из нескольких запланированных к изданию, после «Новых мелодий печальных оркестров», «Издержек хорошего воспитания» и «Успешного покорения мира», — призвана исправить это досадное упущение. Итак, вашему вниманию предлагаются тридцать пять рассказов зрелого Фицджеральда — полное собрание рассказов, опубликованных в последние пять лет его жизни в прославленном журнале «Эсквайр». В том числе цикл юмористических историй о неудачливом сценаристе Пэте Хобби — историй, навеянных богатым опытом общения признанного мастера тонкого психологизма с голливудской фабрикой грез; отдельные из них в разное время переводились на русский, но весь цикл полностью — никогда, и для данного издания он переведен с начала до конца заново. Собственно, все «эсквайровские» рассказы переведены Василием Дорогокуплей, хорошо знакомым нашему читателю по работе над готическим бестселлером Дианы Сеттерфилд «Тринадцатая сказка» и «букеровским» романом Говарда Джейкобсона «Вопрос Финклера».

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44

© В. Дорогокупля, перевод, примечания, 2013

© ООО «Издательская Группа

„Азбука-Аттикус“, 2013

Издательство АЗБУКА®

ISBN 978-5-389-04824-9

Рассказы для «Эсквайра» (1935–1941)

Изувер

Третьего июня 1895 года на проселочной дороге близ городка Стилуотер, штат Миннесота, миссис Креншоу Энгельс и ее семилетний сын Марк подверглись внезапному нападению и были умерщвлены самым изуверским способом, приводить описание коего здесь, по счастью, нет необходимости.

Креншоу Энгельс, соответственно муж и отец погибших, держал в Стилуотере фотоателье и пользовался репутацией человека просвещенного, пусть и «с радикальным душком» — взять хотя бы его излишне категоричные высказывания по поводу затяжной свары между аграриями и транспортниками. При всем том никто не мог отрицать, что Креншоу был примерным семьянином, а после трагедии с его родными весь городок лихорадило много недель подряд. Звучали призывы к линчеванию пойманного изувера, раз уж законами Миннесоты не предусмотрена смертная казнь, им несомненно заслуженная; но даже самые горячие головы быстро остывали при одном только взгляде на массивные стены близлежащей тюрьмы.

Мрачная тень накрыла дом Энгельсов, и входящие сюда поневоле исполнялись сожаления, страха или чувства вины, в глубине души надеясь также не остаться без участия близких, коль доведется им идти дорогой скорби под черными небесами отчаяния. Столь же гнетущая

атмосфера воцарилась и в фотоателье, где неизбежные паузы в процессе подготовки и позирования перед объективом вынуждали посетителей подолгу лицезреть угрюмое, преждевременно постаревшее лицо Креншоу Энгельса. Школьники и студенты, молодожены и матери с младенцами — все они не чаяли поскорее выбраться оттуда на свежий воздух. Как следствие, Креншоу терял клиентуру, и постепенно его бизнес зачах. В конце концов он уступил ателье более удачливым коллегам, распродал все оборудование и какое-то время существовал на полученные деньги, а когда те иссякли, продал свой дом (к тому времени дважды заложенный, так что выручить удалось немного), переехал в меблированные комнаты и устроился работать клерком в универсальный магазин.

Соседи и знакомые видели в нем человека, сломленного несчастьями, сдавшегося на волю судьбы и полностью опустошенного. Но относительно последнего пункта они ошибались: опустошен Креншоу был не полностью, ибо одна вещь накрепко засела в его памяти — долгой и цепкой, как у разбросанных по всему свету сынов Израилевых. И хотя сердце его омертвело, сознание оставалось столь же ясным, как и в то летнее утро, когда его жена и сын отправились на злосчастную загородную прогулку. На первом судебном заседании он потерял контроль над собой и едва не задушил Изувера его же галстуком, прежде чем их смогли растащить.

На втором заседании Креншоу лишь один раз не сдержался и зарыдал в голос. После этого он поочередно посетил всех членов законодательного собрания штата от данного округа и вручил каждому из них свой проект закона о введении в Миннесоте смертной казни — причем закону предлагалось дать обратную силу, распространив его действие на пожизненно осужденных преступников. Однако собрание забаллотировало проект; узнав об этом,

Креншоу в тот же день обманом проник на территорию тюрьмы и был перехвачен уже в непосредственной близости от камеры Изувера, которого он собирался застрелить.

Суд вынес Креншоу приговор с отсрочкой исполнения; в последующие месяцы он вел себя спокойно и благоразумно, как будто возвращаясь к нормальной жизни. Посему, когда по прошествии года он явился к начальнику тюрьмы уже в новой роли, тот с пониманием отнесся к его словам о «смягчении сердец» и «целебной силе прощения». Далее Креншоу выразил желание помочь Изуверу, направив его на путь истинный посредством книжной мудрости и воззваний ко всему лучшему, что еще сохранилось в закоулках преступной души. И вот, после тщательного обыска, ему позволили провести полчаса в коридоре перед камерой Изувера.

Догадайся начальник об истинных намерениях Креншоу, он, конечно, не разрешил бы этот визит. Ибо в действительности он был далек от всепрощающих мыслей, вместо этого планируя подвергнуть жестоким истязаниям психику Изувера, раз уж не вышло уничтожить его физически.

В первый миг встречи с убийцей у Креншоу разом прилила к голове кровь и зазвенело в ушах. Из-за решетки на него настороженно взирал пухлый коротышка в роговых очках и с невыразительной внешностью страхового агента, так что даже тюремная роба сидела на нем как опрятный деловой костюм. Вдруг ощутив слабость в коленях, посетитель опустился на стул, поставленный для него напротив камеры.

— Ты окружен чудовищным зловонием! — воскликнул Креншоу. — Оно заполнило и коридор, и всю тюрьму!

— Это верно, — согласился Изувер. — Я тоже его чувствую.

— И ты будешь чувствовать его до конца своих дней, — глухо молвил Креншоу. — Остаток жизни ты будешь ходить туда-сюда по этой вонючей камере, и стены ее будут становиться все темнее год от года. А из нее ты прямо-ком отправишься в ад и там уже целую вечность будешь заперт в такой крошечной камерке, что не сможешь ни встать во весь рост, ни распрямиться лежа!

— В самом деле? — беспокоился Изувер.

— Можешь не сомневаться! — сказал Креншоу. — И в этой камерке ты будешь томиться до скончания веков один на один со своими гнусными мыслями. Ты будешь гнить и страдать чесоткой, и ты не сможешь ни на минуту заснуть, изнывая от нестерпимой жажды, а вода все время будет у тебя на виду, но вне твоей досягаемости.

— В самом деле? — повторил Изувер с нарастающим беспокойством. — Помнится, я однажды...

— И ужас беспрестанно будет терзать твою душу! — прервал его Креншоу. — Ты будешь сходить с ума, но на тебя так и не снизойдет спасительное безумие. И все время ты будешь думать о том, что эти мучения никогда-никогда не закончатся.

— Дело дрянь, — промолвил Изувер, печально трясая головой. — Хуже и не придумаешь.

— Теперь слушай дальше, — продолжил Креншоу. — Я принес тебе кое-что для чтения. И я устроил так, что впредь ты не получишь никаких книг или газет, кроме тех, которые буду приносить я.

Для начала Креншоу приготовил полдюжины книг из личной библиотеки, которую годами пополняла его неумная любознательность. Среди них были: труд одного немецкого врача о сексуальных патологиях — тысяча неизлечимых и безнадежных случаев, изложенных бесстрастным медицинским языком; собрание проповедей новоанглийского пастора эпохи Великого пробуждения

с красочными описаниями адских мучений грешников; книга о призраках и всякой нечисти; сборник эротических новелл, причем в каждой новелле Креншоу выдрал пару финальных страниц, и сборник детективных рассказов, выхолощенных аналогичным образом. Дополнял эту подборку один из томов «Ньюгейтского справочника».

То был первый из длинной череды визитов Креншоу, регулярно повторявшихся каждые две недели. И всегда визит сопровождался мрачными и устрашающими речами вкупе с каким-нибудь жутким и нездоровым чтивом — за исключением одного случая, когда он долгое время продержал Изувера вообще без всякой литературы, а потом принес ему четыре книги с весьма привлекательными названиями, однако под красивыми обложками оказались пустые листы. В другой раз он пообещал в кои-то веки доставить ему свежую прессу, и после двухнедельного ожидания узник получил десять номеров бульварной газетенки, зацикленной на репортажах о преступлениях и арестах. Периодически он покупал для Изувера медицинские атласы с цветными иллюстрациями самых отвратительных заболеваний — проказы, трофических язв и лишаев, злокачественных опухолей, гноящихся и кишящих червями ран.

И не было таких издательских клоак, откуда он не черпал бы информацию о пороках, болезнях и мерзостях человеческих.

Но так не могло продолжаться до бесконечности, поскольку редкие издания были недешевы, да и найти что-нибудь новое в том же духе становилось все сложнее. И через пять лет Креншоу сменил тактику истязаний. Теперь он сделал вид, что простил Изувера, и стал внушать ему надежды на помилование, подробно информируя о своих ходатайствах и прошениях в разные инстанции, — но лишь для того, чтобы в финале разбить эти надежды

вдребезги. От этого он перешел к угрозам пронести в тюрьму пистолет или горючую жидкость, дабы превратить камеру в пылающий ад, а ее обитателя — в головешку, и однажды бросил через решетку бутылку якобы с такой жидкостью, наслаждаясь воплями Изувера, который заметался в поисках укрытия от неминуемого огненного взрыва. Кроме того, он периодически с мрачным торжеством сообщал Изуверу, что власти штата наконец-то утвердили закон, согласно которому он будет казнен уже через несколько часов.

Так прошло десять лет. К сорока годам Креншоу поседел, а к пятидесяти стал белым как лунь. Со временем этот ритуал — повторявшиеся каждые две недели визиты сначала на кладбище к могилам жены и сына, а затем в тюрьму к их убийце — стал единственно значимой составляющей его жизни. Все прочее, включая ежедневную работу в универмаге, казалось лишь унылым однообразным сном. Иногда он приходил и просто сидел перед камерой Изувера, не произнося ни единого слова за отведенные ему полчаса. Узник также с годами поседел, и белоснежная шевелюра в сочетании с роговыми очками придавала ему очень респектабельный вид. Судя по всему, он с большим уважением относился к Креншоу, и даже когда тот в одном из редких теперь всплесков агрессивности поклялся в следующий визит принести револьвер и покончить с этим раз и навсегда, Изувер лишь серьезно и грустно кивнул со словами: «Пожалуй, ты прав. Думаю, так оно будет лучше для всех» — и не предупредил об этой угрозе тюремных охранников. В следующий раз он встретил посетителя у решетки, вцепившись руками в прутья с выражением отчаяния и надежды, — как известно, грозящая человеку смерть иногда вызывает у него своего рода кураж, что могут подтвердить многие солдаты, бывавшие под огнем.

А годы текли и текли. На работе Креншоу повысили до заведующего секцией, притом что новые поколения сотрудников, не ведая о давней трагедии, считали его просто никчемным занудой. Он получил небольшое наследство и обновил надгробные памятники жене и сыну. Близился пенсионный возраст, и по мере того как третье десятилетие проходило чередой белых зим с короткими летними всплесками тепла и зелени, он все больше утверждался в мысли, что с Изувером пора кончать, — нельзя было допустить, чтобы он пережил своего мучителя, а риск этого возрастал с каждым годом.

День «казни» был выбран им не наобум, придясь в аккурат на тридцатилетие со дня его первого визита. Револьвер для этой цели Креншоу заготовил давным-давно. Теперь он любовно перебрал патроны, вставляя их в барабан и прикидывая, какую часть тела Изувера должна поразить каждая из пуль, чтобы смерть была неизбежной, но не быстрой, — по фронтовым репортажам в газетах он получил представление о смертельных ранах в живот и долгой агонии жертв, зачастую умолявших товарищей, чтобы те их прикончили.

Что произойдет после этого убийства с ним самим, Креншоу несколько не волновало.

В назначенный день он без проблем пронес оружие мимо тюремной охраны. Однако на сей раз Изувер не ждал его с нетерпением, стоя у решетки, как это повелось в последние годы, а лежал, скорчившись, на койке в глубине камеры.

— Я болен, — простонал он. — С самого утра жуткая резь в животе. Мне дали слабительное, но стало только хуже, а никто больше не приходит.

Креншоу тотчас подумал, что боли в животе Изувера могли быть предощущением пуль, которые вскоре вонзятся в то самое место.

РАССКАЗЫ ДЛЯ «ЭСКВАЙРА» (1935–1941)

- Подойди к решетке, — позвал он.
- Я не могу ходить.
- А ты попробуй.
- Меня скрутило так, что не разогнуться.
- Тогда подойди не разгибаясь.

С огромным усилием Изувер приподнялся, но тут же рухнул с койки на бетонный пол. Он громко застонал, потом с минуту лежал тихо и наконец начал судорожными рывками — фут за футом — подползать к решетке, все так же не разгибаясь.

Внезапно Креншоу сорвался с места и побежал в конец коридора.

— Срочно позовите доктора! — крикнул он сидевшему там охраннику. — Заключенный болен — он очень плох, говорю вам!

— Но доктор уже был утром...

— Позовите его снова, скорее!

Страж колебался, однако Креншоу за прошедшие годы приобрел здесь особый, чуть ли не привилегированный статус, так что охранник все же снял трубку и позвонил в тюремный лазарет.

Всю вторую половину дня Креншоу провел во дворике у ворот тюрьмы, расхаживая взад-вперед со сложенными за спиной руками. Время от времени он заглядывал в административный корпус и справлялся у дежурного:

— Есть новости?

— Пока ничего. Как что-то прояснится, мне сразу сообщат.

Уже темнело, когда из дверей показался сам начальник тюрьмы и завертел головой, отыскивая Креншоу. Последний поспешно приблизился.

— Он умер, — сказал начальник. — Разрыв аппендикса. Врачи сделали все, что могли.

— Умер... — повторил Креншоу.

— Сожалею, что принес вам такое известие. Я знаю, как вы...

— Все в порядке, — сказал Креншоу, облизнув пересохшие губы. — Стало быть, с ним покончено.

Начальник тюрьмы закурил сигарету.

— Раз уж вы здесь, мистер Энгельс, можете вернуть свой пропуск мне, чтобы не заходить потом в отдел. Надо полагать, пропуск больше вам не понадобится.

Креншоу извлек из бумажника синюю карточку. Взяв ее, начальник тюрьмы пожал ему руку на прощание.

— Еще один вопрос, — сказал Креншоу, когда тот уже повернулся уходить. — Где расположено... где то самое окно лазарета?

— Оно выходит во внутренний двор, отсюда вы его не увидите.

— Понятно.

Начальник ушел, а Креншоу еще долго стоял на том же месте, и по лицу его текли слезы. Пытаясь собраться с мыслями, он начал вспоминать, какой это был день недели. Наконец вспомнил: суббота. По субботам дважды в месяц тридцать лет подряд он приходил сюда для встречи с Изувером.

Но через две недели они уже не увидятся. Теперь Креншоу был одинок в своем отчаянии.

— Вот он и умер, — произнес он вслух. — Он меня покинул.

Последовал протяжный вздох, в котором соединились печаль и страх.

— Я его потерял... последнего друга... теперь я совсем один...

Он продолжал повторять эти слова, когда покидал тюремную территорию; в какой-то момент пола его пальто застряла между створками массивных ворот, и охранник, вновь приоткрыв их, услышал все то же бормотание:

РАССКАЗЫ ДЛЯ «ЭСКВАЙРА» (1935–1941)

— Я один... вот и конец... теперь я совсем один...

Он еще раз пришел сюда много недель спустя, заявив, что хочет повидаться с Изувером.

— Но ведь он умер, — напомнил ему начальник тюрьмы.

— Ах да... — молвил Креншоу. — Как-то вылетело из головы...

И он пошел прочь, глубоко утопая ботинками в белоснежной, алмазно-искрящейся поверхности равнины.

Ночь при Чанселорсвилле

Понятно, я ведать не ведала, во что вляпаюсь, иначе ни за какие коврижки не согласилась бы туда ехать. Да пропади они все пропадом со своей армией — и то сказать, одно название что армия, а на деле просто сборище придурков, трусы желтопузые. А началось все с того, что моя подруга Нелл как-то возьми да и скажи:

— Нора, ты погляди, что творится: Филадельфия будто вымерла, как и Балтимор. Этак и мы с голоду загнемся этим летом.

А перед тем она получила письмо от одной из наших девчонок, в котором говорилось о их жизни в «славной старой Виргинии». Мол, солдатики нынче при деньгах, и проторчат они там до конца лета, если только мятежники не сдадутся раньше. Жалованье идет им без перебоев, так что смазливая да опрятная девчонка запросто может брать с клиента по... черт, забыла, по сколько... Хотя чему тут удивляться — после того, что с нами приключилось, недолго и собственное имя позабыть.

Вообще-то, я привыкла к порядочному обхождению — так уж выходит, что развязные поначалу мужчины потом делаются со мной уважительными, и я никогда не попадаю в такие истории, как некоторые девчонки, когда их бросают в незнакомом городе, а то еще и кошелек сопрут.

Ах да, я начала рассказывать о том, как мы отправились в армию, которая стояла в «славной старой Вирги-

нии». Чтоб я еще когда связалась с этой армией — да ни в жизнь! Слушайте дальше и поймете почему.

Путешествия мне не в диковину, и знавала я их в лучшем виде — когда была еще маленькой, папа однажды возил меня на поезде в Балтимор аж из пенсильванского Йорка, где мы тогда жили. Ездили в ту пору со всеми удобствами, что и говорить, — нам даже дали такие подушечки, чтобы мягче было сидеть, а по вагонам ходили торговцы с корзинами яблок и апельсинов. Идут и кричат нараспев: «Апельсинов кто желает? Яблоки спелые, сочные! А вот пиво — кому пива?» Да сами знаете, небось, как оно бывает в поездах — только пиво я там не брала, потому что...

Хорошо-хорошо, продолжаю... Вам, мужчинам, интересно слушать только про войну, но если все войны похожи на ту, какую видела я, чтоб им всем...

Ну так вот, значит, на вокзале всех женщин посадили в один вагон. Билеты проверял вертлявый такой тип, он подмигнул нам и говорит:

— Никак пополненьице для Хукерова воинства?

Лампы тамошние почти не давали света: стекла в них закоптились и были сплошь облеплены дохлой мошкаррой. Вообще вагон был старый и препаршивый, только что не рассыпался на ходу.

Нас там было десятка четыре веселых девчонок, большей частью из Балтимора и Филадельфии. Но были еще три-четыре дамочки иного сорта — ну то есть из богатых, — они сидели на передних местах. А из соседнего вагона к ним то и дело прибегал офицер и все спрашивал, не надо ли чего. Наши с Нелл места были сразу за ними, и мы слышали, как он шептал этим дамочкам:

— Вы оказались в неприятной компании, но потерпите, через несколько часов будем на месте, а в штаб-квартире я вас устрою с комфортом.

Никогда не забуду ту ночь. Мало кто сообразил прихватить еды в дорогу, но у девчонок позади нас нашлось немного колбасы и хлеба, и они дали нам остатки после того, как поели сами. В вагоне был бак для воды, но что толку, если воды в нем не было, сколько ни крути краник. Так мы ехали часа два — хотя какая там езда: пару минут проедем и станем, потом еще пару минут и снова стоп, — а потом из соседнего вагона притащились два лейтенанта, вдрабадан пьяные, и начали предлагать мне и Нелл виски прямо из горлышка. Нелл сделала глоток, я тоже притворилась, что пью, и они пристроились с краешку на наши сиденья. Один из них стал клеиться к Нелл, но тут опять явился офицер, который все время проводывал дамочек, — высокий чин, я думаю, майор или генерал.

— У вас все в порядке? Что-нибудь нужно? — спросил он уже в который раз.

Одна из дамочек что-то ему прошептала, тогда он повернулся к лейтенантику — тому, что клеился к Нелл, — и приказал ему идти обратно в свой вагон. А второй остался с нами, но он был не так чтобы уж сильно пьян — просто погано себя чувствовал.

— Да уж, веселая компашка собралась, — сказал он. — Ладно еще, что с этими лампами ничего толком не разглядишь. Такое чувство, будто у каждой из вас только что отдал концы лучший друг.

— А вдруг так оно и есть, ты почему знаешь? — быстро откликнулась Нелл. — Интересно, как бы ты смотрелся, если б катил на перекладных от самой Филадельфии и потом угодил в этот клоповник на колесах.

— Я качусь от самой «семидневной заварухи», сестренка, — сказал он. — И видок имел бы всяко поприятнее, если б не лишился глаза при Гейнс-Милл.

Только тут мы заметили, что у него нет одного глаза. Прежде он его все время как бы прищуривал — в полу-

РАССКАЗЫ ДЛЯ «ЭСКВАЙРА» (1935–1941)

тьме поди разберись. А вскоре он ушел, сказав, что постарается добыть нам воды или кофе — пить хотелось прямо жуть!

Вагон трясся и раскачивался так, что голова шла кругом. Кого-то из девчонок мутило, кто-то прикорнул на плече соседки.

— Ну где же эта армия? — ругалась Нелл. — В Мексику их занесло, что ли?

Я к тому времени уже клевала носом и ничего ей не ответила.

Проснувшись я от сильного грома, поезд снова стоял.

— Гроза начинается, — сказала я.

— Гроза, как же! — фыркнула Нелл. — Это пушки гремят, у них тут бой!

— Ох! — И я совсем очнулась. — Знаешь, с такими делами мне уже все равно, кто из них победит.

Гром как будто приближался, но из окошек ничего не было видно — такая стояла мгла.

А где-то через полчаса появляется в вагоне незнакомый офицер, и вид у него самый неважнецкий, будто сию минуту из постели выпрыгнул: мундир расстегнут, и брюки без подтяжек сползают, так что он их рукой должен придерживать.

— Ну-ка, дамочки, на выход! — командует он. — Вагон нужен для раненых.

— Еще чего!

— Мы оплатили свой проезд, разве нет?

А он:

— У нас не хватает места для раненых, все другие вагоны уже заполнены.

— Нам-то что за дело? Мы сюда не воевать приехали!

— Воевать не воевать — но сейчас вы в самом адском пекле!

Я порядком струхнула, скажу честно. Я подумала, что нас могут захватить мятежники и посадить в одну

из своих кошмарных тюрем, о которых столько рассказывали, — там людей морят голодом, а за корку хлеба ты должен целыми днями распевать «Дикси» и целоваться с негритосами.

— Пошевеливайтесь! — кричит он.

Вдруг появляется еще один офицер, поприличнее с виду.

— Оставайтесь на местах, дамочки, — говорит он и поворачивается к расхристанному. — Вы что, хотите их высадить и бросить прямо на обочине? Если корпус Седжвика и вправду разбит, как о том говорят, противник двинется прямо сюда!

Тут кто-то из девчонок зарыдал в голос.

— Как-никак, эти женщины северянки, — добавил более приличный офицер.

— Да они же обыкновенные... — начал другой.

— Хватит спорить! Ступайте к своим солдатам! За транспорт отвечаю я — и я доставлю их обратно в Вашингтон этим же поездом.

Я думала, они сейчас подерутся, но оба просто вышли из вагона. А мы остались сидеть и гадать, что с нами будет дальше.

А вот что было дальше, я помню уже смутно. Пушки гремели то тут, то там, а ружейная пальба шла так и вовсе рядом. Одну девчонку на другом конце вагона чуть не убило пулей, которая угодила в самую середину окошка, и оно раскололось, но не так, как если бы стукнуть по стеклу чем тяжелым, а скорее как колетса лед зимой на пруду — дырочка, и от нее трещины паутинкой, ну да сами знаете. Я слышала, как у нас под окнами проскакало много лошадей, но видеть по-прежнему ничего не видела.

Так прошло еще примерно полчаса — с топотом копыт и пальбой. Шумели все больше впереди, ближе к нашему паровозу.

А потом вдруг все стихло, и в наш вагон забрались двое — мы сразу поняли, что это южане, причем не офицеры, а рядовые солдаты, с мушкетами. На одном было что-то вроде старой коричневой куртки, а на другом что-то синее, все заляпанное пятнами, — этого типа я ни за что бы не согласилась обслуживать. Мало что в пятнах, одежонка была ему явно коротка и даже близко не походила на военную форму. Просто пугало огородное. И еще меня удивил цвет — я-то думала, они все носят серое. Смотрелись оба отвратно и были грязные, как черти; у одного в руке была банка варенья, и он лопал его, размазывая по роже, а второй где-то урвал большую коробку с печеньем.

— Э, да тута мамзели!

— Их-то каким сюды занесло?

— Ты не дотумкал, Стив, — это ж личный штаб старины Джо Хукера!

— Мабыть, свести их к генералу, как мозгуешь?

Я едва понимала их речь — так жутко они коверкали слова.

С одной из девчонок случилась истерика, и это их вроде как смутило. Совсем еще юнцы, хоть и обросли бородами. Один коснулся пальцами своей шляпы, или кепи, или как еще называлась та рвань, что была у него на башке.

— Да не пужайтесь вы так, мамзели, мы вас не тронем.

Тут снова поднялась пальба впереди, у паровоза, и южан этих будто ветром сдуло.

Как мы были рады, и не опишешь!

А еще через четверть часа появился наш офицер. Новый — то есть не из тех, кого мы видели раньше.

— Сядьте на пол и пригните головы! — заорал он. — Они могут открыть огонь по поезду. Скоро двинемся назад, вот только примем еще два полевых лазарета.

Многие девчонки скрючились на полу еще задолго до его совета. Богатые дамы с первых сидений ушли в соседний вагон — помогать раненым, если чем смогут. Нелл пошла было следом за ними, но скоро вернулась, зажимая пальцами нос, и сказала, что вонища там несусветная.

И хорошо, что не стала набиваться в помощницы, потому что все эти больные думают только о себе и неспособны по-человечески отнестись к обычным здоровым людям. Когда две другие девчонки из нашего вагона пошли туда и вызвались помочь, медсестры вымели их вон так грубо, словно те были грязью у них под ногами.

Я уж не знаю, сколько прошло времени, прежде чем поезд тронулся с места. А вскоре пришел солдат, слил остатки масла из всех наших ламп, кроме одной, и унес масло в вагон с ранеными. Теперь мы и друг дружку-то едва видели.

Если на юг поезд плелся еле-еле, то обратно он ехал еще медленнее. Раненые в соседнем вагоне подняли такой дикий шум — стонали, кричали, бредили, — что уснуть было просто невозможно.

Останавливались мы на каждом полустанке.

Когда наконец поезд дополз до Вашингтона, на вокзале собралась огромная толпа встречающих. Все хотели узнать, что там случилось с армией, но я на их вопросы отвечала: «Без понятия». Мне хотелось только одного: найти комнату с кроватью и завалиться спать. Так плохо, как в той поездке, со мной еще никто и никогда не обращался.

Одна из наших девчонок даже собралась писать жалобу президенту Линкольну.

А на другой день в газетах не было ни слова о том, как на наш поезд напали, и вообще ни словечка о нас! Ну куда это годится, скажите?

Утро Барбоса

Очнувшись от блохастых беспокойных снов, я первым делом профыркал свою нюхалку и обежал двор в надежде учуять что-нибудь интересное, но без толку — сильный ветер уносил все запахи.

В моей миске лежали остатки вчерашних сухарей. Исходя из опыта, скажу вам так: на свете нет вещей менее вдохновляющих, чем сухая корочка на завтрак промозглым ветреным утром.

Умница вышла из дома очень рано, что стало в порядке вещей с тех пор, как у нее завелись какие-то дневные дела неведомо где. Я подбежал ее поприветствовать, от всей души виляя хвостом. Вы не подумайте, я вовсе не из тех безмозглых шавок, которые мнят своего хозяина чуть ли не богом, даже когда он всего-навсего старый ниггер, а его одежда пахнет чужими людьми, отдавшими ему свои обноски, — но Умница как хозяйка на высоте, надо отдать ей должное.

С юных месяцев я усвоил, что людей не заботят никакие запахи, кроме их собственного, и это знание позволяет мне избегать проблем с Умницей — кроме того случая, когда я среди ночи принес ей в подарок отличную кость, а она швырнула ее мне в морду, да так, что едва не выбила глаз.

Я полагал этот день вполне подходящим для прогулки с хозяйкой за город и купания в пруду, да не тут-то было. Она вновь забралась в свою самоходную будку и

укатила невесть куда, предоставив мне развлекаться на свой лад. В который раз я пожалел, что не имею никакого серьезного занятия.

Мой лучший друг, живущий в доме напротив, еще только дожидался утренней кормежки, и от нечего делать я немного размялся в компании кабысдоха из соседнего двора. Он приплелся, грозно таякая и пискляво рыча, — знает, что за ругань я его всерьез трепать не стану, вот и куражится.

— Ты неуклюжий ком шерсти, и ничего больше! — рычал он. — Я могу наброситься на тебя с любой стороны, а ты и повернуться не успеешь.

— Да неужто? — спросил я, забавляясь его показной свирепостью, после чего мы выполнили привычную серию упражнений: ложные выпады и наскоки, захваты за лапу и за горло, перекаты и кувырки.

Было в целом ничего себе, но позднее, когда мы сели отдышаться, я подумал, что настоящую силовую разминку с партнером вроде кабысдоха не проведешь — он все больше увертывается да описывает круги. А я люблю сшибаться грудь в грудь, желательно с кем-нибудь покрупнее этого доходяги. Однажды он слишком увлекся игрой и тяпнул меня до крови, но я тут же отмутузил его за милую душу.

— Чтобы больше такого не было, не то шкуру сдеру, — пригрозил я.

— Да я же нечаянно, без обид...

— Вот и ты потом не обижайся.

В этот раз, когда мы отдыхали, он спросил:

— Чем займешься этим утром?

— А у тебя есть идеи? Даже не думай снова втянуть меня в погоню за каким-нибудь котом. Глупый пес до старости щенок — это про тебя.

РАССКАЗЫ ДЛЯ «ЭСКВАЙРА» (1935–1941)

- Я не имел в виду котов.
- Тогда что? Мясо? Или сучек?
- Могу показать тебе одно сытное местечко.
- С чего это вдруг ты решил делиться? Не иначе, в тех местах водится здоровый пес.

Поджидая моего друга, мы коротали время за лаем — хотя лаял в основном лишь кабысдох. Эти малявки способны брехать без умолку с утра до вечера, при этом даже не охрипнув. А он еще, носясь кругами, вздумал облаять группу школьников и дал мне повод для веселья, когда схлопотал пинок под ребра и завизжал благим матом. Я же гавкнул солидным баском лишь пару-тройку раз, чтобы прочистить глотку, — не в моем стиле драть ее без нужды и повода.

Когда мой друг наконец вышел из дома, кабысдох повел нас показывать свою находку. Как я и предполагал, там не было ничего особенного — просто мусорный бак с неплотно пригнутой крышкой, которую можно было поддеть носом. Я уловил оттуда интересный запах, но вскоре понял, что он вчерашний, так что мы с другом задали взбучку кабысдоху за потерянное по его милости время и продолжили прогулку вдвоем.

Вскоре мы пристроились за высокой женщиной — в ее сумке лежал кусок свежего мяса. Мы прекрасно знали, что нам оно не светит, но ведь всякое может случиться. И потом, иногда хочется забыть о жратве и просто бежать за человеком, представляя, что он твой хозяин или что он тебя куда-то ведет. А еще через пару кварталов я уловил новый запах.

- Пахнет свадьбой, — сказал я.
- Ну и нос у тебя! — позавидовал друг, безрезультатно принюхиваясь. — Должно быть, я старею. Глаза еще видят, а вот с чутьем дело худо.

— Ерунда, это ветер тебе помешал, — успокоил я его, хотя нюх у него и вправду слабоват.

Мне на свой грех жаловаться, но вот глаза временами подводят. Через минуту и друг поймал запах, после чего мы оставили женщину с мясом и побежали туда, откуда дул ветер.

Этак мы трусили, наверное, с милю, понемногу начиная злиться.

— Есть ли смысл продолжать? — спросил наконец мой друг. — Или у меня с башкой неладно, или в этом букете уже с десятков запахов.

— Я насчитал десятка два как минимум.

— Может, повернем обратно?

— Но мы почти на месте, давай уж глянем.

Мы поднялись на холм и оттуда увидели дворняжку свадьбу — такого столпотворения я не припомню со времени последней собачьей выставки.

— Дохлый номер, — сказал я, и мы побежали домой.

Умница еще не вернулась, но Бородач был на месте. У этого свои заморочки: держит невысоко над землей палку и несет всякий вздор убеждающим тоном — я-то давным-давно понял, что он проверяет, настолько ли я глуп, чтобы прыгать через эту дурацкую палку. Я мог бы схватить ее зубами, но не стал этого делать, а просто обошел палку стороной. Тогда он прицепился ко мне с другим трюком, который все они время от времени пытаются проделать: поднял мои передние лапы, заставляя стоять только на задних. Понятия не имею, зачем им это нужно.

Потом он притащил музыкальную коробочку, и та заиграла мелодию, от которой мне всегда жутко хочется выть. Тут уж я не вытерпел и дал деру со двора на улицу. Навстречу попался пес, несущий в пасти газету и оттого невероятно довольный собой. В свое время я тоже подря-

дился было на эту работенку, да вот беда — позабыл, что несу не кость, а газету, и по привычке стал закапывать ее в углу двора, где меня увидел Бородач, и это было ох как больно!

Вскоре я увидел своего друга дальше по улице. Это крупный пес благородных кровей, такого заметить легко. Он остановился на минутку, чтобы обменяться приветствиями со знакомым мальчишкой, а потом заметил меня и радостно помчался через перекресток. Что случилось после того, я не разглядел. Была уже середина дня, и по улице катилось множество самоходных будок. Одна из них резко встала на перекрестке, потом остановилась другая, начали вылезать люди. Я поспешил туда вместе с несколькими пешеходами.

И там я увидел моего лучшего друга; он лежал на боку, из пасти текла кровь, глаза были открыты, но дышал он тяжело и хрипло. Все вокруг сильно волновались и шумели, пса перенесли на лужайку рядом с его домом, откуда выскочили хозяйские мальчик и девочка, подбежали и заплакали. Я и еще один пес, также хорошо его знавший, пробрались через толпу, и я хотел сочувственно лизнуть друга, но тот вскинулся и зарычал: «Пррррочь!» Бедняга вообразил, будто я хочу его сожрать, пользуясь тем, что он покалечен и беспомощен.

Мальчик крикнул мне: «Пшел отсюда!» — и это было очень обидно, потому как я никогда прежде не ел собак и не намерен есть их в будущем — разве что с дикой голодухи. Но я, понятно, отошел в сторону, чтобы не нервировать своего друга, и оттуда следил за тем, как его на одеяле уносят в дом. После этого мы обнюхали кровавое пятно на земле, а одна из подбежавших собак его лизнула.

Вернувшись к себе во двор, я завыл — без всякой музыки, ни с того ни с сего, — а потом пошел проверить, не прикатила ли Умница. Но ее еще не было, и я начал беспокоиться: вдруг с ней тоже случилось что-нибудь страшное и я больше ее не увижу? Я уселся на крыльце и стал ждать, а она все не приезжала; тогда я поскребся в дверь, и Бородач пустил меня внутрь, где я опять слегка завыл, а он почесал меня за ухом.

Потом я вышел на крыльцо — и увидел Умницу, вылезающую из своей самоходной будки. Я кинулся к ней со всех лап, потыкался носом ей в руку, начал прыгать вокруг и едва не свалил ее, когда она поднималась по ступенькам. До чего же я рад был ее возвращению! Она дала мне еду — говяжьи обрезки, замоченные в молоке сухари и отличную кость. Сперва я съел мясо, потом вылакал молоко, а сухарилизал, но есть не стал. Косточку я погрыз в свое удовольствие и потом неглубоко закопал в укромном месте. У меня этих костей уже штук сто закопано повсюду — сам не знаю, зачем я это делаю. Я никогда их потом не откапываю, разве что случайно наткнусь; но и оставлять их просто так валяться на земле я не могу, хоть убейте.

После этого я побежал к дому, где живет мой лучший друг, чтобы его проведать, но не нашел там никого, кроме девочки, которая сидела на качелях и плакала.

Музыка в трех актах

I

Поначалу она слышалась едва-едва, растворяясь в неярком голубоватом свете с проблесками нежно-розового. Потом было просторное помещение, заполненное молодыми людьми, — и только здесь они наконец-то ее узнали и почувствовали.

Как их звали, не суть важно. Этот рассказ — о музыке.

Он взошел на эстраду, где пианист позволил ему прочесть надпись на нотном листе: «Из мюзикла „Нет, нет, Нанетт“ Винсента Йоманса».

— Спасибо, — сказал он пианисту. — Я бы охотно подкинул вам чаевых, но, когда у интерна в кармане заведется доллар с мелочью, он скорее потратит их на свою свадьбу.

— Не беда, док. У меня в кармане было примерно столько же, когда я женился прошлой зимой.

Он вернулся к столику, и она спросила:

— Ну что, узнал, как зовут автора песни?

— Не узнал. Долго мы здесь пробудем?

— Пока играет «Чай для двоих».

Позднее, по выходе из женской гардеробной, она поинтересовалась:

— А кто это играл?

— Господи, да откуда мне знать? Оркестр играл.

Теперь музыка просачивалась сквозь двери зала:

Чай...

двоих...

Двое...

чая...

— Никогда нам не пожениться. Я и в медсестры-то еще не выбилась.

— Тогда оставим эту затею и проведем остаток дней, бродя по таким местечкам и слушая музыку. Как там, кстати, звали автора?

— Это ты должен мне сказать. Ты же сувал нос в самые ноты.

— Не «сувал», а «совал».

— Смотрите какой знаток!

— Однако же я узнал имя автора.

— И кто это?

— Некий Винсент Йоманс.

Она замурлыкала:

И я

с тобой,

И ты

со мной

Вдво-е-ом...

Когда они шли по коридору к выходу, их руки на мгновение сплелись.

— Даже если ты лишишься последнего доллара и мелочи, я все равно согласна быть твоей женой, — сказала она.

II

Проходили годы, но музыка по-прежнему звучала в их жизни. Теперь это были «Я одинок», «Вспомни», «Всегда», «Синее небо» и «А как же я?». Он только что вер-

РАССКАЗЫ ДЛЯ «ЭСКВАЙРА» (1935–1941)

нулся из поездки в Вену, хотя это уже не слишком впечатляло.

— Подожди немного здесь, — сказала она перед дверью операционной. — Если хочешь, послушай радио.

— Ах, какие мы стали важные-занятые...

Он включил радио.

Вспомни
ту ночь,
когда ты сказала...

— Ты мне просто пускаешь пыль в глаза или вся медицина действительно начинается и заканчивается Веной? — спросила она.

— Вовсе нет, — сказал он со смиренным видом. — А ты, я вижу, здорово наловчилась гонять ординаторов и хирургов.

— На подходе операция доктора Менафи, и надо перенести удаление миндалин на другое время. Прости, у меня куча дел. Как-никак, заведу операционной.

— Но вечером мы с тобой где-нибудь поужинаем? Закажем оркестрантам «Я одинок».

Она помедлила, внимательно на него глядя.

— Да, я давно уже одинока. И кое-чего добилась в жизни, хотя ты этого не заметил... Скажи, а кто такой этот Берлин? Он вроде бы начинал тапером в дешевых ресторанчиках. У моего брата было придорожное кафе, и он предлагал мне открыть свое, давал деньги. Но не лежала у меня к этому душа. Так что там с Берлином? Я слышала, он женился на богатой наследнице.

— Да, они недавно поженились...

Тут она, спохватившись, прервала разговор.

— Извини, мне до начала операции еще нужно уволить одного интерна.

— Я сам был интерном когда-то. Могу понять.

...Тем вечером они все же выбрались в ресторан. Она теперь зарабатывала три тысячи в год, а он все так же принадлежал своей семье — старой консервативной семье из Вермонта.

— Вернемся к Ирвингу Берлину. Он счастлив с этой девицей Маккей? Что-то песни у него невеселые...

— Думаю, он в порядке. А вот ты — счастлива ли ты?

— Это мы уже давно обсудили. Что я значу вообще? Да, сейчас я имею кое-какое значение, но, когда я была всего лишь девчонкой из пригорода, твоя семья решила... Не ты, — быстро добавила она, заметив тревогу в его глазах. — Я знаю, это было не твое решение.

— В ту пору я знал о тебе еще кое-что. Я знал три вещи: что ты родом из Йонкерса, что ты частенько перевираешь слова...

— И что я хотела выйти за тебя замуж. Забудем это. Твой приятель мистер Берлин говорит куда лучше нас. Давай послушаем его.

— Я его слушаю.

— То есть я хотела сказать: послушаем.

Не пройдет и года, как...

— Почему ты назвала его моим приятелем? Я этого мистера Берлина и в глаза не видел.

— Я подумала: может быть, ты встречался с ним в Вене, пока жил там?

— Не видел я его ни там, ни где-либо еще.

— Он точно женился на той девушке?

— Почему ты плачешь?

— Я не плачу. Я только сказала, что он женился на той девушке, — он ведь на ней женился? Почему бы мне об этом не спросить? Если уж на то пошло... когда...

— Ты все же плачешь, — сказал он.

— Нет. Честное слово, нет. Это все из-за работы, очень устают глаза. Давай потанцуем.

РАССКАЗЫ ДЛЯ «ЭСКВАЙРА» (1935–1941)

Над
голо-
вой... —

исполнял оркестр.

Синее
небо
над
голо-
вой...

Танцуя в его объятиях, она вдруг вскинула голову:

— Значит, по-твоему, они счастливы?

— Кто?

— Ирвинг Берлин и девчонка Маккей.

— Откуда мне знать, счастливы они или нет? Я же сказал, что не знаю их и никогда их не видел.

Мгновение спустя она прошептала:

— Мы все их знали.

III

Этот рассказ — о музыке. Иногда люди ведут мелодию, а иногда она ведет людей. Как бы то ни было:

— Значит, не суждено, — произнес он с ноткой обреченности.

Дым застит глаза... —

меж тем говорила музыка.

— Почему?

— Потому что мы уже слишком старые. Да ты и сама не захочешь — теперь, когда тебе дали эту работу в Дюкском центре.

— Я туда еще не перебралась.

— Но работу-то дали. И будут платить четыре тысячи в год.

- Ты получаешь вдвое больше.
- То есть ты все еще согласна?

Когда твое сердце пылает... —

продолжал оркестр.

- Нет. Думаю, ты прав. Уже слишком поздно.
- Слишком поздно для чего?
- Просто «слишком поздно», как ты сам сказал.
- Я не это имел в виду.
- И все равно ты был прав... Тише.

Взгляду
улада,
Сердцу
отрада...

- Эта песня — как раз о тебе, — сказал он с чувством.
- Что? Это я-то взгляду улада и так далее? Тебе следовало сказать это мне пятнадцать лет назад. А сейчас у меня под началом целая клиника... Я по-прежнему женщина, — добавила она после паузы, — но уже не та женщина, которую ты знал когда-то. Теперь я совсем другая.

Взгляду улада... —

гнул свое оркестр.

- Да, я могла услаждать взгляды, когда была никем и даже не умела правильно выражаться...
- Я никогда не думал...
- Только не начинай снова. Лучше послушаем, что они играют.
- Песня так и называется: «Взгляду улада».
- А кто автор?
- Его зовут Джером Керн.
- А с ним ты встречался, когда в последний раз ездил в Европу? Он твой приятель?

— Никогда его не видел. С чего ты взяла, будто я должен знать всю эту звездную братию? Я всего-навсего врач. Я не музыкант.

Она помолчала, размышляя: откуда в ней эта горечь?

— Должно быть, все потому, что я за эти годы не встречала никаких знаменитостей, — сказала она наконец. — Впрочем, однажды я видела самого доктора Келли, но только издалека. Я стала такой, какая есть, просто потому, что хорошо делаю свое дело.

— А я стал таким, потому что...

— Для меня ты всегда будешь лучше всех. Как, ты сказал, звали этого автора?

— Керн. И я не говорил «звали». Я сказал «зовут».

— Ты всегда любил меня поправлять. А теперь мы оба располнели — средний возраст, ничего не попишешь. Не так уж много радостей выпало на нашу долю.

— В том не моя вина.

— В этом нет ничьей вины вообще. Просто так уж вышло. Давай потанцуем. Красивая мелодия. Как, ты сказал, звали того автора?

— Керн.

Откуда знаю я,
Что любовь верна...

— Однако у нас было все это, верно? — спросила она. — Были все эти люди — и Йоманс, и Берлин, и Керн. Им, наверно, пришлось наизнанку вывернуться, чтобы написать такие песни. А мы эти песни слушали вместе с тобой.

— Боже, но ведь этого так мало... — начал он, но она его прервала:

— Давай не будем зря мусолить эту тему. Ведь это наше с тобой достояние. Это все, что мы узнали о жизни. И у этих людей были имена — ты знал их имена.

— Их имена...

— Ты хоть с кем-нибудь из них познакомился за все годы, что провел в Европе?

— Ни разу не видел никого из них.

— Вот и я никогда их не увижу.

Она задумалась, представляя себе широкие просторы той жизни, какая могла бы быть у них вдвоем. Она могла бы стать женой этого человека, родить ему детей и, если нужно, умереть ради него... А вместо этого она в одиночку выкарабкивалась из унижительной нищеты, получала образование, делала карьеру, стремилась вперед — навстречу одинокой старости. И сейчас ей уже не было дела до этого мужчины, так и не ставшего ее мужем. Но ей очень хотелось знать, как жили все эти композиторы — Йоманс, Берлин, Керн, — и она думала, что, если их жены вдруг попадут к ней в клинику, она сделает все возможное для того, чтобы они чувствовали себя счастливыми.

Муравьи в Принстоне

Сейчас, по прошествии достаточно большого промежутка времени, я считаю возможным наконец-то поведать миру историю, мало кому известную доподлинно и за эти годы обросшую массой дичайших домыслов и предположений. Будучи выпускником Принстона и состоя в дружеских отношениях с некоторыми должностными лицами университета, ваш покорный слуга владеет самой точной информацией о тех событиях, начавшихся с достопамятного собрания преподавательского состава и едва не завершившихся трагедией во время футбольного матча между двумя университетскими командами.

Лишь одна подробность так и осталась мне неведомой: кто именно из профессоров первым высказал идею о допуске *муравьев* к учебе в университете. Среди приведенных в пользу этого доводов был, помнится, и такой: эти высокоорганизованные, исключительно дисциплинированные и, главное, на редкость трудолюбивые насекомые могут послужить вдохновляющим примером для всех прочих студентов Принстона.

Следующей осенью эксперимент стартовал при самых благоприятных обстоятельствах и превосходных шансах на успех. Беззаветные старания профессора бактериологии _____ и беспримерная щедрость мистера _____ из попечительского совета обеспечили набор необходи-

мого количество муравьев, подходящих для участия в эксперименте. Причем все это было сделано столь тактично, что многие студенты даже не подозревали о присутствии в классах новых соучеников и могли бы оставаться в неведении вплоть до самого выпуска, если бы не инцидент, о котором и пойдет речь ниже.

Известная миниатюрность телосложения помешала некоторым из муравьев «шагать в ногу» с остальными студентами, и этих особей, увы, пришлось отчислить по окончании зимней сессии. Однако большинство муравьев справлялось очень даже неплохо на протяжении всего учебного года, хотя в их среде был отмечен прогрессирующий комплекс неполноценности. Этот комплекс проявлялся особенно сильно у самого крупного и физически развитого муравья, по мере того как в нем крепла убежденность, что именно ему назначено судьбой представлять своих собратьев перед лицом всего студенческого сообщества.

Размеры этого муравья, надо сказать, были вполне соизмеримы с человеческими, а посему нет ничего удивительного в том, что амбиции подтолкнули его к вступлению в университетскую футбольную команду.

Это оказалось не так уж сложно, ибо весь предыдущий год команду лихорадило и она пребывала в полуразобранном состоянии. И дабы положить этому конец, из Миннесоты был призван Фриц Крайслер, взявший бразды правления в свои руки.

Мистер Крайслер согласился занять тренерский пост при условии, что ему предоставят полную свободу действий при формировании новой, лучшей команды, — и первый же вопрос, естественным образом всплывший в этой связи, касался муравья.

К тому времени муравей играл в линии нападения второго состава команды, каковой факт сам по себе — вне

зависимости от спортивных и личностных качеств муравья — казался возмутительным многим старым выпускникам Принстона, еще помнившим времена, когда в их команде выступали такие легенды, как Хиллебранд, Биффи Ли, Большой Билл Эдвардс и братья По.

Однако Крайслер был тверд и принципиален.

— В наших миннесотских командах, — заявил он, — мы никого не дискриминируем по расовому признаку — кроме скандинавов, разумеется.

Прошли весенние тренировки команды, а когда осенью начались предсезонные сборы, старые выпускники смирились с ситуацией. Между тем муравья перевели в основной состав, где он стал важным винтиком в механизме игры ввиду своей универсальности, одинаково хорошо действуя как в защите, так и в нападении.

Уже в самом начале сезона специалисты увидели в нем претендента на звание лучшего игрока чемпионата. Он был крупный, сильный и жесткий, а его поразительный стиль прорыва «низом» через линию защиты и ставящая противника в тупик способность нести мяч в любой из восьми лап, казалось, открывали новую эру в американском футболе. Постепенно вокруг него стали строиться все атакующие действия команды.

Тот сезон запомнился всем выпускникам Принстона: соперники из Корнелла, Пенсильвании, Дартмута, Колумбии и Йеля, не говоря уже про заведомых «мальчиков для битья» — выступавшего вторым составом Лоренсвилля и Нью-Джерсийской исправительной школы для наркоманов, — один за другим пали под натиском «Тигров» или, говоря уж по справедливости, муравья, так как именно ему все спортивные обозреватели приписывали главную заслугу в этих победах. Когда в ходе матча с Йелем ему оторвали голову, это повергло в ужасное смятение весь принстонский кампус, но голову удалось при-

крепить на место, и болельщики вздохнули с облегчением.

Оставалось единственное препятствие на пути к блистательному завершению сезона и финальной игре на «Роуз-Боул». Последний матч восточного чемпионата предстояло сыграть с Гарвардом; и тут капитан гарвардской команды Кабот Сэлтонвиль вдруг публично заявил, что скорее предпочтет вообще отказаться от игры, нежели выходить на поле против муравья.

— Не думаю, что здесь нужны какие-то дополнительные пояснения, — сказал он падким на сенсации репортерам, — но даю вам слово старого гротонца: это заявление ни в коей мере не вызвано страхом.

По сему поводу жаркие словесные баталии развернулись в прессе и в обоих кампусах. Принстонцы, естественно, узрели в этом попытку посредством закулисных махинаций лишить их команду звездного игрока. Среди прочего было отмечено, что муравьям посвящен выдающийся научный труд Метерлинка, а упоминания о бостонцах можно найти разве что в записках Адамса. Гарвардцы практически единодушно поддержали своего капитана и разогнали митинг местных радикалов, попытавшихся представить спор как «новый виток классовой борьбы».

В конце концов Принстон уступил, и муравей не был допущен к игре. Сэлтонвиль добился своего.

По ходу матча события развивались вполне предсказуемо. Лишившись своей многоногой ударной силы, принстонская команда передвигалась по полю, будто парализованная. Счет уверенно возрастал — 7:0, 14:0, 50:0, 65:0, — и крики болельщиков с «тигриных» трибун все больше походили на мучительный стон.

Наконец кто-то из них — легенды приписывают инициативу одному первокурснику — завел кричалку:

— Мураша в игру! Мураша в игру!

Ближайшие к нему болельщики подхватили, и вскоре уже весь черно-оранжевый сектор скандировал:

— Му-ра-ша в иг-ру!

Тут-то гарвардский капитан Сэлтонвиль и совершил фатальную ошибку. Его чрезмерная самоуверенность — при подавляющем превосходстве в счете всего за десять минут до конца матча — обернулась одним из тех рыцарственных жестов, склонность к которым он унаследовал от многих поколений новоанглийских предков.

Он взял тайм-аут и, повернувшись в сторону принстонских трибун, крикнул:

— Выпускайте на поле свою букашку!

И муравья выпустили на поле. Он был в обычной одежде, без формы, щитков и шлема, поскольку в тот день не числился даже среди запасных, но уже через десять секунд об этом все забыли, ибо с его вступлением в игру принстонцы воспрянули духом и совершенно преобразились. Они вернулись к старой, разработанной Крайслером схеме, с муравьем в качестве лидера атак, — той самой схеме, что принесла им череду блестящих побед на протяжении сезона. А пока Мураш совершал стремительные рывки, делал перехваты, отпасовывал, принимал мяч и пробивался с ним в зону противника, сотни маленьких муравьев, невидимых в траве, отслеживали игроков гарвардской команды и по сигналу в начале каждой схватки впивались в них с такой яростью, что те и думать забывали об атакующих действиях. (Иные даже умудрялись проникнуть под нижнее белье спортсменов, таким образом дав начало крылатой фразе, которую я не буду здесь цитировать из чувства деликатности.)

Капитан Сэлтонвиль — чье лицо распухло от муравьиных укусов, а глаза заплыли так, что он почти ничего не видел, — проклинал собственное великодушие. Одна-

ко он был еще в состоянии разглядеть стремительно менявшийся счет на табло — 6:65, 25:65, 55:65, 64:65, — и вот уже принстонцы вышли вперед. Тогда гарвардский капитан решился на крайнюю меру: он сломает этого Мураша, он пойдет наперекор славным семейным традициям и сыграет грязно.

Когда прозвучал свисток, он ринулся в самую гущу схватки.

— Бац! — исподтишка врезался его кулак в противника. — Бац! Бам! Бац!

Он продолжал сгоряча наносить удары, но чутье уже подсказывало, что дела его плохи.

В следующие мгновения толпе болельщиков представило незабываемое зрелище. Из кучи игроков вдруг выскочил капитан Сэлтонвиль и со всех ног пустился наутек, а за ним, яростно сверкая глазами-бусинками, бежал муравей. Гарвардец промчался мимо своих ворот, оглянулся, испустил ужасный вопль и, перепрыгнув через ограждение, поскакал вверх по ступенькам трибуны; муравей неотступно его преследовал.

Замерев от ужаса, толпа наблюдала за тем, как Сэлтонвиль приближается к верхнему краю трибуны, откуда он мог спастись, лишь прыгнув с пятидесятифутовой высоты.

Капитан достиг репортерской ложи на самом верху и остановился, бледный как смерть. А муравей подбирался все ближе, задержавшись лишь ненадолго, чтобы расшвырять в стороны попытавшихся преградить ему путь гарвардских болельщиков.

И тут в события вмешался еще один неизвестный мне по имени герой: находчивый молодой комментатор.

— Если вы прямо сейчас сделаете нужное заявление для прессы, это может его утихомирить, — сказал он.

— Все, что угодно! — вскричал Сэлтонвиль.

РАССКАЗЫ ДЛЯ «ЭСКВАЙРА» (1935–1941)

И репортер начал вполголоса диктовать «нужные слова», которые Сэлтонвиль послушно повторял в микрофон, хотя кровь его кипела от стыда и бессильной ярости.

— Эта букаш... то есть мой уважаемый оппонент... превосходит меня мастерством, отвагой и силой духа... — Оппонент меж тем приближался, и гарвардец заговорил быстрее: — Это истинный джентльмен и образцовый спортсмен. Я горжусь тем, что встретился с ним на поле, даже несмотря на наше поражение.

Муравей услышал его слова и остановился. Сладкая лесть явно ослабила его боевой настрой.

Комментатор задал в микрофон уточняющий вопрос:

— Вы действительно так считаете, капитан Сэлтонвиль?

— Разумеется, — промямлил достойный сын Гарварда. — Именно затем я и спешил в репортерскую ложу. Мне не терпелось сообщить об этом всем.

Такова правдивая история о муравьях в Принстоне. И достоинств их отнюдь не умаляет тот факт, что в начале следующей весенней сессии муравьев-студентов признали «досадной помехой» и подчистую вытравили из Принстона.

Приказ о «зачистке» университета, само собой, не распространялся на Мураша. При желании вы можете повидать его и сейчас, ибо он пошел по научной стезе, специализируясь на перспективах прогресса своего муравьиного племени. В настоящее время он занимает должность профессора инсектологии в Йельском университете и по совместительству тренирует тамошнюю футбольную команду. А капитана Сэлтонвиля до сих пор помнят как одного из самых быстрых игроков, когда-либо выходивших на поле в красной форме Гарварда.

«Я не был на войне»

Я окончил колледж в шестнадцатом, так что ныне мы отмечали двадцатую годовщину выпуска. Мы привыкли называть себя «военными детьми», поскольку проклятая бойня так или иначе затронула каждого из нас, а на этой встрече о войне говорили больше обычного, возможно, потому, что в мире вновь запахло порохом.

На ту же военную тему мы втроем беседовали в задней комнате Питовского бара вечером после официальной церемонии, когда там объявился еще один из наших. На параде выпускников он был с нами в колонне, но, поскольку он покинул университет досрочно и за двадцать лет ни разу не появлялся на горизонте, мы едва узнали его в лицо и с трудом припомнили имя.

— Привет, э-э-э... Хиб! — сказал я с заминкой.

Остальные подхватили мое приветствие, после чего мы заказали еще пива и продолжили разговор.

— Когда днем возлагали венок, вышло очень даже трогательно, — сказал один из моих приятелей, вспоминая о бронзовой мемориальной доске с именами погибших выпускников. — Прочесть имена Эйба Данцера, Поупа Макгоуэна и других наших ребят и представить, что их нет вот уже двадцать лет, а мы всего-навсего постарели...

— Если мне вернут молодость, я за это готов снова пройти через войну, — сказал я и повернулся к новоприбывшему. — А ты побывал на фронте, Хиб?

— Я служил в армии, но на войне не был.

Под пиво и военные воспоминания проходили час за часом. Каждый из нас поведал какую-нибудь историю — забавную, необычную или страшную, — и только Хиб отмалчивался. Наконец, когда наступила пауза, он сказал, словно извиняясь:

— Я тоже успел бы повоевать, если бы меня не обвинили в избиении одного мальчишки.

Мы уставились на него вопросительно.

— Да я его и пальцем не тронул, — сказал Хиб, — однако скандал вышел изрядный.

Он замолчал, но мы попросили продолжить, поскольку сами уже наговорились досыта и были не прочь послушать нового рассказчика.

— Да тут и рассказывать особо нечего. Парнишка приехал в город с отцом, и там на улице его якобы ударил какой-то офицер с голубой повязкой военной полиции, а при опознании он указал на меня! Через месяц они выяснили, что малец-то с придурью и постоянно жалуется на побои со стороны солдат, так что меня освободили. Я вспомнил об этом случае, когда прочел на доске имя Эйба Данцера. Во время расследования я пару недель просидел в Ливенворте, а его тогда держали в соседней камере.

— Эйба Данцера?!

Мы трое воскликнули одновременно — еще бы, Эйб Данцер считался красой и гордостью нашего курса.

— Да его же представили к ордену!

— Я знаю.

— И какого черта Эйб Данцер делал в Ливенворте?

И снова в голосе Хиббинга появились виноватые нотки.

— Так уж вышло, что как раз я его и арестовал. Впрочем, он был не в обиде — служба есть служба. А когда

я попал в соседнюю камеру, он даже шутил, вспоминая свой арест.

Теперь мы были по-настоящему заинтригованы.

— За что же ты его арестовал?

— В Канзас-Сити меня определили в военную полицию, и чуть ли не первым моим заданием стало взять наряд с примкнутыми штыками и явиться в такой-то номер большого отеля — не помню его названия. Мы прибыли, я стучу в дверь, захожу, а там генералов и полковников — не протолкнуться. Аж в глазах рябит от звезд на погонах, никогда не видел столько сразу. А в центре комнаты стоят Эйб Данцер и какая-то девица — явно шлюха, — пьяные вдрабадан. Я был так ошарашен, что лишь через минуту заметил еще одну странность: девица была в мундире и фуражке Эйба, а он напялил ее платье и шляпку. В таком виде мы отконвоировали их вниз, а из отеля напрямик доставили к командиру дивизии.

Мы слушали этот рассказ сперва с сомнением, потом озадаченно, но под конец все же поверили и рассмеялись. Правда, смех у нас вышел какой-то вялый и быстро угас, после чего мы лишь смотрели на Хиббинга с глуповатыми ухмылками, поневоле представляя самих себя на месте Эйба.

— Он тебя узнал? — спросил я.

— В этом я не уверен.

— А что было дальше?

— Дальше все было просто и быстро. Мы поменяли на них одежду, сунули обоим головой под холодный душ, а потом я поставил их между двумя рядами конвойных и скомандовал: «Вперед шагом марш!»

— И отвел старину Эйба в тюрьму! — вскричали мы. — Ты, должно быть, препаршиво себя чувствовал.

— Не то слово. Судя по лицу командира дивизии, дело пахло расстрелом. И когда через пару месяцев меня

РАССКАЗЫ ДЛЯ «ЭСКВАЙРА» (1935–1941)

самого засадили в Ливенворт, я был рад обнаружить, что он все еще жив.

— Ничего не понимаю, — сказал Джо Бун. — В колледже Эйб вообще не пил.

— Он пристрастился к этому делу после истории с орденом, — сказал Хиббинг.

— Ты и эту историю знаешь?

— Конечно. Я ведь служил в той же дивизии, мы с ним из одного штата.

— Но ты же сам сказал, что не был на войне.

— Верно. И Эйб туда не добрался. Однако он побывал в кое-каких переделках. Понятно, их не сравнить с тем, чего вы навидались за океаном, но все же...

— Тогда за что его представили к ордену? — прервал я рассказчика. — И как это связано с его пьянством?

— Все из-за тех утопленников — они все время снились ему по ночам, нервы стали ни к черту, тут немудрено и запить...

— Какие еще утопленники? Черт возьми, старик, ты нас с ума сведешь! Это как в песенке про прекрасную маркизу.

— Правда, многие считали, что те утопленники вовсе не на его совести, а все случилось из-за миномета.

Мы застонали — но что с ним поделаешь? Пусть уж рассказывает как может.

— О каком миномете речь? — уточнил я со стоическим спокойствием.

— Я о миномете Стокса. Такой обрезок трубы на опорной плите под углом в сорок пять градусов, помните? Заряжался с дульной части.

Мы помнили.

— В тот день Эйб командовал так называемым четвертым батальоном, который совершал марш-бросок до стрельбища, в пятнадцати милях от лагеря. По сути, это

был не настоящий батальон, собрали его с бору по сосенке: пулеметная рота, рота снабжения, полевой госпиталь и штабная рота. Штабникам были приданы минометы, противотанковая пушка, связисты, оркестр и конные ординарцы — словом, тот еще бродячий цирк. Вообще-то, Эйб был командиром штабной роты в чине первого лейтенанта, но почти всех офицеров снабжения и медслужбы направили в авангард, и к нему, как старшему по званию, перешло командование остальными частями. Наверняка он гордился собой — шутка сказать, в двадцать один год командовать батальоном! Он ехал верхом во главе колонны и, должно быть, воображал себя новым Джексоном Каменная Стена... Вам еще не наскучил мой рассказ? Дело-то было далеко от фронта, по эту сторону океана.

— Валяй дальше.

— Маневры проходили в Джорджии, где полным-полно мутных речушек и переправ со старинными паромами на тросах. На таком пароме можно зараз перевезти сотню человек, если напихать их туда поплотнее. Когда около полудня Эйбов «батальон» добрался до реки, оказалось, что шедший впереди третий батальон не переправился еще и наполовину. Судя по скорости, с которой ползал туда-сюда паром, Эйб прикинул, что на переправу оставшихся уйдет не менее часа, и отвел своих людей чуть ниже по течению, где можно было перекусить в тени. Там их отыскал верховой офицер, весь в пыли, назвавшийся капитаном Брауном и спросивший, кто здесь командир штабной роты.

«Я, сэр», — сказал Эйб.

«Отлично. Я прибыл из лагеря, чтобы принять командование ротой, — сказал офицер и продолжил таким тоном, будто обвинял Эйба. — Пришлось нестись во весь опор, чтобы вас догнать. Где моя рота?»

«Перед вами, сэр. Там подальше снабженцы, а за ними госпиталь. Я как раз собирался дать команду к принятию пищи...»

Капитан так взглянул на Эйба, что тот осекся. Сразу стало ясно, что новый командир не позволит людям обедать — просто затем, чтобы показать свою власть. И отдохнуть он им не позволил тоже, заявив, что намерен сейчас же осмотреть вверенную ему часть (прежде он видел штабные роты разве что на бумаге). Довольно долго он раздумывал и наконец решил провести учебные стрельбы минометного взвода по противоположному берегу. Эйб заметил, что у них есть только боевые заряды; в ответ капитан вновь окинул его свирепым взглядом, но потом все же согласился послать на другой берег пару сигнальщиков на тот случай, если какой-нибудь фермер окажется в зоне обстрела. Сигнальщики переправились через реку на лодке, просемафорили флажками, что берег чист, и тут же кинулись в укрытие, поскольку миномет Стокса — далеко не самое точное оружие на свете. Дальше пошла потеха.

Мины были снабжены дистанционными взрывателями, а река оказалась шире, чем на глазок прикинул наводчик, так что первый выстрел получился с недолетом, и все ограничилось небольшим симпатичным гейзером после подводного взрыва. Зато вторая мина угодила в берег и рванула так громко, что две лошади на пароме, находившемся посреди реки в каких-то пятидесяти ярдах, прянули от испуга. Эйб понадеялся, что это умерит пыл его величества капитана, однако тот лишь заметил, что лошадей давно пора приучать к звукам канонады, и приказал продолжать огонь. В тот момент он походил на избалованного ребенка, получившего возможность безнаказанно пугать хлопушкой всех, кого ни попадя.

Затем случилось то, что время от времени случается с этими «стоксами»: мину заклинило в стволе. «В укрытие!» — завопила сразу дюжина голосов, и все кинулись врассыпную. Я тоже отбежал как можно дальше и распластался на земле, а этот чертов дурень Эйб вдруг подскочил к миномету, перевернул его и вытряхнул снаряд. Взрыватель был на замедлении в пять секунд, и только эти секунды отделяли Эйба от вечности. Миномет он спас, но каким образом успел сам спастись от взрыва, для меня загадка.

На этом месте я прервал рассказ Хиббинга:

— Постой, ты вроде говорил, что там были погибшие?

— Верно, были — но это случилось позже. К тому времени третий батальон наконец переправился, и капитан Браун приказал нам поротно выдвигаться к парому. Младший лейтенант, отвечавший за переправу, сказал ему: «Старое корыто едва держится на плаву, его гоняли туда-сюда весь день, так что не советую его перегружать».

Но капитан пропустил эти слова мимо ушей, и с каждой партией там набивалось людей что сельдей в бочке. Всякий раз перед отплытием парома Эйб вставал на перила пристани и кричал солдатам: «Расстегнуть ремни! Держать ранец на одном плече!» При этом он избегал смотреть на капитана Брауна, зная, что тому не по нутру любые приказы, кроме его собственных. Однако младший лейтенант через какое-то время снова проявил беспокойство.

«Паром слишком низко сидит в воде, — сказал он. — Не нравится мне это. Когда вы затеяли стрельбу неподалеку, лошади стали метаться, люди шарахались в стороны, и от этого крепления корпуса расшатались».

«Обратитесь к капитану, — сказал ему Эйб. — Он все знает лучше всех».

Капитан стоял неподалеку и слышал их разговор.

«Это последняя партия, — сказал он. — Загружайтесь, и отставить разговоры!»

Последняя партия оказалась большой даже по меркам капитана Брауна. Эйб встал у борта, готовясь повторить свои приказания.

«Да они уже наизусть это выучили после стольких повторов!» — раздраженно буркнул капитан Браун.

«Но *эти* не слышали», — сказал Эйб и скомандовал ослабить ремни. Ближайшие солдаты так и сделали, а в дальних рядах не обратили внимания. Иных так сдавили в толпе, что им уже было не до чьих-то команд.

Тонуть мы начали на самой середине реки, сперва еле заметно — вода лишь замочила ботинки, — и офицеры ничего не сказали во избежание паники. При взгляде с берега река казалась небольшой, но, когда мы очутились посреди нее, продвигаясь вперед с черепашьей скоростью, она вдруг представилась нам самой широкой рекой в мире.

Через пару минут вода в дряхлой посудине поднялась на ярд, и было уже глупо делать вид, что все идет как надо. Капитан же будто язык проглотил. Эйб взобрался на фальшборт и прокричал, чтобы все сохраняли спокойствие и не раскачивали паром, и тогда мы дотянем до берега, а затем повторил распоряжение насчет ранцев и приказал всем умеющим плавать выпрыгивать за борт и плыть к берегу, когда вода дойдет до пояса. Люди его послушались, и паники не возникло, хотя по их лицам сразу было видно, кто умеет плавать, а кто нет.

Паром окончательно затонул в двадцати ярдах от берега, напоследок издав гулкий хлюпающий звук и ткнувшись носом в илистое дно на глубине пяти футов. Последующие пятнадцать минут слабо отложились у меня в памяти. Я ушел под воду с головой, затем вынырнул и отплыл на несколько ярдов в сторону, чтобы оглядеться. Вода сплошь покрылась барахтающейся массой цвета ха-

ки, издававшей монотонный гул, который в действительности состоял из проклятий, испуганных воплей, а также шуточек и даже смеха. Я помогал тонущим добраться до мелководья, но в армейских ботинках быстро не поплаваешь...

Капитан Браун и Эйб снова встретились лишь тогда, когда на поверхности реки уже не виднелось ничего, кроме угла парома, упрямо не желавшего полностью уходить под воду. Капитан имел жалкий вид, его била дрожь, а от бывшего высокомерия не осталось и следа.

«Боже правый! — стонал он. — Что же мне теперь делать?»

Эйб снова взял командование на себя. Он построил солдат по отделениям и начал перекличку, выясняя, все ли на месте. Уже в первом отделении отсутствовали трое, и тогда, не теряя времени на дальнейший расчет, Эйб приказал двадцати лучшим пловцам раздеться и приступить к поискам утонувших. Как только они вытаскивали на берег очередного солдата, за него брались медики. Всего мы нашли двадцать семь человек, семерых из которых удалось откачать. При этом сгинул один из ныряльщиков — тело обнаружилось на следующий день ниже по течению реки. Его посмертно наградили медалью, а вдове назначили пенсию...

Тут Хиббинг умолк, а после паузы произнес:

— Я понимаю, это все пустяки в сравнении с тем, что вы пережили на фронте.

— По мне, так вовсе не пустяки, — сказал Джо Бун. — Во Франции я бывал под огнем, но бóльшую часть службы провел, охраняя пленных в Бресте.

— А дальше что было? — спросил я. — Почему Эйб съехал с катушек?

— Это все из-за капитана, — медленно произнес Хиббинг. — Два старших офицера представили Эйба к награде

за спасение миномета и людей, но капитану Брауну это не понравилось, и он стал всюду рассказывать, что, когда Эйб вскочил на фальшборт, отдавая команды, он ухватился за паромный трос и заклинил его в гнезде. Капитан даже нашел пару свидетелей, подтвердивших его слова, хотя большинство считало, что крушение случилось из-за перегрузки парома и повреждений, которые нанесли напуганные взрывами лошади. Как бы то ни было, с той поры отношение к Эйбу в армии изменилось к худшему.

В этот момент к нам вошел Пит собственной персоной и заявил категорическим тоном:

— Мистер Томлинсон и мистер Бун, ваши супруги просили передать, что это их последний звонок. Они сказали, что такие «особые случаи» повторяются слишком уж часто и что, если вы через десять минут не вернетесь в гостиницу, они уедут в Филадельфию без вас.

Томми и Джо Бун неохотно поднялись из-за стола.

— Простите, что отнял у вас столько времени своей болтовней, — сказал Хиббинг. — Вы-то побывали на войне, и не мне вам рассказывать истории.

Они отправились к своим женам, а я, задержавшись, еще раз спросил Хиба:

— Выходит, Эйб не был убит во Франции?

— Нет... Кстати, и на доске той ни слова о фронте, просто «погибли при исполнении...».

— Тогда как же он умер?

Хиббинг помедлил, прежде чем ответить.

— Его убил охранник при попытке к бегству из Ливенворта. Он должен был отсидеть десять лет.

— Бог ты мой! А ведь в колледже он был отличным парнем!

— Это только для близких друзей. А вообще он был жуткий сноб, разве нет?

- Ну, может, в некоторых случаях.
- К примеру, в армии он даже не хотел узнавать своих однокашников.
- Ты о чем это?
- Да все о том же. Сегодня я вам приврал насчет одной вещи. Того капитана звали не Браун.
- То есть?.. — озадачился я.
- Капитана звали Хиббинг, — сказал он. — Это я был тем капитаном. Когда я догнал их, чтобы принять роту, он держался так, будто со мной не знаком. Вот что выбило меня из колеи — ведь я всегда любил наш старый колледж... Ну ладно, спокойной ночи.

«Дай мне шанс, тренер»

Место действия: коттедж в летнем лагере, комната для собраний. Над камином висят скрещенные весла, на каминной полке расставлены призовые кубки, посреди комнаты — большой, грубо сработанный стол и несколько таких же простых стульев, у дальней стены — классная доска. Тщедушный мальчишка в купальном костюме пишет на доске слово крупными кривыми буквами. Это слово: «Уидудл».

Одновременно с поднятием занавеса в комнату входит мальчик лет тринадцати, очень крупный для своего возраста, также в купальном костюме. Он окликает первого, и тот, схватив тряпку, начинает торопливо стирать надпись.

Кассиус (*толстяк*). Что значит «Уидудл»?

Багс (*заметно смутившись*). Уидудл? Так называется лагерь, в который скоро поедет моя сестра.

Кассиус. Классный лагерь, должно быть... А где Старик?

Багс. Я писал «Уидудл» просто так — мелок под руку подвернулся. Я вспомнил, что должен ей срочно написать, потому что утром получил письмо, в котором сказано, что, если я срочно ей не напишу, не видать мне в этот раз четвертака на карманные расходы.

Кассиус. Старик не появлялся?

Багс. Я его не видел. Скажи, ты выучил свои слова? Я свои выучил.

Кассиус. Я еще не доучил, да только спектакль все равно отменяют, как пить дать.

Багс. Это почему же?

Кассиус. Потому что Биллова папашу притянули к суду, и ребята в нашей палатке говорят, что Билла почти наверняка попрут из лагеря.

Багс. А в чем обвинили его отца?

Кассиус. У меня есть только половина статьи, а где другая часть, не знаю. *(Он достает из кармана газетный клочок, разворачивает его и читает.)* «Оправдание Сайруса К. Уотчмена...» — так зовут Биллова папашу — «...оправдание было... оно было... было...»

Багс. Так что же с ним было?

Кассиус *(парень туповатый и заторможенный)*. Короче, натворил делов его папаша.

Багс. Ну, если он натворил делов, Билла точно попрут, потому как Старик нынче здорово не в духе, и если кто из нас проштрафится, он может всех выместить отсюда одним махом. Хорошо, что я сегодня утром прибрался в своей палатке.

Входит Генри Грейди.

Генри. А где Старик?

Кассиус. Пока что не появлялся. Я зашел сюда и увидел, как Багс пишет на доске «Скедадл» — это какой-то лагерь, куда поедет его сестра. Ничего себе названьице, а?

Багс *(негодующе)*. Не Скедадл, а Уидудл!

Кассиус. Какая разница? Скедадл, Уидудл, Скедадл, Уидудл...

Багс. Скедадл не имеет смысла.

Кассиус. Можно подумать, в Уидудле смысла целая куча.

Багс. Само собой. Это ж название лагеря. А какой тогда смысл в названии нашего лагеря — Рахевава?

Кассиус. Сравнил тоже! Рахевава — это классный лагерь.

РАССКАЗЫ ДЛЯ «ЭСКВАЙРА» (1935–1941)

Багс. Скедадл тоже, то есть Уидудл.

Входит Билл Уотчмен, бодрый и веселый, — он как будто еще не в курсе, что его родителю перебивает косточки местная пресса.

Билл. Вот вы где! Отлично. Давайте репетировать. Я только что встретил Старика, и он сказал, чтобы мы поторапливались. Все выучили свои роли?

Багс. У меня всего-то две фразы. Мне особенно нравится вот эта: *(выпаливает одним духом)* «Мистер Дженкинс передает, что команда настроена по-боевому, доктор».

Билл. Старик сказал, чтобы мы прошлись по всему тексту.

В комнату заглядывает симпатичный молодой человек лет двадцати.

Рикки *(молодой человек)*. Давайте-ка за дело, ребята. Пора уже вам обходиться без подгонял и нянек. Как насчет того, чтобы самостоятельно отрепетировать эту пьесу и довести ее до ума?

Мальчики дружно вскакивают с мест.

Мальчики *(в один голос)*. Сделаем, мистер Рикки!

Однако с его исчезновением энтузиазм быстро идет на убыль.

Генри. Когда отец привез меня сюда, он сказал: «Не знаю, как ваш главный, но если все инструкторы тут похожи на этого парня, тебя ждет отличный отдых».

Кассиус. Парень он классный, это да!

Багс *(стоя у доски)*. И жена Старика тоже так думает, наверно.

Багс рисует на доске большое сердце и тут же его стирает, а Кассиус между тем достает из кармана истрепанный и распавшийся надвое листок с текстом, разобрать который ему стоит больших усилий.

Генри. Что ж, приступим.

Ребята сдвигают в сторону стол, за ним усаживается Кассиус и принимает задумчивый вид.

(Роясь в карманах.) Черт, я где-то посеял свою роль.

Билл. Ты должен давно знать ее наизусть.

Багс. А у меня даже и не роль, а всего две фразы. Одна из них такая: «Мистер Дженкинс передает, что команда настроена...»

Генри. Заткнись, Багс! Пойдем по порядку. Начинай, Кассиус.

Генри занимает позицию на углу стола, затем перебегает к другому углу, но в конце концов возвращается на прежнее место.

Кассиус. Я готов.

Генри. Ну так начинай, твоя реплика первая.

Кассиус *(читает по бумажке)*. «Так что, Плэйфер, ты сам свой злейший враг...»

Генри. Нет, это будет позже. Смотри на другом клочке.

Кассиус. Ага, нашел, тут с обратной стороны письмо домой, которое я начал вчера, но не дописал. *(Откашливается.)* «Значит, по-вашему, тренер, нам не выиграть этот матч без Плэйфера?»

Генри. «На нем держится вся игра, доктор Макдугалл. Он лучший питчер в команде, а его скоростная подача — это нечто, скажу я вам! И еще он отлично отбивает. Если мы хотим одолеть Сент-Беррис, этот парень нужен нам позарез».

Багс. А теперь я...

Билл. Заткнись, Багс! Продолжай, Кассиус.

Кассиус *(перебирая бумажки)*. «Так что, Плэйфер, ты сам свой злейший...» Нет, это не то, мы же хотели с начала. «Значит, по-вашему, тренер, нам не выиграть этот матч без Плэйфера». Ну, в общем, смысл такой же.

РАССКАЗЫ ДЛЯ «ЭСКВАЙРА» (1935–1941)

Генри. Теперь моя реплика? Дай-ка вспомню... «Доктор Макдугалл, по дороге сюда я заглянул на почту, и они попросили передать вам это письмо».

Кассиус поправляет на носу воображаемые очки, разворачивает воображаемое письмо и читает.

Кассиус (*читает*). «Так что, Плэйфер, ты сам свой злейший враг...» Нет, я не могу делать вид, что читаю письмо, если мне не дали никакого письма. Каждый раз сбиваюсь на другой текст.

Билл. Вот тебе письмо. Притворись, что оно то самое... (*Отдает письмо Кассиусу.*) Знаете, это здорово, что мы вот так сами репетируем пьесу, просто потому, что это нужно, и никто нас не заставляет. Вы согласны, что это здорово?

Входит Старик, бывший спортсмен лет шестидесяти, и вслед за ним молодой Рикки — обаятельный красавчик-блондин, похожий одновременно на всех пляжных спасателей в мире. Рикки только что не светится от переизбытка энергии. Войдя, он ни с того ни с сего выполняет пару резких разминочных движений, а затем начинает подталкивать к двери Билла и Генри.

Старик. Думаю, сейчас не лучшее время для репетиций, ребята. Отложим это дело на потом.

Билл. То есть сегодня репетиции не будет?

Рикки. Не гони коней. (*Поворачивается к Старику.*) Может, пройдем в мою комнату?

Старик. Не стоит. Извините, ребята, что пришлось вас прервать. Что за пьеску вы тут разыгрывали?

Генри. Ну и хорошо, что репетиции не будет, — и без того сегодня еще плавание, потом у двоих из нас каноэ, а у двоих...

Старик. Только вы не бросайте совсем это дело. Я хочу, чтобы вы разыграли пьеску на родительском дне в следующий понедельник, — это пойдет на пользу репутации лагеря. Все помнят свои роли?

Багс (*от двери*). Я свою помню отлично. Только я вот что подумал: раз у меня всего-то пара реплик, может, мне нет резона торчать на репетиции, а лучше пойти плавать?

Старик. Пьеса рассчитана на четверых актеров, — стало быть, на репетиции должны быть все четверо. Учись терпению, Тревеллион. А сейчас вы можете идти на плавание, кроме тебя, Билл, — ты пока подожди за дверью.

Мальчики покидают комнату, в которой остаются только двое мужчин.

Ты, похоже, возомнил себя незаменимым для команды?

Рикки. Я свое дело знаю — уже все лицо в отметилах после игровых стычек. И я отрабатываю по полной на любой позиции в нападении и в защите. Мой отец недурно разбирается в футболе, и когда прошлой осенью я приезжал домой, он сказал, что игроки моего уровня зашибают по две, по пять, а то и по десять тысяч и что под вашим руководством я могу далеко пойти, — а к чему я пришел?

Старик. Ты тренируешься и живешь на полном пансионе.

Рикки. Да, но какой от этого толк? Вы меня многому научили, согласен, однако я умел отдать точный пас на сорок пять ярдов и до того, как познакомился с вами. Дайте мне мяч, и я покажу прямо сейчас!

Старик (*терпеливо*). В начале сезона я приму команду колледжа, и ты пойдешь туда со мной. Я думал, мы обо всем договорились.

Рикки. Конечно, я готов пойти с вами. Как и одиннадцать других ребят, учившихся играть в обычной школе. (*Презрительно сплевывает.*) Я знаю, кто что имеет. Знаю, что имеет Лоусон. Знаю, что имеет Кэтхарт. Они кругом чистенькие, все у них шито-крыто, им можно ночами развлекаться с девчонками из университетских клубов. Так оно и есть, я это знаю точно. Они ходят задрав носы,

и сам черт им не брат. И не надо снова начинать про то, как вы играли в Мичигане, — или вы думаете, я мечтаю так же ходить с расквашенным носом три дня в неделю, с воскресенья по вторник?

Старик. Прекрати ныть!

Рикки. Ну да, все как всегда: прекрати ныть и подавай крутой пример этим соплякам...

Старик. Я понимаю, что футбол изменился с тех времен, когда я выходил на поле. Я тогда не знал, что такое страх.

Рикки. А я и сейчас не знаю, что такое страх. Я умею чувствовать игру. Моя задача — ворваться в самую гущу схватки и не оставить противнику ни единого шанса.

Старик. Вот поэтому из тебя может выйти великий игрок. Мы ведь с самого начала обо всем договорились, нет так ли?

Рикки. Договорились, черт возьми!

Старик. Не ори так громко. Ты отлично знаешь, что я хотел с тобой обсудить. Оставь в покое мою жену, она еще очень молода и сама не понимает, что делает.

Рикки. Тогда зачем вы на ней женились? А если я вам не нужен, так и скажите, я готов уйти. Попробую устроиться в команду Темпла.

Старик *(серьезно)*. Давай-ка успокоимся и подадим этим ребятам достойный пример. *(Поворачивается к двери.)* Эй, вы, там! Заходите и продолжайте свою репетицию. С того места, где остановились.

Мальчики входят в комнату.

Кассиус. Я все так же могу пользоваться твоим письмом, Билл?

Билл. Конечно.

Кассиус. Тогда продолжим.

Мальчики становятся на прежние места. Старик кивает Рикки, который в ответ весьма нахально подмигивает. Оба удаляются.

(Читает письмо.) «Дорогой мистер Макдугалл, мы узнали, что ваш ведущий игрок, Дик Плэйфер, этим летом выступал за профессиональный клуб и потому, согласно правилам, он не может быть допущен к сегодняшней игре. Искренне Ваш, Хайрам Джонс, ректор колледжа Сент-Беррис».

Генри *(все больше входя в роль)*. «Ужасная новость, доктор! Это значит, что у нас нет ни единого шанса. С таким же успехом можно вообще отказаться от игры, и пусть нам засчитают „баранку“. Но какие у них доказательства?»

Кассиус. «Он приводит много доказательств...» *(Перебирает бумажки.)* «Так что, Плэйфер, ты сам свой злейший враг...» Нет, минутку, это должно быть на обратной стороне. «И эти доказательства весьма убедительны».

Генри. «Мне не так жалко потерять всех остальных игроков, как этого одного. Когда он впервые попросил дать ему шанс и я выпустил его на поле, игра сразу пошла по-другому. Он равно хорош и в нападении, и в защите, а между базами носится прямо пулей. В жизни такого не видел, хотя мне случалось тренировать многие команды...»

Кассиус. «Оставьте меня, я хочу все обдумать. И пришлите сюда Плэйфера». Теперь я вроде как должен расхаживать туда-сюда. «Доброе имя колледжа значит для меня больше, чем спортивные успехи наших команд». *(Вглядывается в текст.)* «Погодите минутку». Значит, ты все еще должен быть здесь.

Генри. Я сам знаю, где мне быть. А вот ты должен расхаживать туда-сюда. Почему ты не расхаживаешь туда-сюда?

Кассиус. «Может, все же дадите мне шанс?» Похоже, это слова Багса.

Багс *(поворачиваясь от доски)*. Я ничего не должен говорить, покада не уйдет Дженкинс.

Кассиус. Но эти слова всяко не мои, больше смахивают на Багса. *(Вертит бумажки так и этак.)* «Будем играть тем составом, какой сможем выставить, и хотя мы вряд ли выстоим против их состава, нам это никто не поставит в вину...» Уффф! *(Переводит дух и на миг отрывает взгляд от бумажки.)* «Полагаю, эту игру нам не выиграть».

Дверь приоткрывается, и в проеме возникает голова Старика.

Старик. Отлично, ребята, приятно видеть, как вы сами разыгрываете пьеску. Вот прослежу за отплытием каноэ и приду к вам.

Голова исчезает.

Генри. Давайте на этом закруглимся. Подождем, пока Кассиус выучит свою роль.

Багс. Может, все-таки дойдем до моей реплики?

Билл. Дай сюда мое письмо. Оно от отца, я еще толком не успел прочесть, а ты уже вон как его замусолил.

Кассиус *(отдавая ему письмо и вместе с ним протягивая газетную вырезку)*. Думаю, тебе стоит это прочесть, Билл. Тут пишут о твоём отце. *(Читает.)* «Мистер Уотчмен во время судебного заседания выглядел очень подавленным, хотя по ходу процесса становилось все более очевидным, что его оправдают. Казалось, он потерял всякий интерес к происходящему...»

Багс вывел на доске две первые буквы слова «Уидудл».

Билл в замешательстве глядит на письмо в своей руке.

Билл. Я-то думал, папа уезжает в дальнюю поездку — может, в Европу или еще куда. А это письмо — его как будто ненормальный писал.

Генри. Ну так что, еще немного порепетируем?

Билл *(рассеянно)*. Можно и порепетировать. *(С письмом в руке отходит к другому краю сцены и читает впол-*

голоса.) «Прощай, прощай, прощай. Когда-нибудь, когда ты станешь взрослым, ты простишь меня за все».

Кассиус. Ты чего там бормочешь?

Билл. Ничего. *(Убирает письмо в карман.)* Ладно, давайте репетировать.

Кассиус возвращается на свое место за столом.

Кассиус. Я готов.

Генри. «Что ж, сыграем, как сможем. Скажу парням, чтобы готовили мячи и биты».

Кассиус. «Ступайте и не забудьте прислать сюда Плэйфера. Хочу перемолвиться с ним парой слов».

Генри покидает сцену, и его место тут же занимает Багс, сгорая от нетерпения.

Багс. «Мистер Дженкинс передает, что команда настроена по-боевому, доктор».

Кассиус *(озадаченно)*. Или у меня пропущен этот кусок, или я вообще не должен отвечать на эту реплику.

Билл. Ах да, сейчас же мой выход! *(Настраивается.)* Итак, я появляюсь. «Доброе утро, доктор Макдугалл».

Кассиус. «Присаживайтесь, сэр. До меня дошли плохие известия».

Билл. «К сожалению, это правда».

Кассиус. «Как ты мог на такое пойти — выступать за профессионалов, когда ты являешься студентом Кресент-Рейнджа? Что, польстился на грязные деньги?»

Билл *(качая головой)*. «Нет, сэр, это не из-за денег — даю руку на отсечение. Но я пока не готов сказать вам всю правду».

Кассиус *(вскакивая на ноги)*. «Тогда вон отсюда немедленно!» *(Все остальные участники спектакля вздрагивают и с тревожными лицами спешат к двери, но быстро возвращаются, сообразив, что эта реплика является частью роли.)* «Тебя не следует допускать к другим сту-

РАССКАЗЫ ДЛЯ «ЭСКВАЙРА» (1935–1941)

дентам, потому что ты — разносчик заразы, от тебя исходит запах серный... запах верный...» (*Утыкается носом в текст, пытаюсь разобрать слово.*) Что-то тут не то. «...потому что ты — разносчик заразы, от тебя исходит запах скверны... Ты успеешь собрать свои пожитки до отхода вечернего автобуса на Трою?»

Билл. «Да, сэр».

Багс. Это недалеко от Уидудла.

Кассиус (*смотрит в бумажки*). У меня тут ни строчки ни про какой Уидудл.

Багс. Я так подумал потому, что лагерь моей сестры находится где-то в районе Трои.

Билл. А я думаю, раз уж наши родители заплатили деньги за то, чтобы мы были здесь, нам нужно пользоваться преимуществом каждого из преимуществ, которые мы имеем, пока мы здесь. Вот эта пьеса, например, может научить нас тому, как быть хорошими актерами в будущем, но даже если мы не хотим в будущем быть актерами, мы всегда сможем ими стать, если только захотим.

Генри. Мы будем продолжать или нет?

Кассиус (*читает*). «Ты был хорошим студентом, Плэйфер, и я сожалею, что вынужден пойти на такой шаг. Ты был примером для своих товарищей».

Генри. Как мистер Рикки для нас.

Кассиус (*смотрит в бумажки*). У меня тут нет ни словечка про мистера Рикки.

Генри. Ты такой же чокнутый, как Багс.

Кассиус. Не пойти ли нам искупаться?

Генри. Давно пора, я так думаю.

Билл. Нет, мы должны находиться здесь до возвращения Старика.

Кассиус. Ну не могу я читать письмо, при этом расхаживая туда-сюда. (*Тем не менее встает и начинает хо-*

дуть туда-сюда, держа перед собой бумажки.) Все, что мне запомнилось, так это слова из письма Биллова папаша. «Прощай, прощай, прощай». Но их нельзя вставить в пьесу, так ведь?

Билл. По идее, дальше ты должен сказать что-то вроде: «Плэйфер, ты сам свой злейший враг».

Кассиус. «Плэйфер, ты сам свой злейший враг». *(Вздыхает с огромным облегчением.)*

Билл. «Доктор Макдугалл, вам известно далеко не все».

Багс. Погодите-погодите, вот теперь как раз вхожу я. *(Быстро делает круг по сцене и как бы появляется в дверях.)* «Мистер Кассиус передает, что команда...» То есть тьфу! «Мистер Дженкинс передает, что команда настроена по-боевому, доктор Макдугалл».

Билл. «Хорошо, так и быть, я вам расскажу. Я должен все рассказать. Неподалеку от моего родного дома находится горное селение, жители которого давно пытались собрать деньги на постройку школы, но им не хватало еще приличной суммы. А той команде срочно потребовался защитник. Я хотел играть за Кресент-Рейндж, но согласился на их предложение и так заработал деньги для школы, чтобы детишки учились читать и писать. Видно, я был не прав, признаю свою вину».

Багс. Теперь ты должен встать, Кассиус.

Кассиус. Не лезь со своими подсказками! Я знаю эту часть своей роли. «Так-так-так, это надо еще раз обдумать... Так-так-так, это надо еще раз обдумать».

Багс. А мне что делать, пока он обдумывает: оставаться или уйти?

Генри. Пиши что-нибудь на доске.

Кассиус. «Так-так-так, это надо еще раз обдумать... Так-так-так, это надо еще раз обдумать». Знаете, эта ходьба туда-сюда как-то странно действует на мозги. Ага, вот

РАССКАЗЫ ДЛЯ «ЭСКВАЙРА» (1935–1941)

оно. «Плэйфер, ты сам свой злейший враг... Плэйфер, это надо еще раз обдумать».

Багс пишет на доске слово «Уидудл». Входит Стари к.

Стари к. Ребята, на сегодня репетиция закончена. Идите по своим делам. Я хочу поговорить наедине с Биллом Уотчменом.

Билл. Мы хорошо продвинулись, почти до самого финала.

Багс заканчивает писать на доске и направляется к выходу
вслед за остальными.

Стари к. Билл, я только что получил телеграмму с новостью, которая очень серьезно изменит твою жизнь. Соберись с духом, чтобы выслушать эту новость.

Билл. Это насчет прощания моего папы? Он прислал мне письмо со словами: «Прощай, прощай, прощай».

Стари к. Да, он попрощался с тобой, отправляясь в очень далекое путешествие. Билл, ты уже достаточно взрослый, чтобы выслушать от меня то, что другие люди, возможно, сообщат тебе в более грубой форме. Твой отец умер.

Билл. Я знал, что он умер.

Стари к. Как ты мог это знать, Билл?

Билл. Просто я чувствовал, что он умер. Не надо было мне уезжать из дома этим летом.

Стари к. Билл, твой отец покончил с собой.

Билл. Я не совсем понимаю. Как это — покончил с собой?

Стари к. Я пока еще не знаю, как он это сделал. Конечно, ты можешь оставаться в лагере, сколько будет нужно, пока утрясаются всякие формальности.

Билл. Я не хочу возвращаться домой. Остаться бы здесь насовсем! Я думаю, мистер Рикки — самый чудесный человек на свете. Вот бы мне научиться нырять

с трамплина, как он! Конечно, мне никогда не сделать два с половиной или хотя бы полтора оборота, как мистер Рикки. И еще я хочу быть похожим на вас. Но мистер Рикки — вот бы мне хоть разок побыть таким, как он!

Старик. Мистер Рикки — отличный спортсмен.

Билл. Это напоминает нашу пьесу. Сэр, можно мы до-репетируем ее до конца?

Старик. То есть прямо сейчас?

Билл (*взволнованно*). Да, прямо сейчас. Я не хочу думать об отце. Можно, мы продолжим репетировать, как будто ничего не случилось? И пожалуйста, не говорите об этом никому, ладно? Я не буду плакать. Я еще прошлой ночью понял, что мой папа умер.

Старик (*задумчиво*). Что ж, если ты так хочешь... (*Подходит к двери и обращается к кому-то снаружи.*) Эй, вы, там, пришлите сюда ребят, которые ставят пьесу, — Генри, Багса и Кассиуса. (*Возвращается к Биллу и обнимает его за плечи.*) Тебе здесь нравится, верно, Билл? И мы были рады видеть тебя здесь каждое лето четыре года подряд. Но порой ты сам был себе злейшим врагом.

Билл. Вы не скажете остальным про папу?

Старик. Они поймут твои чувства. Никто тебе и слова плохого не скажет.

Входят Генри, Кассиус и Багс.

Мы решили не откладывать репетицию. Давайте с самого начала. Все готовы?

Кассиус занимает свое место за столом.

Кассиус. «Значит, по-вашему, тренер, нам не выиграть этот матч без Плэйфера?»

Генри. «На нем держится вся игра, доктор Макдугалл. Он лучший питчер в команде, а его скоростная подача — это нечто, скажу я вам! И еще он отлично отбивает. Если

РАССКАЗЫ ДЛЯ «ЭСКВАЙРА» (1935–1941)

мы хотим одолеть Сент-Беррис, этот парень нужен нам позарез».

Багс. «Аут!»

Остальные смотрят на него в недоумении.

Генри. Что это значит?

Багс. Это и есть моя вторая реплика. Я должен это крикнуть, когда увижу из окна, что Плэйфер добежал до третьей базы.

Старик. Но этого еще не случилось.

Багс. А я не знаю, когда это случится, и потому решил крикнуть заранее.

Старик. Нет, Тревиллион, так не годится. Нельзя говорить о человеке так, будто он где-то там, если он все еще тут. Ну-ка, Генри, подойди к окну.

Генри. Да, сэр.

Старик. Погляди, мистер Рикки отплыл на каноэ с остальными?

Генри. Да, сэр, я почти уверен, что в одном из каноэ сидит мистер Рикки.

Старик (*облегченно вздохнув*). Хорошо. Тогда продолжим с пьесой. Мне кажется, Кассиус, ты мог бы сыграть свою роль более эффектно. Давайте еще раз с начала.

Кассиус. Хорошо, сэр. «Так что, Плэйфер, ты сам свой злейший враг».

Багс подходит к доске и очень маленькими буквами, с оглядкой, пишет слово «Уидудл». Билл отступает к другому краю сцены и садится верхом на стул, опустив голову на сложенные руки; плечи его слегка вздрагивают.

Старик. Нет-нет, неверно. Это должно выглядеть примерно так...

Он отстраняет Кассиуса, усаживается на его место за столом — и в этот момент падает занавес.

Трудный пациент

I

— От-дай-те... уф-ф-ф! Ну же, прошу вас, не напивайтесь снова! Отдайте бутылку. Я ведь обещала просидеть здесь до утра и выделять вам понемногу. Успокойтесь... Если вы такое вытворяете вне дома, страшно подумать, каким вы будете, когда вернетесь к себе. Ну же, отпустите — я оставлю для вас полбутылки на ночь... Пр-рошу вас... Вы же слышали, что сказал доктор Картер: изредка давать вам глоток-другой или сразу отдать бутылку, но только оставив в ней самую малость... Ну хватит уже... Я совсем выдохлась, сил нет бороться всю ночь напролет... Да черт с вами, упейтесь хоть до смерти!

— Может, выпьете пива за компанию? — предложил он.

— Не хочу я никакого пива. Как подумаю, что снова должна буду терпеть ваши пьяные выкрутасы... О боже!

— Потом я буду пить кока-колу.

Девушка присела на кровать, тяжело дыша.

— Ну хоть чем-то вас можно убедить? — спросила она.

— Вам это уж точно не под силу... Осторожнее, прольется ведь...

«Зря только с ним вожусь, — подумала она. — Да и какое мне дело до его запоев?»

И вновь завязалась борьба; на сей раз он уступил и некоторое время сидел неподвижно, сжимая руками голову, но потом снова потянулся к выпивке.

— Еще раз дернетесь, и я ее разобью, — быстро сказала она. — Я это сделаю, не сомневайтесь — брошу на кафель в ванной.

— Но об осколки я могу порезать ноги... Или сами поранитесь.

— Тогда не хватайте ее... вы же обещали... Ах так?..

Внезапно она разжала пальцы, и бутылка выскользнула из ладоней, как торпеда, напоследок мелькнув красной черной этикеткой с надписью «СЭР ГАЛАХАД. ОЧИЩЕННЫЙ ЛУИСВИЛЬСКИЙ ДЖИН».

Теперь от нее остались лишь осколки на полу, и в комнате установилась тишина. Сиделка раскрыла «Унесенных ветром» — о дивном мире, давно ушедшем в прошлое, — и по ходу чтения периодически поглядывала на пациента, опасаясь, как бы он и впрямь не порезался об осколки, если пойдет в туалет. Ужасно хотелось спать. В очередной раз оторвавшись от книги, она увидела, что он плачет, очень напоминая одного старого еврея, за которым она ухаживала в Калифорнии; тот бегал в туалет по многу раз за ночь. С этим пациентом хлопот было еще больше, однако она подумала: «Должно быть, чем-то он мне нравится, иначе давно бы уже попросила замену».

Внезапно выйдя из состояния полудремы, она встала и поставила один из стульев на пути в ванную комнату. В сон так сильно клонило еще и потому, что он разбудил ее рано утром, потребовав свежую газету с отчетом о вчерашнем матче между Йелем и Гарвардом, а потом в течение всего дня ей так и не удалось отлучиться к себе домой. После обеда к нему нагрянула родственница, и пришлось пережидать этот визит в гостиничном холле, где гуляли сквозняки, а у нее не было свитера, чтобы надеть поверх форменного платья.

Пациент клевал носом, сидя за письменным столом, и она позаботилась о его удобстве, насколько это было

возможно в такой позе: накинула плед на плечи, а другим пледом укрыла ноги. Затем села в кресло-качалку, однако сонливость уже прошла. Вспомнила, что нужно сделать записи в медицинской карте, и, стараясь двигаться бесшумно, отыскала на столе карандаш.

«Пульс — 120.

Частота дыхания — 25.

Температура — 36,6 — 36,9 — 36,8.

Замечания —

(тут можно было много чего написать)

Пытался завладеть бутылкой джина. Отобрала ее и разбила».

Чуть подумав, стерла последнюю фразу и написала так:

«При этом бутылка упала на пол и разбилась. В целом пациент очень трудный».

Хотела добавить: «Впредь ни за что не возьму алкоголя», но в отчете такое замечание выглядело бы неуместным. Она давно приучила себя просыпаться в нужное время, так что вполне можно было вздремнуть до семи утра и прибраться уже перед самым приходом его племянницы. Таковы правила игры, ничего не попишешь. Опустившись в кресло, она посмотрела на бледное, изможденное лицо пациента, потом еще раз проверила его дыхание и подумала: «Что же такое с ним случилось?» Днем он был весел и дружелюбен, даже забавы ради набросал для нее рассказик в картинках. Она непременно вставит этот подарок в рамку и повесит у себя в комнате. Затем вспомнились его худые кисти, которые она перехватывала во время борьбы; вспомнились гадости, которые он выкрикивал в исступлении; и еще вспомнилось, что накануне сказал ему доктор:

— Вы слишком хороший человек, чтобы вытворять с собой такое.

Она очень устала и решила отложить возню с битым стеклом на утро. Осталось только дождаться, когда дыхание пациента станет ровным, и перетащить его на кровать. Но ожидание затягивалось, и тогда она приступила к уборке. Ползая на коленях по кафельному полу в поисках последних осколков, она думала: «Не такими вещами я должна заниматься. Да и он не должен так себя вести».

Поднявшись с коленей, раздраженно поглядела на спящего. Ноздри его тонкого красивого носа слегка раздувались, что сопровождалось тихим храпом и сопением, напоминавшим глухие безутешные всхлипы. Накануне перед уходом доктор как-то по-особенному покачал головой, и она сразу поняла, что в данном случае от ее стараний уже ничего не зависит. Между прочим, в ее учетной карточке, хранившейся в агентстве, по совету более опытных коллег изначально была сделана отметка: «С алкоголиками не работает».

Сейчас она сделала все как положено, а из прошедшего вечера в памяти засел лишь один эпизод, когда в разгар борьбы за бутылку он вдруг остановился, чтобы спросить, не ушибла ли она локоть о дверной косяк. В ответ она попыталась его уязвить:

— Если б вы знали, что говорят о вас люди, не так бы задирали нос... — и тут же поняла, что ему давным-давно на все это наплевать.

Наконец все осколки были собраны — осталось только пройтись по полу щеткой для верности, — и вдруг ей подумалось, что эта разбитая бутылка была слабым подобием окошка, сквозь которое они лишь мельком увидели друг друга. Он ничего не знал про ее сестер или про Билла Марко, за которого она чуть было не вышла замуж, а она ничего не знала о причинах его падения. На письменном столе она видела его фото вместе с молодой женой и

двумя сыновьями — там он выглядел красивым и жизнерадостным, каким был всего лишь пять лет назад. «Бесмыслица какая-то, — подумала она, бинтуя порезанный стеклом палец. — Нет уж, хватит с меня — впредь никаких алкоголиков».

II

Какие-то дурные шутники отметили Хеллоуин, расколов боковые окна автобуса, — те покрылись сеткой трещин и в любой момент могли осыпаться внутрь; посему она перебралась в самый конец салона, на места для негров. У нее имелся чек от пациента, но в такой поздний час его негде было обналичить; после оплаты проезда в кошельке остались только четвертак и цент.

В приемной агентства миссис Хиксон она застала двух знакомых медсестер.

— Кто у тебя сейчас? — спросила одна из них.

— Алкоголик, — сказала она.

— Ах да, Грета Хоукс говорила — тебе достался тот карикатурист в отеле «Форест-парк».

— Он самый.

— Я слышала, он руки распускает.

— Со мной он вел себя прилично, — соврала она. — Если не обращаться с ними как с осужденными преступниками, то...

— Не сердись, я просто повторяю слухи, а болтают всякое про этих алкашей — будто они и под юбку сиделке залезть не прочь...

— Да замолчи ты! — воскликнула она, сама удивившись своей горячности.

Минуту спустя из кабинета вышла миссис Хиксон и, попросив остальных продолжать, жестом пригласила ее к себе.

— Обычно я не направляю молодых сиделок к подобным пациентам, — начала она. — Мне сообщили о вашем звонке из отеля.

— На самом деле все было не так уж плохо, миссис Хиксон. Просто он сам не понимал, что делает, но мне никакого вреда не причинил. Я больше волновалась за свою репутацию в агентстве. А вчера весь день он вел себя безупречно. Даже нарисовал для меня...

— Я не хотела посылать вас к этому пациенту, но так уж вышло, — сказала миссис Хиксон, перебирая учетные карточки. — Вы ведь работали с туберкулезниками? Ага, вот вижу, что работали. Тут как раз есть...

Их разговор прервала череда телефонных звонков, и сиделка слышала, как миссис Хиксон отвечает кому-то быстро и четко:

— Сделаю что смогу, но решение в таких случаях принимает врач... Нет, это вне моей компетенции... Привет, Хэтти... Нет, сейчас никак не получится... Слушай, у тебя найдется кто-нибудь опытный для работы с алкоголиком? Есть клиент по этой части в «Форест-парке»... Перезвони мне, хорошо?

Она положила трубку.

— Подождите немного в приемной. Да, кстати, что он за тип? Позволяет себе лишнее?

— Хватал меня за руку, не давая сделать укол, — сказала она.

— Еще один инвалидный герой, — проворчала миссис Хиксон. — По таким клиника плачет... Через пару минут я оформлю вам направление к пациентке, с которой хлопот почти не будет, так что сможете отдохнуть. Это пожилая женщина...

Снова раздался телефонный звонок.

— Слушаю... А, это ты, Хэтти... Понятно, а как насчет этой здоровячки Свенсен? Она, если что, любого пьянчу-

гу скрутит... А Джозефина Маркхэм? Она живет в твоём доме, верно? Позови ее к телефону... — Недолгая пауза. — Джо, ты не возьмешь одного известного рисовальщика — или художника, уж не знаю, как там они себя называют... Сейчас он в «Форест-парке»... Нет, я не в курсе, надо будет спросить доктора Картера, он объявится часам к десяти...

Далее последовала затяжная пауза, изредка прерываемая репликами миссис Хиксон:

— Так, так.. Да, я тебя отлично понимаю... Но этот случай не опасный — просто довольно-таки трудный. Я вообще не люблю направлять девушек в отель, зная тамошнюю публику... Ладно, я найду кого-нибудь еще, пусть даже время не самое подходящее... Извини за беспокойство... Да, передай Хэтти — надеюсь, та шляпка подошла в тон платью...

Положив трубку, миссис Хиксон сделала пометки в своем блокноте. Эта на редкость энергичная деловая женщина когда-то сама была молоденькой медсестрой и гордой идеалисткой, пройдя через все тяжкие: ее нещадно эксплуатировало начальство, оскорбляли почем зря всезнайки-интерны, мучили привередливые пациенты, в чьих глазах она была безропотной жертвой, отданной на заклатание их почтенной старости. Покончив с записями, она резко поднялась из-за стола:

— Каких пациентов вы предпочитаете? Как я уже сказала, есть одна милая старушка...

В карих глазах сиделки промелькнул огонек — вспомнился недавно виденный фильм о Пастере, а также книга о Флоренс Найтингейл, которую они читали на курсах медсестер. Как же они в ту пору гордились своей новенькой формой и даже в холодную погоду не надевали поверх нее пальто, перебегая через улицу между корпусами филадельфийского больничного комплекса, — гор-

дились ничуть не меньше, чем гордятся своими меховыми манти великосветские дебютантки, отправляясь на бал в роскошном отеле.

— Я... Пожалуй, я еще поработаю с этим пациентом, — сказала она, едва перекрывая голосом какофонию телефонных звонков. — Я готова вернуться туда прямо сейчас, раз уж нет никого на замену.

— Ну вот, только что говорили, что больше не хотите иметь дела с алкоголиками, а теперь уже готовы вернуться к одному из них.

— Быть может, я несколько сгустила краски. Думается, я смогу ему помочь.

— Что ж, как хотите. А если он станет выкручивать вам руки?

— Ничего у него не выйдет, — уверенно сказала сиделка. — Взгляните на мои запястья: я два года играла за баскетбольную команду Уэйнборской школы. Я сумею с ним справиться.

Миссис Хиксон с минуту молча глядела на нее.

— Хорошо, — сказала она наконец. — Но имейте в виду: любые пьяные обещания этих людей утратят силу сразу после того, как они протрезвеют. Я через все это уже проходила и знаю. Заранее договоритесь с кем-нибудь из прислуги отеля, чтобы вам пришли на помощь, если потребуется. С этими алкоголиками ни в чем нельзя быть уверенным — иные вроде безобидны, другие нет, но на внезапные выходки способен любой из них.

— Я это запомню, — сказала сиделка.

Она вышла на улицу; ночь была на удивление светлой для этого времени года; сыпала снежная крупа, штрихами забеливая черно-синее небо. Обратный автобус оказался тем же самым, что привез ее сюда, только разбитых окон в нем стало больше; водитель злился и грозил ужасными карами озорникам, попадись они ему под руку.

Она понимала, что водитель не столько злится на конкретных людей, сколько дает выход накопившемуся раздражению в целом. Точно так же у нее вызывала раздражение мысль об алкоголиках как таковых. Скоро уже она доберется до гостиничного номера и при виде конкретного алкоголика, жалкого и беспомощного, будет испытывать к нему смесь презрения и сочувствия.

Сойдя на нужной остановке, она по длинным ступеням спустилась к отелю; холодный воздух подействовал бодряще. Она будет ухаживать за этим пациентом хотя бы потому, что не нашлось никого другого, и еще потому, что лучшие представители ее профессии всегда берутся за самые трудные случаи, которые не по плечу остальным.

Она постучалась в дверь, заранее приготовив вступительную фразу.

Он открыл сам, одетый как на званый обед — в смокинге и даже с котелком на голове; недоставало только бабочки и запонок.

— А, привет, — произнес он небрежно. — Рад, что вы вернулись. Я уже давно проснулся и вот собираюсь на прием. Что там с ночной сиделкой?

— Я буду дежурить и ночью, — сказала она. — Согласилась поработать круглые сутки.

Он ответил на это приветливо-безразличной улыбкой:

— Проснувшись, я не застал вас в номере, но что-то подсказывало мне, что вы еще появитесь. Пожалуйста, найдите мои запонки. Они либо в черепаховой шкатулке, либо...

Оглядев свой наряд, он поправил лацканы и втянул манжеты поглубже в рукава.

— А сперва я подумал, что вы меня бросили, — заметил он как бы между прочим.

— Я тоже так думала.

— Там на столе новая серия рисунков, — сказал он. — Сделал специально для вас.

— К кому вы идете на прием? — спросила она.

— К секретарю президента. Уже замучился со сборами и хотел вообще отказаться от этой затеи, но тут пришли вы. Не освежите меня порцией хереса?

— Только один бокал, — устало согласилась она.

Чуть погодя он позвал из ванной:

— Сестра, сестра, свет очей моих, где же вторая запонка?

— Уже несу.

В ванной она отметила бледность его лица и лихорадочный блеск в глазах, одновременно уловив запах мятных лепешек и джина у него изо рта.

— Надеюсь, вы уходите ненадолго? — сказала она. — В десять часов придет доктор Картер.

— Что значит «я ухожу»? Мы идем вместе.

— Что? — воскликнула она. — В этом свитере и юбке? Еще чего не хватало!

— Тогда и я не пойду.

— Вот и прекрасно, отправляйтесь в постель — там вам сейчас самое место. Разве нельзя повидать этих людей завтра днем?

— Конечно же нет.

— А, ну конечно же!

Она потянулась вверх над его плечами, завязывая бабочку. Манжеты рубашки сильно измялись после его возни с запонками, и она предложила:

— Неплохо бы вам переодеть рубашку, раз уж идете на светский прием.

— Ладно, только я сделаю это сам.

— Почему вы отказываетесь от моей помощи? — возмутилась она. — Почему бы мне не помочь вам одеться?

Для чего тогда нужна сиделка? Или вы думаете, я никогда не помогала мужчинам одеваться?

Внезапно он присел на крышку унитаза.

— Хорошо, помогайте.

— Эй, только за руки не хвататься! — сказала она строго, а когда он дернулся снова, извинилась.

— Ничего, это не больно, — сказал он. — Сейчас увидите.

Она сняла с него смокинг, жилет, рубашку и собралась стянуть через голову майку, но он помешал ей, затягиваясь сигаретой.

— А теперь смотрите, — сказал он. — Раз, два, три!

Она потянула вверх майку, и в тот же момент он, точно кинжал, вонзил себе в область сердца багрово-пепельный кончик сигареты, раздавив окурок о медную пластинку размером с долларовую монету на своем левом ребре и ойкнув, когда одна искра слетела на живот.

«Вот и повод проявить выдержку», — сказала она себе. В его шкатулке она видела три военные медали, но и самой ей не раз приходилось рисковать, ухаживая за инфекционными больными, — бывали у нее туберкулезники, а однажды попало кое-что пострашнее, хотя она тогда этого не знала и до сих пор не простила врача, утаившего от нее диагноз.

— Должно быть, вам нелегко приходится с этой штукой, — сказала она с нарочитой бодростью, обтирая его тело губкой. — Она когда-нибудь затянется?

— Никогда. Это же медяшка.

— И все равно это не оправдывает ваше издевательство над собой.

Его большие карие глаза посмотрели на нее в упор — пронзительно, отчужденно, потерянно. И в этом недолгом, почти мимолетном взгляде ей вдруг открылось же-

РАССКАЗЫ ДЛЯ «ЭСКВАЙРА» (1935–1941)

ление смерти; и стало ясно, что все ее знания и навыки в данном случае бесполезны, — помочь ему она не в состоянии. Он поднялся, опираясь на раковину, и устремил взгляд на что-то перед собой.

— Нет уж, пока я здесь, никакой выпивки вы не получите, — сказала она.

В следующий миг она поняла, что взгляд этот не имеет касательства к выпивке, хотя и нацелен в тот угол, где она ранее разбила бутылку джина. Она смотрела на его красивое лицо, выражавшее растерянность и вызов одновременно, и боялась даже искоса проследить направление его взгляда, ибо знала, что там, в углу, он видит смерть. Вообще-то, смерть была ей не в новинку — доводилось слышать ее приближение, чують ее характерный запах, — но никогда прежде она не видела смерть *до того*, как та завладеет своей жертвой, а этот человек сейчас видел ее в углу комнаты; и смерть оттуда глядела на него, пока он откашливался, а затем, сплюнув себе на ладонь, вытер ее о штанину. Секунду-другую плевок, пузырясь, блестел на ткани как свидетельство его последнего жеста...

На другой день она попыталась описать свои ощущения миссис Хиксон:

— С этим просто нельзя совладать, как сильно ты ни старайся. Пусть бы он выкручивал мне руки вплоть до разрыва связок, оно б и вполовину не было так больно. Тяжелее всего понимать, что ты бессилен хоть как-то помочь, — все напрасно.

Честь Чувырлы

I

В Кеннесоуском колледже Бомар Уинлок снискал известность благодаря своим падениям с лестниц. Речь не о каких-то нелепых случайностях — поскользнулся, подвернул ногу и т. п., — а о красивых, мастерских падениях, путем усердных тренировок и упражнений, доведенных им до акробатического совершенства. Чаще всего это делалось так.

Перехватив на входе в корпус каких-нибудь посетителей, Уинлок любезно предлагал сопроводить их до администрации на втором этаже. Он поднимался с гостями по лестнице, указывал им нужную дверь далее по коридору и, отвесив прощальный поклон, разворачивался как бы с намерением спуститься обратно, но вдруг терял равновесие и — уу-ух! шмяк! бац! — кубарем летел вниз, поочередно мелькая пятками, задницей и макушкой, так что жутко было смотреть. На площадке между пролетами искалеченное тело бедного юноши как бы задерживалось в неустойчивом равновесии, но затем реалистично продолжало спуск тем же манером — шмяк! бац! хрясь! — до самого низа лестницы, сопровождаемое испуганными возгласами (а то и визгом) глядящих сверху гостей.

Когда Уинлок наконец застывал, распростертый на полу вестибюля, к нему подбегали приятели-сообщники, обмениваясь нарочито громкими репликами:

— Он умер?

— Нет, вроде пока дышит.

И, подхватив тело, они быстренько уносили его с глаз потрясенных свидетелей — якобы в медпункт.

Опьяненный блестящим успехом этого трюка, Бомар на первом курсе проделывал его при всякой возможности, но затем наступило некоторое отрезвление, и он стал себя сдерживать, хотя в ряде случаев не мог устоять перед соблазном. Одним из таковых оказался случай с Чувырлой.

Семья Чувырлы приехала в Штаты откуда-то с Востока — в колледже ей подобных без разбора именовали «китаезами», хотя в действительности она была, кажется, малайкой. Эта прилежная девушка с кротким личиком и легкой хромотой не проучилась здесь и недели, когда Бомару в очередной раз приспичило скатиться с лестницы — подобно тому как пьяницу после долгого воздержания с удвоенной силой тянет к выпивке. Выбранная им для этой цели лестница учебного корпуса была особенно крутой, и полет вышел на загляденье, так что даже его сокурсники, много раз наблюдавшие сей трюк, не удержались от неподдельно тревожных восклицаний. Но из всех видевших его в ту минуту лишь Элла Ли Чаморо без промедления кинулась к лежащему навзничь телу с намерением оказать первую помощь.

Этот ее порыв был столь искренним, а жалось и сочувствие в широко раскрывшихся азиатских глазах — столь глубокими, что в душе Бомара, должно быть, шевельнулось некое предвестие зрелости, и он, вместо того чтобы доиграть спектакль до конца, поднялся с пола и побрел прочь с довольно-таки глупым видом. С того самого момента он откровенно невлюбил эту девушку, и как раз с его подачи к ней пристало обидное прозвище Чувырла. Вообще-то, чувырлами в колледже называли любых толстых, неуклюжих или некрасивых девчонок, но

только Элла Ли Чаморо сделалась Чувырлой с большой буквы.

Юношеская жестокость имеет свойство обостряться и оттачиваться в процессе измывательства, и девушка ощутила это в полной мере. Какие только пороки и гнусности ей не приписывали! Вне классов все сторонились ее, как прокаженной, а при какой-нибудь официальной необходимости общение с ней сводилось к минимуму. В такой обстановке она проучилась более двух лет. С лица ее, прежде по-детски чистого и открытого, теперь не исчезало выражение обиды, страха и подозрительности, замаскировать которое была не в силах даже прославленная восточная невозмутимость.

...В один из февральских дней декан Эдвард Форни пребывал в дурном расположении духа, ибо только что подписал приказ об отчислении студентов, проваливших зимнюю сессию. Был обеденный перерыв, секретарша удалилась в столовую, а декан остался в своем кабинете. Там, ровно в половине первого, его и застал неожиданный визитер, который проследовал через пустую приемную, постучал в дверь и вошел сразу вслед за стуком.

— Вы декан Форни?

— Добрый день. Да, это я.

— Я мистер Ли Чаморо.

— Ах да... — рассеянно молвил декан и поднялся из кресла. — Рад познакомиться.

Перед ним стоял худощавый жилистый азиат, на вид лет двадцати с небольшим, одетый по-европейски: добротный английский костюм спортивного покроя, клетчатый твидовый жилет оливковых тонов, прекрасные лондонские ботинки и дорогое пальто из верблюжьей шерсти. Не снизойдя до приветственной улыбки, гость уселся на предложенный деканом стул.

— Я пришел поговорить об учащейся здесь мизз Элле Ли Чаморо, — сказал он вежливым, но сухим тоном.

— Да, понимаю. Вы, надо полагать, ее брат. Мисс Ли Чаморо — одаренная девушка, я бы сказал, незаурядная. Она отлично успевает по всем предметам.

Мистер Ли Чаморо кивнул, однако в этом кивке чувствовалось нетерпение.

Из его внешности декан отметил угольно-черные глаза с такими перламутровыми бусинками в центре зрачков, а также тончайшую линию усиков «а-ля Кларк Гейбл», оттенявшую верхнюю губу.

— Декан Форни, скажите мне, что такое чувырла?

— Чувырла? — растерялся декан.

Он, разумеется, помнил этот термин — в пору его студенческой молодости чувырлами называли скучных, занудливых и вообще неприятных людей, — однако не сказал об этом гостю, тут же сообразив, что данное слово было, по-видимому, как-то связано с Эллой Ли Чаморо.

— Чувырла? — повторил он еще раз. — Полагаю, это из сленга старшекурсников, какая-то шутка.

— А что означает это слово? — Перламутровые бусинки вдруг расширились, чуть не полностью закрыв собой зрачки.

— Ну... я затрудняюсь сказать точно, эти словечки то входят в оборот, то исчезают, попробуй за всеми уследить... А могу я спросить, почему...

— В моей стране, — сказал мистер Ли Чаморо, — смысл таких слов понятен всякому. Это одно из позорных, запретных слов. Произнеся его только что, я осквернил собственные губы, но мне пришлось это сделать, чтобы не возникло недопонимания.

— Уверяю вас, в студенческой среде это слово воспринимается совершенно иначе, — торопливо произнес декан. — Полагаю, оно взято из какого-нибудь комикса или

мультфильма... Ну да, конечно же, это из лексикона По-
пая! Знаете морячка Попая? Хотя, возможно, мультфиль-
мы о Попае — об этом моряке — не показывают у вас в...
в... — Он мысленно обругал себя за то, что не помнит
страну происхождения Эллы Ли Чаморо.

— Этим словом назвали мизз Эллу Ли Чаморо.

— Что? Нет, я уверен, что это не так. Или разве что в
шутку — обычная глупая шутка. Вы же знаете, как любят
пошутить студенты...

Мистер Ли Чаморо извлек из кармана записную книж-
ку, открыл ее и зачитал список:

*«Морис де Уэр — один раз,
Вернар Батлер — один раз,
Оутс Малкли — один раз,
Уэвелин Уилсон — четыре раза,
Портер С. Сполдинг — четыре раза,
Глория Матецка — три раза,
Клод Негротто — два раза,
Эвберт М. Дюк — три раза,
Гунявка Ловетт — два раза,
Бомар Уинлок — одиннадцать раз».*

Декан был в замешательстве.

— Поверьте, я и подумать не мог... — пробормотал он. —
Однако даже этот список показывает, что прозвища среди
наших студентов — самое обычное дело. Взять, напри-
мер, Гунявку...

— Мизз Ли Чаморо — не гунявка!

— Нет, конечно же. Я имел в виду...

— И мизз Ли Чаморо — не чувырла!

— Нет-нет, конечно же. Ваша сестра...

— Она мне не сестра. Но она моя родственница. И я
пришел узнать, каким образом здесь поступают с людь-
ми, которых прозвали чувырлами.

— Как с ними поступают? Да точно так же, как со всеми другими. Поймите, это же всего лишь...

— Значит, это неправда, что их не водят на танцы, а если они приходят туда сами, с ними никто не хочет танцевать, что их не приглашают в студенческие клубы и что считается зазорным даже просто идти рядом с ними по улице?

— Да нет же, говорю вам! Это...

— Значит, это неправда, что у вас тут принято скатываться кувырком с лестницы и потом обзывать чувырлами тех, кто поспешит на помощь упавшему?

— Неужели такое возможно?.. Впервые слышу... мне об этом не докладывали...

— ...и что человек с таким прозвищем становится парией, хуже раба, все его презирают или просто не видят в упор?

«Что-то здесь стало жарковато», — подумал декан и, подойдя к окну, открыл его навстречу солнечному февральскому дню. Глоток свежего воздуха его приободрил, и он попытался взять ситуацию под контроль.

— В американских учебных заведениях, — сказал он, — иностранцы, естественно, выделяются на общем фоне. Но я не хотел бы думать...

— Я тоже не хотел бы, — прервал его мистер Ли Чаморо. — И я не пришел бы сюда, не будь ее отец болен. Я вижу, вы очень слабо осведомлены о том, что творится в стенах данного заведения. Несомненно, вас надлежит как можно скорее удалить с этой должности и заменить более компетентным работником. А сейчас будьте добры дать мне адрес студента Бомара Уинлока, и я вас более не тревожу.

— Да, конечно... конечно... — забормотал декан, пробегая пальцами по картотеке. — Но я уверяю вас...

После того как визитер покинул кабинет, декан вернулся к открытому окну и проводил взглядом большой черный лимузин, который отъехал от здания, с хрустом давя колесами гравий аллеи.

— Чувырло, — сказал декан самому себе. — Чувырло, чувырло, чувырло...

II

На традиционный бал по окончании зимней сессии Бомар Уинлок и его сосед по комнате пригласили девушку из близлежащего городка и сейчас готовились ее встретить — подбирали ингредиенты для коктейлей, расставляли тут и там букеты цветов и т. п. Фотографии знакомых и незнакомых красоток были предусмотрительно сняты со стен и лежали на столе в ожидании, когда их на время уберут с глаз долой. В этот день гостей в кампусе было полно, и потому они не очень удивились появлению на пороге хорошо одетого азиата, в первый момент подумав, что тот просто ошибся дверью.

— Я ищу некоего Бомара Уинлока, — сказал азиат.

— Вот он я.

Вошедший пристально взглянул на Бомара, и тот поразился его угольно-черным глазам, в центре которых как будто блестели алмазные искорки.

— Что вам угодно? — спросил Бомар.

— Я хотел бы побеседовать с глазу на глаз.

— Это мой сосед по комнате, мистер Малкли.

Мистер Ли Чаморо взглянул на мистера Малкли, хотя и не так пристально, как перед тем на Бомара.

— Оутс Малкли? — уточнил он.

— Он самый.

— Тогда его присутствие будет как раз желательно.

Оба студента изумленно уставились на пришельца, уже начиная испытывать недобрые предчувствия и спешно перебирая в памяти свои недавние грешки.

— А в чем, собственно, дело? — спросил Бомар.

— Дело в том, что вы причастны к определенным неприятностям, регулярно причиняемым моей родственнице, мизз Элле Ли Чаморо.

— О чем вы говорите? — воскликнул Бомар. — Какие неприятности? Да я с ней не общаюсь даже на уровне «привет-привет».

— Это и есть один из способов причинения неприятностей.

— Что-то я не возьму в толк. Говорю же, я едва знаком с Эллой Ли Чаморо. Чего вы от меня хотите? Чтобы я с ней подружился, а то и завел шуры-муры?

Уже в следующий момент он понял, что взял неверный тон. Алмазики в зрачках мистера Ли Чаморо начали расти, и Бомар сполна ощутил их завораживающее действие, как декан Форни пятнадцатью минутами ранее.

— Вы обратились не по адресу, — сказал он. — Я никогда не обижал вашу сестру.

— И вы никогда не называли ее чувырлой? Никогда не употребляли в обращении к ней слова «эй ты, Чувырла»?

— Чувырла? Ну да, такое случается... В смысле, это слово здесь употребляют все кому не лень по всякому поводу, но я что-то не припомню, чтобы называл так именно ее.

— Тут вы лжете, мис-тер Бо-мар Уин-лок, — отчеканил Ли Чаморо. — Вы произнесли это слово при обращении к моей родственнице как минимум одиннадцать раз, по ее собственным подсчетам.

Бомар и Оутс переглянулись, как бы подпитывая друг друга решимостью.

Пора было дать отпор чужаку.

— Никто не смеет называть меня лжецом! — сказал Бомар.

— Неужели? Тогда, возможно, правильнее будет называть вас шелудивым псом, который тешится оскорблениями беззащитных женщин-чужеземок? Фу! Эта комната насквозь провоняла трусливой псиной! — И он повысил голос еще на полтона. — Фингарсон!

Бомар и Оутс успели сделать лишь по шагу в направлении мистера Ли Чаморо, когда дверь отворилась и в проеме показался, деловито снимая перчатки, его шофер — с виду настоящий громила. Бомар застыл на месте.

— Это как понимать? Эй!..

— Займись ими, Фингарсон.

Бомар сделал шагок назад, потом еще один — и полетел через всю комнату после того, как огромный кулак норвежца врезался ему в челюсть. Полет завершился столкновением с пианино, отозвавшимся гулким диссонансным аккордом.

Оутс, видя такое дело, попятился, пытаясь отгородиться столом от надвигающегося гиганта, и потянулся к цветочной вазе, но противник его опередил. Первый удар отправил бедолагу на пол с расквашенными губами, после чего он привстал было на колени, но тут же рухнул снова, успев лишь молвить: «Какого черта...» — и сплюнуть кровь. Фингарсон повернулся к Бомару, однако тот валялся все там же, подавая очень слабые признаки жизни.

А Ли Чаморо обратился к ним обоим с таким видом, будто они все еще были в здоровом теле и ясном сознании:

— Чтобы честь моей родственницы была восстановлена, вас необходимо подвергнуть унижению, и поначалу я собирался выжечь на вас клейма щипцами для завивки волос мизз Ли Чаморо. Но я вижу тут нечто более подходящее случаю. Фингарсон, возьми со стола фотографии

и вынь их из рамок. Я с большим удовольствием оскверню изображения ваших родственников.

Бомар, по-прежнему пребывавший в состоянии грогги, тупо смотрел перед собой; а Оутс зашевелился и сказал с угрозой, в данной ситуации прозвучавшей неубедительно:

— Эй, положите снимки на место! Это вовсе не наши родственницы.

— Стало быть, ваши любимые девушки, — заключил Ли Чаморо. — Фингарсон, я хочу чтобы ты плюнул в лицо вот этой, с красивой заколкой в волосах. А затем поскреби снимок ногтем, чтобы стереть лицо — только лицо, — да, вот так, отлично...

Изрыгая проклятья и пошатываясь, Оутс встал на ноги, но Фингарсон был начеку, сработав так быстро и эффективно, что в дальнейшем студент вел себя смирно, как сквозь сон наблюдая за перемещениями каких-то расплывчатых фигур и слыша неясные, словно удаленные голоса. Бомар, пришедший в себя как раз вовремя, чтобы лицезреть эту повторную расправу, благоразумно остался лежать на полу.

— Однако здесь только юные вертихвостки, — недовольно заметил Ли Чаморо, перебирая снимки. — Посмотри-ка в спальне, Фингарсон. — (Шофер ушел и вскоре вернулся с новыми фотопортретами.) — Ага, вот это уже интереснее: женщина лет шестидесяти. Такое милое, доброе лицо — ему не следует смотреть на эту шваль.

— Это моя мама, — глухо произнес Бомар. — Она умерла. Прошу вас...

Ли Чаморо колебался лишь долю секунды, а затем плюнул на фото и пальцем растер изображенное лицо, превратив его в грязно-белую кляксу.

— Так-то лучше, — заключил он. — А это, надо полагать, отец. Да, я вижу сходство, тем приятнее будет его

осквернить. Признаться, я думал, что твоим отцом был какой-то безымянный бродяга. А это... да это же Джин Харлоу — как она попала в такую компанию? Ее мы пощадим, поскольку она явно не из твоих знакомых, ты просто купил ее фото. В жизни она на тебя и не взглянула бы.

— Повесить их обратно на стену, сэр? — спросил Финграсон, когда экзекуция над снимками завершилась.

— Разумеется, — сказал Ли Чаморо. — Позор должен быть публичным. Пусть все их знакомые говорят: «Эти двое очень любят обзывать девушек чувырлами. А вы видели, какие чувырлы украшают стены в их комнате?»

Он улыбнулся собственной шутке — улыбнулся впервые с момента своего появления в кампусе. Сверкающие точки в его зрачках вновь увеличились, когда он обратился к Бомару.

— К сожалению, законы не позволяют мне перерезать твою паршивую глотку. Впредь, завидев издали мою родственницу, мизз Эллу Ли Чаморо, перебегай на другую сторону улицы, чтобы ее не коснулась исходящая от тебя вонь.

Он в последний раз оглядел комнату.

— Выбрось цветы в окно, Фингарсон. Этой красоте не место среди тех, кто издевается над женщинами.

Прошло минуты три после того, как черный лимузин укатил прочь по аллее, посыпанной гравием, и лишь теперь в комнате наметилось какое-то движение. Бомар первым поднялся на ноги и, нетвердо ступая, обошел разгромленное жилище.

— Это черт знает что! — сказал он. — Черт знает что!

— Почему ты меня не поддержал? — спросил с пола Оутс. — Одному против такого бугая мне было никак не потянуть.

РАССКАЗЫ ДЛЯ «ЭСКВАЙРА» (1935–1941)

— Я был в отключке. И потом, китаез наверняка прятал в рукаве нож — ты же слышал, он собирался перерезать мне глотку.

— Что думаешь делать теперь?

— Пойду с жалобой к декану, вот что я сделаю. Это ж чистой воды разбой — врываться к людям, бить морды и уничтожать их собственность типа фотографий. Многие из этих снимков я уже не смогу восстановить.

Он ошеломленно уставился на стену с обезличенными фото.

— Проклятье, выглядят жутко. Надо бы их снять.

— Нам уже пора идти, — сказал Оутс. — И вот что я тебе скажу: лично от меня эта чувырла теперь схлопочет по полной!

Бомар покосился в сторону окна.

— Однако он обещал вернуться.

— Он этого не говорил.

— Нет, говорил.

— В следующий раз мы будем готовы к встрече.

— Ну еще бы.

Бомар осмотрел себя в зеркале.

— Ну и как я объясню девчонкам такой вид?

— Да какого черта! — простонал, наконец-то поднимаясь, Оутс. — Скажи им, что упал с лестницы.

Затянувшийся отъезд

I

Мы беседовали о старинных замках Турени, среди прочего помянув железную клетку, в которой Людовик XI шесть лет продержал кардинала Балю, и прочие ужасы тамошних темниц. Мне довелось повидать несколько таких узилищ, представляющих собой просто сухие каменные колодцы глубиной тридцать—сорок футов, куда бросали людей, — и тем более нечего было ждать. Учитывая, что я страдаю клаустрофобией и тяжело переношу даже поездку в обычном купе спального вагона, темницы эти произвели на меня самое гнетущее впечатление. Посему я был рад, когда доктор начал рассказывать новую историю, вроде бы не имевшую ничего общего с мучениями средневековых узников в каменных мешках.

Итак, жила на свете молодая женщина — назовем ее миссис Кинг, — и была она счастлива в браке. Семья их не знала нужды, они с мужем очень любили друг друга, но случилось так, что после рождения второго ребенка миссис Кинг надолго впала в кому, по выходе из которой у нее обнаружились явные признаки шизофрении, или раздвоения личности. Эта ее мания, каким-то непостижимым образом связанная с Декларацией независимости, не имела отношения к окружающей реальности и ослабевала по мере того, как улучшалось ее физическое состояние. По прошествии десяти месяцев она почти поправилась и горела желанием поскорее вернуться в большой мир за стенами клиники.

Ей всего-то шел двадцать второй год, а во внешности и манерах еще сохранялось обаяние юности, что быстро сделало ее любимицей всего больничного персонала. Когда ее сочли достаточно окрепшей для — пока что пробной — поездки с мужем на курорт, это известие никого не оставило равнодушным. Одна из медсестер ездила с ней в Филадельфию за новым нарядом, другой сестре она поведала весьма романтическую историю знакомства с будущим супругом на отдыхе в Мексике, и все без исключения спешили поглядеть на двух ее малюток, когда их привозили в клинику. А сейчас они с мужем собрались на пять дней в Виргиния-Бич.

Одно удовольствие было наблюдать за ее хлопотами перед поездкой: как она тщательно подбирает наряды, укладывает чемодан и весело занимается всякими немаловажными мелочами вроде перманентной завивки. За полчаса до назначенного срока она завершила сборы и отправилась с прощальными визитами к соседям по этажу — в бирюзовом платье и шляпке цвета апрельского неба, только что прояснившегося после ливня. Ее милое бледное личико — все еще с налетом тревоги и грусти, что нередко бывает после тяжелой болезни, — теперь сияло от радостного предвкушения.

— Мы там будем просто бездельничать, — делилась она своими планами. — Ни к чему большему я не стремлюсь. Три дня подряд вставать когда захочу и ложиться спать далеко за полночь. Куплю купальный костюм и буду заказывать в ресторане все, что душе угодно.

Когда подошло время отъезда, у миссис Кинг не хватило терпения дожидаться мужа в своей комнате, и она решила встретить его в нижнем холле. Проходя по коридору в сопровождении санитаря с ее чемоданом, она прощально махала встречным пациентам, сожалея, что те не могут так же отправиться в чудесное путешествие. Глав-

ный врач вышел ее проводить и пожелал приятного отдыха; две медсестры под какими-то предлогами покинули свои посты, чтобы напоследок разделить ее радость — такую чистую и заразительную.

— Вам очень пойдет легкий загар, миссис Кинг.

— Не забудьте прислать нам открытку.

Примерно в те же минуты, когда миссис Кинг покидала свой этаж, автомобиль ее мужа столкнулся с грузовиком на пути из города к больнице; от полученных травм у него началось внутреннее кровотечение, и, по оценке врачей, жить ему оставалось лишь несколько часов. Эту новость сообщили по телефону в регистратуру на первом этаже клиники, отделенную только стеклянной перегородкой от холла, где прохаживалась в ожидании миссис Кинг. Опасаясь быть услышанной в холле, дежурная лишь коротко подтвердила в трубку прием сообщения и сразу же вызвала старшую медсестру. Узнав, в чем дело, та поспешила к врачу, который принял решение: пока мистер Кинг еще жив, ничего не говорить пациентке о случившемся, а только предупредить ее, что сегодня супруг приехать не сможет.

Это известие очень расстроило миссис Кинг.

— Я и сама понимаю, что глупо делать из этого трагедию, — говорила она. — В конце концов, что значит один день после стольких месяцев ожидания? Он ведь придет завтра, так он сказал?

Старшая медсестра не нашлась с ответом и, кое-как замяв неловкую паузу, проводила пациентку до ее палаты. К ней приставили самую опытную и хладнокровную сиделку, наказав ей следить за тем, чтобы миссис Кинг до конца этого дня не общалась с другими пациентами и не читала вечерние газеты. А назавтра ситуация так или иначе прояснится.

Однако на следующее утро муж был все еще жив, и ее по-прежнему держали в неведении. Незадолго до полудня одна из сестер, проходя по коридору, встретила миссис Кинг, одетую на выход, как накануне, и с чемоданом в руке.

— Вот-вот подъедет мой муж, — объяснила она. — Вчера его задержали дела, но он обещал быть сегодня в тот же час.

Сестра пошла вниз вместе с ней. Миссис Кинг разрешилось свободно перемещаться в пределах больницы, и сестра не могла просто увести ее обратно в палату, не дав никаких разъяснений, а открыть правду, противоречащую словам начальства, она не осмелилась. Выйдя вместе с пациенткой в холл, она украдкой подала знак дежурной в регистратуре, и та, по счастью, все правильно поняла. Между тем миссис Кинг задержалась перед зеркалом и, в который раз оглядев свой наряд, заметила:

— Надо бы заказать с дюжину точно таких же шляпок, чтобы всегда чувствовать себя счастливой, как сегодня.

А когда через минуту в холле появилась старшая медсестра и приблизилась к ней с мрачным видом, она воскликнула:

— Что такое? Джордж опять задерживается?

— К сожалению, да. Придется вам еще немного потерпеть.

Миссис Кинг печально усмехнулась:

— А я так хотела показаться ему в новом, впервые надетом наряде.

— Да на нем и сейчас ни морщинки.

— Надеюсь, он сохранится в таком виде до завтра. Впрочем, не стоит горевать из-за лишнего дня, ведь я сейчас так счастлива.

— Разумеется, не стоит.

Той ночью ее муж скончался, а поутру врачи клиники устроили консилиум, решая, сказать ей об этом или нет, — оба варианта были чреваты опасными последствиями для ее душевного состояния. В конечном счете было решено объявить пациентке, что мистер Кинг срочно отбыл в дальнюю поездку, и таким образом лишить ее надежды на скорую встречу, а после того, как она с этим примирится и успокоится, можно будет открыть всю правду.

Когда врачи покидали кабинет после совещания, один из них вдруг остановился и кивком указал коллегам на происходящее впереди. По коридору в сторону холла двигалась миссис Кинг с чемоданом в руке.

Доктор Пири, ее лечащий врач, тяжело вздохнул.

— Это просто невыносимо, — сказал он. — Уж лучше я сразу скажу ей все как есть. Выдумка с отъездом не имеет смысла, если она перестанет получать от него весточки минимум дважды в неделю, как это было до сих пор. А если сослаться на его болезнь, она непременно захочет его проведать. Ну что, нет желающих подменить меня в этом деле?

II

Сразу после того консилиума один из его участников отбыл в двухнедельный отпуск. А в первый день по возвращении на работу он в тот же самый час в том же коридоре изумленно застыл при виде маленькой процессии — навстречу ему двигались санитар с чемоданом, медсестра и миссис Кинг все в том же бирюзовом платье и шляпке цвета весеннего неба.

— Доброе утро, доктор, — сказала она. — Я иду встречать мужа, и мы поедem в Виргиния-Бич. Вот решила заранее спуститься в холл, чтобы не заставлять его ждать.

Доктор взгляделся в ее лицо — оно было ясным и по-детски счастливым. Сестра знаком дала ему понять, что действует согласно указаниям, после чего он ограничился поклоном и перевел разговор на погоду.

— Да, нынче прекрасный день, — сказала миссис Кинг. — И он не станет для меня менее прекрасным, даже если пойдет дождь.

Врач проводил ее взглядом, недоумевая и возмущаясь: почему они позволили этому продолжаться? На что они рассчитывают?

Эти вопросы он вскоре задал доктору Пири.

— Мы пытались с ней объясниться начистоту, — сказал доктор Пири, — но она в ответ только смеялась и говорила, что мы сочиняем эти небылицы лишь для проверки, все ли ладно у нее с головой. В данном случае слово «немыслимо» можно употребить в самом прямом смысле — она не в силах даже помыслить о смерти мужа.

— Но так не может продолжаться до бесконечности.

— Теоретически — не может. Несколько дней назад, когда она в очередной раз упаковывала вещи, сиделка попыталась ее удержать. Я стоял в коридоре и через открытую дверь увидел, что она вот-вот закатит истерику — впервые за все это время, заметьте. Лицевые мышцы напряглись, глаза остекленели, а голос стал резким и хриплым, когда она — в преувеличенно вежливых выражениях — обвинила сиделку во лжи. Еще минута — и доселе спокойная пациентка перешла бы в разряд буйных, так что я срочно вмешался и приказал сиделке проводить ее в холл...

Тут он умолк, поскольку все та же процессия появилась вновь, теперь возвращаясь в палату. Миссис Кинг остановилась и заговорила с доктором Пири.

— Моего мужа задержали дела, — сообщила она. — Конечно, я расстроена, но мне сказали, что он приедет

завтра, а после такого долгого ожидания вполне можно потерпеть еще денек. Вы со мной согласны, доктор?

— Полностью согласен, миссис Кинг.

— А сейчас первым делом переоденусь, чтобы не зашивать новый наряд. — Она сняла шляпку и придирчиво ее осмотрела. — Вот уже и пятнышко появилось, попробую его свести. Как по-вашему, он не заметит?

— Не заметит, уверяю вас.

— Всего-то один день осталось подождать. Завтра в этот же час — и оглянуться не успею, как пройдет время.

Когда она удалилась, молодой доктор напомнил коллеге:

— А ведь есть еще дети, их у нее двое.

— Не думаю, что дети сейчас имеют для нее какое-то значение. Когда произошел этот психический надлом, в ее сознании возникла прочная связь между отъездом и самой идеей исцеления. Если мы разрушим эту связь, миссис Кинг скатится в пропасть и должна будет выбираться оттуда заново.

— Справится ли она?

— Прогнозировать невозможно, — сказал доктор Пири. — Я всего лишь объяснил, почему ей этим утром разрешили спуститься в холл.

— А что будет завтра? И послезавтра?

— Всегда есть надежда, — сказал Пири. — Вдруг однажды утром он объявится?

На этом месте доктор прервал свой рассказ. В ответ на наши требования довести историю до конца он лишь заметил, что дальнейшее не представляет интереса: всякое сочувствие рано или поздно себя изживает, и со временем персонал клиники стал относиться к ней как к обычной пациентке.

РАССКАЗЫ ДЛЯ «ЭСКВАЙРА» (1935–1941)

— И она до сих пор ежедневно выходит встречать мужа?

— Да, с этим все по-прежнему. Прочие больные — включая новичков — так привыкли к этому, что даже головы не поворачивают, когда она проходит по коридору. Ежегодно медсестры тайком подменяют ее шляпку точно такой же, но выходное платье у нее до сих пор то самое. Всякий раз она слегка расстраивается, не застав внизу мужа, но в целом держится неплохо и порой даже мило шутит. Ее жизнь не так уж и несчастна, насколько мы можем судить, а для остальных пациентов она служит образцом спокойствия и уравновешенности... Но, ради бога, давайте побеседуем о чем-нибудь другом — хотя бы о тех же темницах.

Постоялец из девятнадцатого

Когда мистер Кэсс понял, что уснуть ему не удастся, он снова надел галстук и вернулся в гостиничный холл. Все постояльцы уже разошлись по своим комнатам, но признаки недавнего оживления — вроде наполовину собранной мозаичной картинки на столе — были налицо. У камина возился ночной сторож, пристраивая на углях толстое бревно.

Мистер Кэсс неслышно проковылял по мягкому ковру и, остановившись за спиной сторожа, спросил скрипучим голосом:

— Тяжелое?

Сторож, немолодой жилистый горец, резко обернулся.

— Под сотню фунтов потянет, — ответил он затем. — Дерево сырое, займется толком к часу ночи, не раньше.

Мистер Кэсс опустился в кресло. Еще год назад он жил активно и полнокровно, водил машину и тому подобное, однако в прошлом месяце — перед самой поездкой на юг — у него случился удар, и теперь его жизнь напоминала тягостное ожидание последнего поезда на глухом полустанке. Он был очень одинок.

Сторож подгреб вплотную к бревну горящие головешки.

— Я было принял вас за другого, когда услышал голос за спиной, — сказал он.

— За кого это, интересно знать?

— Я подумал, это снова тот тип, что приходит позже всех. В мое первое дежурство он заявился часа в два — словно из-под земли вырос, аж напугал. И эдак, почитай, каждую ночь.

После паузы мистер Кэсс спросил:

— А как его зовут?

— Я его имя не спрашивал.

Опять возникла пауза. В камине взметнулись и вскоре опали языки пламени, до поры не осилив сырое дерево.

— Так, может, он и не постоялец вовсе?

— Да нет же, тут он живет, — не очень уверенно сказал сторож, похоже впервые об этом задумавшись. — Я слышал его шаги по коридору, а потом он завернул за угол и дверью хлопнул.

— А что, если он взломщик? — спросил мистер Кэсс.

— Ну, это навряд ли. Он сказал, что останавливается здесь частенько.

— И он заверил вас, что не является взломщиком?

Сторож рассмеялся:

— Таких вопросов я ему не задавал.

Бревно откатилось к решетке камина, но старик тут же подвинул его на прежнее место; мистер Кэсс невольно позавидовал его силе. Ему подумалось, что, будь у него столько сил, он немедля сбежал бы отсюда в большой мир, в прошлую жизнь, а не сидел бы вот так праздно у огонька.

...Почти каждый вечер он играл в бридж с двумя клерками, а на прошлой неделе во время партии вдруг почувствовал, что теряет связь с происходящим, как бы взмывает вверх, подобно клубу дыма, легко проходит сквозь потолок и, оглядываясь, видит внизу свое тело за столом, свою сутулую спину и карты в побелевших от напряжения пальцах. Он слышит, как игроки объявляют ставки,

слышит и собственный голос, им отвечающий, — а потом клерки помогли ему добраться до номера, и один из них остался присматривать за больным, пока не приехал врач...

Через какое-то время мистер Кэсс почувствовал необходимость посетить уборную и отправился в общий туалет сразу за холлом. Там он пробыл довольно долго, а когда вернулся, сторож сообщил:

— Этот тип только что пришел — как всегда, за полночь. Я выяснил, что он из девятнадцатого номера.

— А его имя?

— Как-то неловко было спрашивать, но ведь это можно узнать и по номеру.

Мистер Кэсс снова уселся в кресло.

— Я из восемнадцатого номера, — сказал он. — Насколько знаю, рядом со мной живут какие-то женщины, и больше никого.

Сторож зашел за стойку, осмотрел ячейки для корреспонденции и через минуту сообщил:

— Занятное дело — здесь нет его ячейки. Вот номер восемнадцать: мистер Кэсс...

— Это я.

— ...а дальше сразу идет двадцатый, уже на втором этаже.

— Я же говорил, что это взломщик. Каков он из себя?

— Вроде не старый, но и не то чтобы молодой. Похоже, когда-то болел, потому как все лицо в оспинах.

Это описание, при всей его расплывчатости, вызвало у мистера Кэсса вполне конкретную ассоциацию: его давний деловой партнер Джон Канисиус всегда казался человеком неопределенного возраста — не молодым, но и не старым, — а все лицо его было изрыто оспой.

Внезапно мистер Кэсс начал испытывать ощущение сродни тому, что посетило его недавно за карточным столом. Как сквозь сон, он увидел направлявшегося к двери

сторожа и затем услышал собственный голос: «Оставьте ее открытой»; затем в холл ворвалась струя холодного воздуха, которая подхватила и закружила по комнате его бестелесную сущность. Он видел, как в распахнутую дверь вошел Джон Канисиус и направился прямо к нему, — а затем вдруг узнал в этом человеке ночного сторожа, который пытался напоить его из бумажного стаканчика, расплескивая воду на воротник.

- Спасибо, — пробормотал он.
- Ну как, полегчало?
- Я упал в обморок?
- Да уж, сомлели враз, я и моргнуть не успел. Пожалуй, отведу-ка я вас обратно в комнату.

Когда они приблизились к восемнадцатому номеру, мистер Кэсс остановился и указал тростью на соседнюю дверь:

- Это который номер?
- Семнадцатый. А сразу за вашим идут служебные комнаты. Девятнадцатого нету вообще.
- Как думаете, стоит мне входить?
- Само собой. — Сторож понизил голос. — Ежели вы боитесь того типа, то зря. Должно быть, я попросту ослышался, когда он называл свой номер. А теперь не искать же его среди ночи по всему отелю...

- Он в моей комнате, — сказал мистер Кэсс.
 - Никого там нет.
 - Я уверен, он там. Затаился и поджидает.
 - Чушь собачья! Ладно, раз так, зайдем вместе.
- Сторож распахнул дверь, включил свет и бегло осмотрел помещение:

- Здесь пусто — проверьте сами.

Той ночью мистер Кэсс отлично выспался, а следующий день выдался по-настоящему весенним, и он решил отправиться на прогулку. Он очень долго спускался с хол-

ма, на котором стоял отель, затем потратил более трех минут на переход через железнодорожные пути под участливыми взглядами зевак; но все это были еще пустяки по сравнению с тем, как он форсировал оживленное шоссе, сопровождаемый кошачьим концертом клаксонов и пронзительным визгом тормозов. На противоположной обочине его уже встречала целая делегация местных доброхотов, проводивших измученного странника в ближайшую аптеку, где он заказал по телефону такси до своего отеля.

После этих приключений он уснул в номере, не успев даже раздеться, и пробудился около полуночи, чувствуя себя совершенно разбитым. Он попытался встать с постели, но это оказалось непросто, и тогда он позвонил. На звонок явился давешний сторож:

— Охотно помогу вам, мистер Кэсс, только погодите минут пять. К ночи снова похолодало, и я хочу притащить большое бревно для камина.

— Угу... — промычал мистер Кэсс. — Тот ночной клиент появлялся?

— Только что пришел.

— Вы спросили, не взломщик ли он?

— Он не взломщик, мистер Кэсс. И вообще, он славный малый — вызвался помочь мне с этим бревном. Так что я скоро вернусь.

— А он сказал, в каком номере... — начал мистер Кэсс, но сторож уже удалился, так что оставалось только ждать.

Он ждал пять минут, десять минут и больше. Наконец он понял, что сторож не придет. Видимо, его срочно куда-то вызвали.

...Все в отеле старались оберегать мистера Кэсса от неприятных известий, так что он узнал о случившемся лишь к вечеру следующего дня, невольно подслушав раз-

говор вполголоса у стойки портье. Из услышанного он понял, что сторож накануне надорвался, пытаясь поднять слишком тяжелое бревно. Мистер Кэсс ничего не сказал на сей счет, памятуя, что немощным старикам не след вступать в чужие разговоры. Но он-то знал точно, что сторож там был не один.

После Пасхи клиентов в отеле заметно ubyло, и управляющий не счел нужным нанимать нового сторожа. Что до мистера Кэсса, то он по-прежнему страдал бессонницей и порой одиноко сидел в холле после того, как все уходили спать. И вот одной апрельской ночью он задремал в кресле, а по пробуждении обнаружил, что уже третий час и что он здесь не один.

Возможно, его разбудил поток холодного воздуха от двери, когда ее открыл незнакомец, только что вошедший в холл.

Это был мужчина неопределенного возраста, и даже при свете единственной лампы были видны его нездоровая бледность и покрывающие лицо оспины. В остальном же он не имел ничего общего с Джоном Канисиусом, деловым партнером мистера Кэсса.

— Добрый вечер, — сказал незнакомец.

Мистер Кэсс неопределенно хмыкнул, а когда человек направился через холл в сторону коридора, громко произнес:

— Поздно гуляете.

— Да, поздновато уже.

— Вы здешний постоялец?

— Да.

Мистер Кэсс тяжело поднялся из кресла, опираясь на трость.

— Я полагаю, вы живете в девятнадцатом номере? — сказал он.

— Так и есть.

— Меня вы не обманете, — сказал мистер Кэсс. — Я вам не какой-нибудь малограмотный горец. Скажите прямо, вы взломщик — или приходите к кому-то из постояльцев?

Незнакомец, казалось, побледнел сильнее прежнего.

— Я вас не понимаю, — сказал он.

— Так или иначе, я требую, чтобы вы сейчас же убралесь отсюда! — сказал мистер Кэсс. Он уже начал злиться, и это придало ему сил. — В противном случае я перебужу весь отель.

Незнакомец какое-то время пребывал в нерешительности.

— Пожалуй, не стоит, — сказал он тихо. — Это будет...

Мистер Кэсс угрожающе поднял трость, простоял так несколько мгновений, а потом медленно ее опустил.

— Погодите, — сказал он, — у меня для вас есть дело.

— Какое?

— Здесь становится прохладно. Помогите мне принести из сарая бревно и положить его на угли.

Незнакомец явно удивился такой просьбе.

— А сил у вас хватит? — спросил он.

— Разумеется, хватит. — Мистер Кэсс выпрямил спину и расправил плечи.

— Я могу дотащить его сам, — сказал незнакомец.

— Не годится. Мы несем его вместе — или я поднимаю тревогу.

Они вышли из отеля через заднее крыльцо; на ступеньках незнакомец протянул ему руку, но мистер Кэсс отказался от помощи. Он вдруг обнаружил, что вполне может передвигаться без трости, и оставил ее у двери, освободив обе руки для возни с бревном.

В дровяном сарае была тьма кромешная, и незнакомец зажег спичку. Там оказалось только одно бревно, зато

здоровенное, наверняка тяжелее ста фунтов, — такое поместится в камине разве что впритирку.

— Давайте я один попробую, — снова предложил незнакомец.

Вместо ответа, мистер Кэсс нагнулся и обхватил руками шероховатую поверхность бревна. Прикосновение к дереву его как будто взбодрило; при этом не ощущалось ни боли в спине, ни дискомфорта при наклоне.

— Беритесь за другой конец, — командовал он.

— Вы уверены...

— Без разговоров!

Мистер Кэсс сделал долгий вдох, набрав полные легкие холодного воздуха, и поудобнее перехватил бревно. Напряглись мышцы рук, затем плечи и спина.

— Взяли! — крикнул он.

И бревно вдруг оторвалось от земли, после чего он распрямился и несколько мгновений стоял, торжествуя, держа его перед собой. А затем он и сам отделился от земли, медленно поднимаясь вверх и по-прежнему сжимая в руках бревно, которое становилось все легче и легче по мере подъема. Он хотел крикнуть незнакомцу что-нибудь насмешливое и язвительное, но к тому моменту он был уже слишком далеко, стремительно уносясь в большой мир, в прошлую жизнь, о которой давно тосковал...

Все в отеле были расстроены кончиной мистера Кэсса, в особенности управляющий, не преминувший ознакомиться с содержанием распечатанного письма на его столе, согласно которому денежных переводов до конца этого года не предвиделось.

— Как жаль! Он столько лет регулярно посещал наш отель, что мы, конечно, позволили бы ему жить в долг, пока он решает свои проблемы.

Мистер Кэсс был образцовым клиентом — это от него и других столь же почтенных гостей управляющий всю зиму старательно скрывал своего непутевого братца.

Сам этот братец-уголовник, хотя и повидавший виды, также был немало потрясен случившимся.

— Я всего-навсего хотел помочь, — говорил он. — Вот и делай добрые дела после такого. Оба старикана выглядели как живые трупы.

Праздничные дни

I

Больница почти опустела — многие недолечившиеся на свой страх и риск разъехались по домам, а недавно заболевшие предпочли потерпеть с госпитализацией до конца рождественских каникул. В частном отделении один интерн дежурил за троих, а шесть медсестер заменяли штатную дюжину. Все, конечно, вернется на круги своя после Нового года — ну а сейчас в длинных больничных коридорах люди попадались редко:

Молодой доктор Кэмп вошел в палату мистера Маккенны, не относившегося к категории тяжелобольных, и сел в кресло, чтобы немного передохнуть.

— Как ваша спина? — спросил он.

— Уже лучше, док. Думаю завтра встать с этой койки и прогуляться.

— Не возражаю — если температура будет в норме. Рентген не выявил ничего опасного.

— А послезавтра я хотел бы выписаться.

— После выписки периодически обследуйтесь у своего врача. Но я не думаю, что вам стоит сильно тревожиться — даже несмотря на боли. У нас внизу есть пациент с постоянными головокружениями, причину которых мы не можем установить — возможно, что-то с обменом веществ, — хотя по всем анализам он здоров как бык.

— Как его зовут? — спросил мистер Маккенна.

— Гриффин. Я к тому, что иной раз поставить точный диагноз просто нет возможности. Скажите, вы были на войне?

— Я? Нет, я тогда был слишком молод.

— А в вас когда-нибудь стреляли?

— Нет.

— Занятно. На рентгеновских снимках видна пара инородных тел у вас в ягодицах — похоже на картечины.

— А, это был несчастный случай на охоте, — сказал Маккенна.

После ухода врача в палату явилась медсестра, но не темноволосая румяная милашка-практикантка с глазами цвета спелой сливы, которую он ждал, а невзрачная мисс Хантер, говорившая исключительно о своем женихе и о предстоящей в следующем месяце свадьбе.

— Вот почему я здесь работаю в самый Новый год. Деньги нам были бы кстати, а тут одна сестра предложила пятерку, если подежурю за нее в эти праздники. Сейчас я не могу видеться с женихом, но каждую ночь пишу ему длинные письма, прямо как книги.

— Житье здесь не сахар, это факт, — сказал Маккенна. — А кормежка вообще отвратная.

— Как вам не стыдно! Уж вас-то кормят куда лучше, чем обслугу. Видели бы вы, как маленькая практикантка накинулась на оставленный вами десерт!

Он моментально оживился:

— Вы про ту милашку?

— Я про мисс Коллинз. — Она подала ему стакан с горькой микстурой. — Вот, можете выпить этот коктейль за ее здоровье.

— Нет уж, обойдусь. Все равно доктор считает меня симулянтом — как и того парня с головокружением. Его зовут Гриффин — вы его знаете?

— Да, он лежит на первом этаже.

- И каков он с виду?
- В очках, примерно ваших лет...
- И такой же красавец?
- Он очень бледный и с проплешиной в усах. Не пойму, зачем вообще отпускать усы, если они растут клочками?

Пациент беспокойно заерзал в постели:

- Пожалуй, мне не помешает немного погулять на сон грядущий — пройдусь по коридорам, разживусь газеткой в приемном покое...

- Я спрошу об этом у доктора.

Не дожидаясь докторского дозволения, мистер Маккенна встал и оделся. Когда сестра вернулась, он уже завязывал галстук.

- Можете погулять, — сказала она, — но только недолго, и накиньте пальто — в коридорах прохладно. А как будете внизу, если не трудно, бросьте в почтовый ящик это письмо.

Маккенна покинул палату, спустился на первый этаж и, пройдя длинными коридорами, добрался до приемного покоя. У окошка регистратуры он задержался, задал вопрос и сделал кое-какие пометки на обратной стороне конверта.

Выйдя на улицу — вечер был сырой и холодный, но без снега, — он спросил дорогу до ближайшего магазинчика, а там закрылся в телефонной будке и разговаривал несколько минут. Затем купил журнал с фотографиями кинозвезд и плоскую фляжку портвейна, а у стойки с газированной водой попросил бумажный стаканчик.

Улицы, прилегающие к больнице, были пустынные; в окрестных домах, где по большей части квартировали медработники, почти не осталось горящих окон — все разъехались на праздники. Больничный комплекс темной цитаделью маячил на фоне бледно-розового зарева над центром города. На углу он заметил почтовый ящик,

вспомнил про письмо медсестры, достал его из кармана и, медленно разорвав на четыре части, бросил в щель. Далее мысли его обратились к маленькой практикантке, мисс Коллинз. Была одна задумка, пока еще туманная, насчет этой мисс Коллинз. Не далее как вчера она сообщила ему, что в феврале ее, скорее всего, отчислят с курсов. Почему? Да потому, что нарушает режим, допоздна гуляя с парнями. Что это, как не намек, — особенно когда она добавила, что возвращаться в родительский дом не собирается и вообще не имеет никаких планов на будущее. Завтра ему придется уехать из города, но через пару недель можно будет вернуться и гульнуть по полной с этой сестричкой, а если та окажется на высоте, прикупить ей модных тряпок и увезти в Нью-Джерси, где Маккенна владел доходным домом. Внешне она была вылитой копией одной девчонки, с которой он когда-то крутил роман в Огайо.

Он взглянул на часы — полтора часа до полуночи. Кроме нескольких случаев, когда он в это время выполнял срочные заказы, все его воспоминания о новогодних ночах тонули в алкогольном тумане. Он не имел привычки размышлять или сожалеть о прошлом — не знающий ни радости, ни страха, он был одним из тех отпетых ублюдков, кто сделал смерть источником и смыслом своего существования. Когда он причинял другим боль, это вызвало в нем прилив сил и бодрости, хотя порой он все же испытывал к жертвам нечто вроде сострадания. «Больно, приятель? — спрашивал он. — В каком месте больнее всего? Ничего, потерпи еще чуток — скоро я с тобой закончу».

Маккенна рассчитывал покинуть больницу прежде, чем наступит развязка, но интерн и медсестра невольно ускорили дело, на блюдечке поднеся ему нужную информацию; а в столь поздний час уже нельзя было выпиться, не привлекая к себе лишнего внимания. Он пере-

сек улицу, намереваясь вернуться в больницу через амбулаторное отделение.

На тротуаре перед входом стояли в нерешительности мужчина и женщина — молодые и бедно одетые.

— Эй, мистер, — окликнул его мужчина, — не подскажите, когда в первый раз обращаешься, осмотр бесплатный? А то мне говорили, что здесь дерут втридорога.

Маккенна обернулся с порога и оглядел эту парочку — женщина смотрела на него, затаив дыхание.

— Обдерут еще как, будьте уверены, — сказал он. — За прием выкладывай им двадцать баксов, а не запла-тишь — тебе же хуже будет.

Засим он вошел в здание и проследовал мимо стеклянных дверей амбулатории, мимо хирургического отделения, где делали срочные операции, не могущие обож-дать до Нового года, мимо детского отделения, из рас-пахнутой двери которого донесся одинокий истошный вопль, мимо психиатрических палат, погруженных в зло-вещую тьму. В коридорах ему встретились оживленно болтающие стажеры в повседневной одежде вместо белых халатов, санитар с креслом-каталкой, старуха-негритян-ка, привалившаяся к плечу седоватого мужчины, молодая женщина в слезах, поддерживаемая с двух сторон врачом и медсестрой. Мимо всей этой жизни с ее страданиями, борьбой и надеждой на лучшее в будущем году проходил Маккенна, профессиональный убийца, избегая встречать-ся взглядом с людьми, чтобы те не увидели призрака смерти в его глазах.

II

В своей палате он нажал кнопку вызова медсестры, опрокинул стаканчик портвейна и нетерпеливо повторил звонок. На сей раз пришла мисс Коллинз.

— Долго же вас приходится ждать, — сказал он. — Я пока не собираюсь ложиться. Скоро полночь, хотелось бы хоть как-то встретить Новый год. Может, выйду в галерею, послушаю трезвон и все такое.

— Думаю, это не против правил.

— А вы не составите мне компанию? Хотите немного портвейна?

Выпить мисс Коллинз отказалась, но пообещала зайти перед полуночью. Пожалуй, это была самая смазливая штучка из всех, какие попадались ему за последний год.

После второго стакана портвейна он ощутил приятное возбуждение. Ему представился «мистер Гриффин» этажом ниже, воображающий себя в полной безопасности и, быть может, мирно спящий. Затем представились Оуки, Дудочник Кунео и Вандервер, перед выходом размещающие под одеждой свой арсенал. Он бы охотно к ним присоединился и поучаствовал в развязке, однако сейчас ему, как наводчику, следовало держаться в стороне и обеспечить себе алиби.

Мисс Коллинз явилась без четверти двенадцать, и они вдвоем прошли по коридору до застекленной галереи, из которой открывался вид на город.

— Наверно, я в последний раз встречаю Новый год в этой больнице, — сказала она.

— Вот уж нашла о чем горевать, — откликнулся Маккенна. — Ты слишком хороша для того, чтобы торчать здесь, обмывая всякие мумии.

За минуту до полуночи снаружи стал нарастать шум — сначала еле слышный вдалеке, он быстро докатился до стен больницы, представляя собой смесь гудков, колокольного звона, взрывов петард и треска фейерверков. Через пару минут Маккенна как будто расслышал среди прочего два характерных хлопка совсем неподалеку — так звучат выстрелы из пистолета с глушителем, — но полной

уверенности у него не было. Мисс Коллинз периодически выбегала из галереи в коридор проверить, не звонит ли телефон на столе дежурного; и всякий раз Маккенна становился так, чтобы она могла видеть его через стекло.

По прошествии четверти часа какофония за окнами почти стихла.

— Опять разболелась спина, — пожаловался Маккенна. — Помоги мне раздеться — и как насчет массажа?

— Конечно.

На обратном пути в свою комнату он внимательно слушал, не поднялся ли переполох, но в здании было тихо. Значит, все прошло по плану, без непредвиденных осложнений, и потенциально опасный свидетель вместо Нью-Йоркского суда отправился к праотцам.

Сестра склонилась над постелью, натирая его спину спиртовым раствором.

— Сядь рядом, — велел он. — Просто сядь на койку.

Он уже почти прикончил фляжку и чувствовал себя превосходно. Не таким уж пропащим выходил этот новогодний праздник: он чисто сделал свою работу, выпил доброго винца и теперь аппетитная крошка массирует ему спину в постели.

— А ты очень даже ничего себе...

Спустя две минуты ей удалось оторвать руку Маккенны от измятого пояса своего халата.

— Вы с ума сошли! — вскричала она, переводя дух.

— Да ладно тебе корчить недотрогу. Сама же вроде намекала, что я тебе нравлюсь.

— Нравитесь? Вы?! Да у вас в комнате воняет, как в собачьей конуре. Мне к вам даже прикасаться противно!

В дверь коротко постучали, и старшая медсестра позвала мисс Коллинз, которая поспешно оправила фартук и вышла в коридор. Маккенна встал с постели, подкрался

к двери и прислушался. Вскоре он различил голос мисс Коллинз:

— Но я никогда прежде этим не занималась, мисс Глисон... Вы сказали, пациент был застрелен...

Затем отрывочно донесся голос другой сестры:

— ...а после этого просто свяжете вместе его руки и ноги...

Маккенна тихонько вернулся в постель.

«Обмывают покойного мистера Гриффина, — подумал он. — Вот и славно. Возня с мертвецом поубавит ей спеси».

III

Он решил покинуть больницу ближе к вечеру следующего дня, когда на улицах сгустятся зимние сумерки. Однако интерн никак не мог определиться с его выпиской и потому пригласил ординатора, заступившего на дежурство после праздников. Ординатор зашел к нему во второй половине дня, когда Маккенна с помощью санитаров уже паковал свои вещи.

— Не хотите подождать до завтра, когда появится ваш лечащий врач? — спросил он.

Это был крупный мужчина, державшийся непринужденно и производивший более солидное впечатление, чем интерн.

— Да это же случайный врач, к которому я попал из отеля. Что ему за дело до моих болячек?

— У нас еще нет результатов последнего анализа.

— Но температура у меня в норме, — сказал Маккенна. — Похоже, и впрямь ничего страшного, ложная тревога.

Ординатор широко зевнул.

— Прошу прощения, — сказал он. — Меня подняли с постели в два часа ночи.

— Умер кто-нибудь?

Ординатор кивнул:

— Самым скоропостижным образом. На первом этаже застрелили одного из пациентов.

— Ну и дела! Нынче, выходит, нигде от беды не укроешься.

— Похоже на то.

Маккенна нажал кнопку вызова у изголовья кровати.

— Не могу найти свою шляпу. За весь день ни одна из сестер не заглянула, только уборщица. — Он повернулся к санитару. — Сходите к сестре и узнайте, куда делась моя шляпа.

— И еще, — добавил ординатор, — скажите им, пусть пришлют результаты анализа, если они готовы.

— А что за анализ? — спросил Маккенна.

— Обычная практика. Биометрические данные.

— Какие данные?

— Они должны бы уже поступить, но в выходные от лаборатории особой прыти не дождешься.

В дверном проеме возникло лицо мисс Хантер, однако на Маккенну она даже не взглянула.

— Прислали наконец, — сказала она ординатору. — С пометкой, что результат положительный. Вот здесь все подробно.

Ординатор взял у нее листок и углубился в чтение.

— Что там такое? — забеспокоился Маккенна. — Надеюсь, у меня нет...

— Ничего у вас нет, — прервал его ординатор, — в том числе и шансов выкрутиться. Я еще мог бы вам посочувствовать, если б вы не разорвали письмо медсестры.

— Какое еще письмо?

— То самое, что почтальон сложил из обрывков и этим утром доставил по адресу.

— Не понимаю, о чем речь.

— Зато мы все поняли. На конверте остались ваши отпечатки — как выяснилось, они принадлежат некоему Джо Кинни, который в июне прошлого года в Нью-Йорке получил заряд картечи в задницу.

— Это все пустой треп — детектива из себя строишь?

— А я он самый и есть. И мне известно, что ты прибыл сюда из Джерси-Сити, как и Гриффин.

— Я был с мисс Коллинз, когда это случилось.

— А когда это случилось?

Осознав свою оплошность, Маккенна ответил не сразу:

— Я был с ней весь вечер — до часу ночи.

— А по словам мисс Коллинз, она сбежала от тебя через пять минут, поскольку ты вел себя грубо и нагло. Или тебе притонов мало, так что приспичило заводить шашни в больнице? Эти девушки работой заняты — им недосуг развлекать всяких скотов.

— Черта с два ты пришьешь мне это дело — у меня и пушки-то нет.

— Думаю, ты еще пожалеешь, что сейчас оказался без пушки, когда я вплотную займусь тобой в участке. Мы с мисс Хантер помолвлены и скоро поженимся, а то разорванное письмо адресовалось мне.

Ближе к ночи в больнице становилось все оживленнее — эта смена еще не закончилась, но загодя прибывали врачи и медсестры из следующей; одновременно поступали жертвы новогодних гуляний, застольных излишеств и обморожений, а также страдальцы, с самого Рождества дожидавшиеся госпитализации. К утру будут заняты и только что освободившиеся койки мистера Гриффина и мистера Маккенны. Оба могли бы удачнее провести праздники где-нибудь в другом месте.

Спонсоры Финнегана

I

У нас с Финнеганом общий литературный агент, продвигающий его и мои книги, но самого Финнегана я никогда не видел — всякий раз я появлялся у мистера Кэннона вскоре после его ухода или же уходил незадолго до его появления. Издательство у нас тоже общее, но и там мне никак не удавалось пересечься с Финнеганом, хотя неопределенно-многозначительные вздохи и реплики вроде: «А-а, Финнеган... О да, Финнеган только что здесь побывал...» — наводили на мысль, что очередной визит прославленного автора не прошел бесследно. Насколько я мог судить по этим репликам, он всякий раз, уходя, что-то забирал с собой — не иначе как рукопись одного из своих обреченных на успех романов, дабы еще немного его отшлифовать и нанести рукой мастера последние штрихи. По слухам, он переписывал свои шедевры по десятку раз, добиваясь безупречной гладкости стиля и предельно отточенной игры ума, столь для него характерных. Лишь много позднее я узнал, что большинство визитов Финнегана было связано с вопросами сугубо финансового свойства.

— Как жаль, что вы уже отбываете, — сказал мне мистер Кэннон. — Завтра здесь должен появиться Финнеган. — Далее следовала глубокомысленная пауза. — Вероятно, общение с ним займет немало времени.

Станным образом какие-то нотки в его голосе напомнили мне разговор с одним весьма нервным директором

банка, перед тем получившим известие, что где-то поблизости обретается Диллинджер. Мистер Кэннон устремил взгляд в пространство и продолжил, как будто говоря сам с собой:

— Не исключено, что он принесет рукопись. Сейчас он работает над новым романом, насколько я знаю. И еще над пьесой.

Судя по его тону, можно было подумать, что речь идет о весьма интересных, но не имеющих отношения к сегодняшней реальности фактах из эпохи Возрождения; однако в его взоре промелькнул огонек надежды, когда он добавил:

— А может, это будет короткий рассказ.

— Он одинаково силен во всех жанрах, верно? — сказал я.

— О да! — встрепенулся мистер Кэннон. — Он способен на все — стоит ему только захотеть. Свет не видывал подобного таланта!

— Но он давненько уже не публиковал ничего нового.

— Он все так же плодовит, будьте спокойны. Просто некоторые журналы, купив его вещи, не спешат с публикацией.

— Но почему?

— Выжидают удобный момент, когда можно будет резко поднять тиражи. И потом, всякому приятно сознавать, что в его издательском портфеле лежит что-нибудь от Финнегана.

Что и говорить — само его имя служило гарантией, как золотой депозит в банке. Его звезда вспыхнула сразу и ярко после первой же публикации, и, хотя он в дальнейшем не всегда держался на том же высоком уровне, раз в несколько лет звезда эта вновь поднималась в зенит. В американской литературе за ним закрепилась репутация «вечно подающего надежды»; то, что он вытворял со

словами, поражало — они как будто искрились и сверкали, выходя из-под его пера; отдельные написанные им фразы, параграфы и главы были шедеврами изящества и виртуозности. Я и предположить не мог, что у него есть недруги, пока не познакомился с несчастным сценаристом, надорвавшимся при попытке выстроить логичный сюжет на основе одной из финнегановских книг.

— Когда читаешь его текст, все кажется прекрасно, — говорил этот бедолага, — но перепишешь это простым языком, и получается какой-то бред сумасшедшего.

Из конторы мистера Кэннона я отправился в издательство на Пятой авеню, и там мне также первым делом сообщили, что завтра здесь появится Финнеган.

Он отбрасывал перед собой столь длинную тень, что за обедом, во время которого я надеялся обсудить свои дела, беседа почти все время вертелась вокруг Финнегана. И вновь у меня сложилось впечатление, что мой издатель, мистер Джордж Джеггерс, разговаривает не столько со мной, сколько с самим собой.

— Финнеган — великий писатель, — сказал он.

— Разумеется.

— И сейчас он в полном порядке, можете мне поверить.

В ходе разговора я никоим образом не оспаривал сей факт и потому спросил:

— А что, в этом были сомнения?

— Нет-нет, что вы! — сказал он поспешно. — Я лишь о том, что с ним недавно приключилась неприятность...

Я сочувственно покачал головой:

— Слышал об этом. Когда ныряешь в почти пустой бассейн, неприятности неизбежны.

— Но бассейн вовсе не был пуст! Он был заполнен водой до краев. Вы бы послушали, как эту историю рассказывает сам Финнеган, — в его изложении она звучит просто уморительно. В тот день он, будучи в рассеянных

чувствах, как раз собирался нырнуть в бассейн с бортика, обычным образом... — мистер Джеггерс изобразил траекторию нырка ножом и вилкой, ткнув ими в поверхность стола, — и тут заметил каких-то девиц, прыгавших в воду с пятнадцатифутовой вышки. По его словам, он вдруг вспомнил свою ушедшую юность и под этим впечатлением залез на вышку, откуда выполнил эффектный прыжок ласточкой, при этом умудрившись вывихнуть плечо еще в воздухе, не долетев до воды. — Он взглянул на меня с некоторым беспокойством. — Вам не приходилось слышать о подобных случаях — например, как бейсболист выполняет бросок с такой силой, что плечо выходит из сустава?

Однако мне в тот момент было не до ортопедических параллелей.

— После этого, — продолжил он с мечтательным выражением лица, — Финнегану пришлось писать свои тексты на потолке.

— На потолке?

— Ну, практически на потолке. Работу он не прекратил — этого парня ничто не выбьет из колеи, будьте уверены. Он заказал какую-то хитроумную конструкцию, подвешенную к потолку, так чтобы можно было писать, лежа на спине.

Я не мог не признать, что это воистину героический поступок.

— А на его работе это как-то сказалось? — спросил я затем. — Вам не пришлось читать его тексты справа налево, как на китайском?

— Первое время с этим действительно были сложности, — сказал он, — но сейчас, повторяю, он в полном порядке. Я получил от него несколько писем, напоминающих прежнего Финнегана — полного жизни, надежд и планов на будущее...

Опять заметив у него этот отстраненно-мечтательный взгляд, я поспешил перевести разговор на темы, более мне близкие. Лишь после нашего возвращения в офис тема Финнегана всплыла вновь — при обстоятельствах, упоминание о которых заставляет меня краснеть, ибо я сделал то, чего не имею обыкновения делать: прочел чужую корреспонденцию. Это случилось только потому, что мистера Джеггера кто-то задержал в коридоре и я первым вошел в его кабинет, а там опустился на стул и прямо перед собой на столе увидел листок телеграммы:

НУЖНО ПЯТЬДЕСЯТ ЧТОБЫ ЗАПЛАТИТЬ
МАШИНИСТКЕ ПОДСТРИЧЬСЯ КУПИТЬ
КАРАНДАШИ ЖИЗНЬ СТАЛА НЕВЫНОСИМОЙ
ДЕРЖУСЬ ЛИШЬ НАДЕЖДАМИ НА ХОРОШИЕ
НОВОСТИ ФИННЕГАН

Я не поверил своим глазам — всего пятьдесят долларов, тогда как я слышал, что ставка Финнегана за один рассказ достигает трех тысяч! Джордж Джеггерс, войдя, застал меня ошеломленно взирающим на телеграмму. Он прочел текст и повернулся ко мне с видом глубокого отчаяния.

— Я перестану себя уважать, если на это поддамся, — заявил он.

Вздрогнув, я огляделся вокруг, дабы увериться, что нахожусь в офисе процветающего нью-йоркского издательства. Затем я решил, что просто не так понял текст телеграммы. Наверняка речь шла о пятидесяти *тысячах*, запрошенных Финнеганом в качестве аванса. Тогда все ясно — подобные запросы повергнут в отчаяние любого редактора, от кого бы они ни исходили.

— Не далее как на прошлой неделе, — горестно продолжил мистер Джеггерс, — я послал ему сто долларов. Это чистой воды убытки, я даже не решаюсь говорить на эту тему с моими деловыми партнерами. Выплачиваю из

своего кармана, хотя мог бы на эти деньги купить новый костюм и пару ботинок.

— Вы хотите сказать, что Финнеган на мели?

— На мели, ха!

Взглянув на меня, он беззвучно рассмеялся — и мне совсем не понравился его смех. У моего брата на нервной почве... впрочем это к делу не относится. Через минуту он взял себя в руки.

— Надеюсь, вы не будете об этом распространяться? Сказать по правде, Финнеган уже на самом дне — то есть он находился там до недавнего времени, когда его из года в год преследовали неудачи. Но дела идут на поправку, и я уверен, что мы вернем каждый цент, который...

Издатель запнулся, подбирая обтекаемое выражение, но слова «он из нас вытянул» все же прозвучали по инерции. Теперь уже мой собеседник поспешил сменить тему.

Только не подумайте, будто на протяжении всей недели, проведенной мною в Нью-Йорке, я специально занимался «финнегановским вопросом», — просто так уж вышло, что, много времени проводя у своего агента и в издательстве, я неизбежно с этим сталкивался. Например, два дня спустя я хотел сделать звонок из офиса мистера Кэннона и нечаянно подключился к разговору между ним и мистером Джеггерсом. Это можно назвать подслушиванием лишь отчасти, поскольку до меня доходили реплики только одного из собеседников, что, согласитесь, все же не так постыдно, как если бы я слышал весь разговор целиком.

— Насколько могу судить, он сейчас вполне здоров... пару месяцев назад жаловался на сердце, но сейчас вроде поправился... Да, он говорил, что хочет лечь на операцию — кажется, по поводу рака. Так и подмывало сказать, что я сам давно откладываю одну операцию, поскольку не могу себе это позволить... Нет, я так не сказал. Он был

в хорошем настроении, и не хотелось его расстраивать. Сегодня он начал новый рассказ, прочел мне отрывки по телефону... Дал ему двадцать пять, у него не было ни цента... Да, конечно, — уверен, сейчас он в порядке. Судя по голосу, настрой вполне рабочий...

Теперь мне все стало ясно. Эти двое, не сговариваясь, старались подбадривать друг друга, когда речь заходила о Финнегане. Они вложили в него так много средств, что Финнеган уже принадлежал им. И они не желали слышать ни единого плохого слова о нем — даже от самих себя.

II

Я откровенно высказал свое мнение мистеру Кэннону:

— Если этот Финнеган просто морочит вам голову, вы не можете до бесконечности снабжать его деньгами. Если он уже исписался — значит исписался, и ничего не поделаешь. Глупо отказывать себе в хирургической операции, пока он где-то там ныряет в полупустые бассейны.

— Он был полон, — упрямо заявил мистер Кэннон, — полон до самых краев.

— Да не суть важно, полон или пуст, — этот человек давно превратился в обузу.

— Взгляните вот на это, — сказал мистер Кэннон и положил мне на колени рукопись. — Мне надо сделать один звонок в Голливуд, а вы пока займите себя чтением и, может быть, тогда поймете. Он принес это вчера.

Это был рассказ. Читать его я начал с чувством неприязни, но уже через пять минут был захвачен сюжетом и совершенно очарован, восхищаясь мастерством автора и жалея о том, что Господь не даровал мне подобный талант. Кэннон закончил свои телефонные переговоры, но я не позволил ему оторвать меня от текста, а когда дочитал, в глазах моих — глазах матерого профессионального лите-

ратора — стояли слезы. Уверен, любой из американских журналов с радостью поместил бы эту вещь на первых страницах.

Впрочем, никто ведь и раньше не отрицал, что Финнеган умеет писать.

III

В следующий раз я посетил Нью-Йорк через несколько месяцев и — что касается офисов моего агента и издателя — очутился в гораздо более стабильном и безмятежном мире. Теперь наконец нашлось время спокойно обсудить плоды моих пусть не особо вдохновенных, но вполне добросовестных литературных трудов, посетить загородный дом мистера Кэннона и провести несколько летних вечеров с мистером Джеггерсом в ресторанчиках под открытым небом, где на зелень садов низвергаются огни нью-йоркских небоскребов, подобно застывшим в полете молниям. Финнеган был от нас далек, как Северный полюс, — собственно говоря, как раз там он и находился. Вместе с ним там была целая экспедиция — включая трех студенток-антропологов из Брин-Мора, — так что ему представлялся шанс собрать массу интереснейшего материала. Финнеган планировал провести на Крайнем Севере несколько месяцев; и если я воспринял эту новость лишь как повод отпраздновать его отсутствие, то виной тому, скорее всего, моя завистливая и циничная натура.

— Мы все очень этому рады, — сказал Кэннон. — Это путешествие было как будто ниспослано ему свыше. Он уже терял вкус к жизни и остро нуждался в таком... в таком...

— Таком количестве снега и льда, — подсказал я.

— Вот именно, снега и льда. В последний раз он сказал нечто очень для него характерное: отныне все им напи-

санное будет снежно-белым и слепяще-ярким, как льды под солнцем.

— Могу себе представить. Но скажите, кто финансирует его поездку? Когда я посещал Нью-Йорк в прошлый раз, этот человек был банкротом.

— О, на сей раз он поступил как истинный джентльмен. Он занял у меня кое-какую сумму и, полагаю, еще немного у Джорджа Джеггерса...

Он полагает, видите ли! Старый лицемер знал это чертовски хорошо.

— А перед отъездом он переписал на нас почти всю сумму своей страховки — на тот случай, если он не вернется, ведь такие путешествия связаны с риском.

— Ну еще бы! — сказал я. — Особенно если отправляешься в них с тремя студентками-антропологами.

— Так что мы с Джеггерсом имеем гарантии на всякий непредвиденный случай — все очень просто.

— Выходит, его поездку профинансировала страховая компания?

Он заметно смутился:

— Вообще-то, нет. Честно говоря, они там слегка расстроились, узнав о причине такого переоформления. Но мы с Джорджем Джеггерсом подумали, что, если он ввязался в такое предприятие с намерением впоследствии написать об этом книгу, наша поддержка себя оправдает.

— Лично я так не думаю, — сказал я довольно резко.

— Не думаете? — У него появился уже знакомый мне потерянный взгляд. — Что ж, должен признаться, мы колебались. В принципе, я понимаю, что это неправильно. Прежде мне случалось выплачивать авторам небольшие авансы, но потом я взял себе за правило этого не делать — и держусь правила до сих пор. За последние два года я нарушил его лишь однажды — ради женщины, оказавшейся в очень сложном положении. Ее зовут Маргарет Трэ-

хилл, вы не знакомы? Кстати, она давняя подруга Финнегана.

— Я и с Финнеганом не знаком, если вы это забыли.

— Ах да! Вам следует с ним встретиться после его возвращения — если он вернется, конечно. Вам он понравится, обаятельнейший человек.

Вновь я уехал из Нью-Йорка, к своим воображаемым северным полюсам, и провел вдали от города лето и бóльшую часть осени. А с первыми ноябрьскими заморозками я не без содрогания вспомнил о Финнегане, и все мои недобрые чувства по отношению к нему испарились. Какую бы добычу — литературную или антропологическую — он ни обрел в тех краях, досталась она ему нелегко. А чуть позже, на третий день моего очередного пребывания в Нью-Йорке, я прочел в газете сообщение о том, что он и еще несколько членов экспедиции пошли охотиться, когда у них иссякли запасы провизии, и пропали бесследно во время снежной бури, — Арктика получила очередную жертву.

Мне было жаль Финнегана, но одновременно, как человек практичный, я был рад за Кэннона и Джеггерса, подстраховавших на такой случай. Конечно, прямо сейчас, когда тело Финнегана едва остыло (да простится мне такой грубоватый намек), они избегали говорить на эту тему; однако я был почти уверен, что в данной ситуации страховые компании не станут придираться к *habeas corpus* — или как там еще говорится на жаргоне законников — и расплатятся сполна.

Я как раз сидел в офисе Джорджа Джеггерса, когда к нему пришел сын Финнегана, симпатичный юноша, по внешности и манерам которого я смог догадаться о секрете обаяния его отца, — такая смесь застенчивости и прямоты в купе с ощущением происходящей в его душе безмолвной, но яростной борьбы, о которой он не

решается сказать открыто, но которая, как зарницы в черном небе, проглядывает в его творениях.

— Мальчик тоже хорошо владеет слогом, — сказал мне Джордж после его ухода. — Он написал несколько замечательных стихотворений. Пока еще он не готов занять место отца, но подает большие надежды.

— Могу я взглянуть на его опусы?

— Пожалуйста — вот текст, который он оставил перед уходом.

Джордж взял сложенный листок, развернул его и прочистил горло. Затем он прищурился и наклонился ниже к поверхности стола, разбирая написанное.

— «Дорогой мистер Джеггерс, — начал он, — мне было неловко просить вас об этом лично...»

Тут Джеггерс умолк и быстро пробежал глазами текст.

— Сколько он хочет получить? — поинтересовался я. Джеггерс вздохнул.

— Из его слов я понял, он принес мне свое новое произведение, — промолвил он убитым голосом.

— Но ведь так оно и есть, — утешил я его. — Пусть он еще не готов занять место отца, но уже делает успехи.

Потом мне было стыдно за эти слова, ибо Финнеган в конечном счете оплатил свои долги в этом мире, а тем временем у живых литераторов дела понемногу налаживались: худшие годы депрессии миновали и люди перестали воспринимать книги как ненужный предмет роскоши. Многие знакомые авторы, еще недавно кое-как сводившие концы с концами, теперь отправлялись в давно задуманные путешествия, выкупали старые закладные или же просто занимались более качественной отделкой своих текстов, благо у них стало больше свободного времени и появилась уверенность в завтрашнем дне. Я только что получил тысячедолларовый аванс под один голливудский проект и готовился лететь в Калифорнию, ис-

полненный давно забытого энтузиазма тех дней, когда в каждой кастрюле варилась курица. Посетив офис Кэннона, чтобы получить деньги и попрощаться перед отъездом, я с удовольствием обнаружил, что и там дела идут в гору, судя по его предложению прогуляться и взглянуть на новый катер, который он собрался покупать.

Но в последний момент его что-то задержало; я устал сидеть в приемной и решил отказаться от прогулки. Постучав в дверь его кабинета и не дождавшись ответа, я все же открыл ее и вошел без приглашения.

Внутри царила необычная суэта. Мистер Кэннон вел переговоры сразу по нескольким телефонам, одновременно диктуя стенографистке письмо, в котором упоминалась страховая компания. Одна из секретарш поспешно надевала пальто и шляпку, явно отправляясь с каким-то поручением; другая секретарша пересчитывала банкноты в своем кошельке.

— Подождите еще минутку, — сказал мне Кэннон. — Тут небольшой аврал — полагаю, вы еще не видели наш офис в таком состоянии.

— Это не о страховке Финнегана шла речь? — спросил я, не сдержавшись. — С ней что-нибудь не так?

— О, с его страховкой все в порядке, в полном порядке. Просто в данный момент срочно потребовалось несколько сотен долларов, а банки уже закрыты, так что мы набираем наличными, у кого сколько есть.

— У меня есть деньги, только что от вас полученные, — сказал я. — Их больше, чем мне потребуется на первых порах в Калифорнии. — И я протянул ему пару сотен. — Этого хватит?

— Вполне — вы нас буквально спасли. Мисс Карлсен, можете не беспокоиться. Миссис Мейпс, вам не нужно никуда идти.

— Ну а мне, пожалуй, пора уходить, — сказал я.

— Еще пару минуточек, — попросил он. — Мне осталось лишь разобраться с этой телеграммой. Чудесные новости! Вас они обрадуют.

Телеграмма была из Осло, Норвегия, — и у меня возникло недоброе предчувствие еще до того, как я прочел ее содержание:

ЧУДОМ СПАСЛИСЬ ЗАДЕРЖАНЫ ВЛАСТЯМИ
ПРОШУ ВЫСЛАТЬ ТЕЛЕГРАФОМ ДЕНЬГИ
НА ПРОЕЗД ЧЕТВЕРЫХ ПЛЮС ДВЕ СОТНИ
БОЛЬШОЙ ПРИВЕТ ОТ ПОКОЙНИКОВ
ФИННЕГАН

— Да, новости чудесные, — согласился я. — Теперь ему будет что поведать читателям.

— Еще бы! — сказал Кэннон. — Мисс Карлсен, отправьте, пожалуйста, телеграммы родителям этих студенток и проинформируйте обо всем мистера Джеггерса.

Несколько минут спустя мы с ним уже шли по улице, и я заметил, что мистер Кэннон после первого потрясения впал в глубокую задумчивость. Я не стал беспокоить его вопросами, поскольку не был лично знаком с Финнеганом и не мог в полной мере разделить его радость. Так, в молчании, мы дошли до ворот лодочной станции, перед которой он вдруг остановился, глядя на вывеску с таким видом, будто только сейчас осознал, куда мы направляемся.

— О нет, — сказал он, отступая назад. — Теперь сюда заходить нет смысла. Я полагал, мы идем куда-нибудь пропустить по стаканчику.

Так мы и сделали. Мистер Кэннон все еще был несколько рассеян и ошеломлен — он очень долго шарил по карманам в поисках денег, чтобы заплатить, в свою очередь, и наконец я настоял, что в этот вечер угощение за мной.

Похоже, эта рассеянность не покинула Кэннона и в дальнейшем, поскольку — при всей его пунктуальности — две сотни, переданные ему в офисе, так и не объявились в наших последующих расчетах. Однако я надеюсь, что когда-нибудь верну свои деньги, ибо в один прекрасный день звезда Финнегана взойдет снова и читатели будут нарасхват покупать его творения. Недавно я провел собственное расследование по поводу всех историй о нем и выяснил, что в основном это чистейший вымысел, как и случай с полупустым бассейном. На самом деле бассейн был полон до самых краев.

К настоящему времени он опубликовал лишь один короткий рассказ о той полярной экспедиции — и это любовная история. Возможно, путешествие оказалось не столь плодотворным, как он рассчитывал. Но им заинтересовались киношники, и, если они пообщаются с Финнеганом подольше, у меня есть все основания полагать, что дело выгорит. Хорошо бы так.

Этюд в гипсе

— Что сказал доктор — долго еще ждать? — спросила Мэри.

Здоровой рукой Мартин откинул простыню и продемонстрировал, что в покрывавшем его тело гипсовом панцире было спереди прорезано квадратное отверстие, из которого слегка выпячивались живот и нижняя часть грудной клетки. Вывихнутая рука Мартина была по-прежнему зафиксирована над его головой в невольно салютующей позиции.

— Иду на поправку, — заявил он. — Однако мне пришлось помучиться, пока уговорил Оттингера проделать это окошко. Не скажу, чтобы оно открывало прекрасный вид, но обрати внимание на этот проволочный набор.

— Ты уже показывал, — ответила жена вымученно-шутливым тоном.

Куски проволоки были аккуратно разложены на тумбочке, как настоящие хирургические инструменты, — разной длины с различными изгибами, чтобы сиделка могла проникнуть ими в любое место под гипсом, когда сопревшее тело начинало нестерпимо зудеть.

Мартину стало неловко из-за того, что он повторяется.

— Извини, — сказал он. — За два последних месяца я заиклился на медицине, ничто другое меня уже не трогает. По правде говоря, — добавил он почти без иронии, — сейчас эти болячки и есть вся моя жизнь.

Мэри приблизилась и села на его постель, а затем помогла ему приподняться, обхватив тонкими руками закованное в гипс туловище. Мартин был главным электриком на киностудии, и падение с тридцатифутовой высоты не стоило лично ему ни цента: лечение оплатила компания. И это наряду с тем фактом, что несчастье вновь сблизило супругов после четырехмесячной жизни порознь, являлось единственным светлым пятном на общем унылом фоне.

— Я ощущаю тебя даже через этот гипс, — прошептала она.

— По-твоему, это верный тон в такой ситуации?

— Думаю, да.

— Я тоже так думаю.

Через минуту-другую она встала и поправила перед зеркалом свои светлые волосы. Он уже добрую тысячу раз видел этот ее жест, но сейчас почувствовал в нем какую-то отстраненность, отчего ему стало грустно.

— Что собираешься делать сегодня вечером? — спросил он.

Мэри обернулась, слегка озадаченная:

— Странно, что ты задал мне этот вопрос.

— Почему? Обычно ты сама рассказываешь о таких вещах. Только через тебя я могу контактировать с миром светских развлечений.

— Но прежде ты всегда соблюдал договоренности. Мы же договорились не спрашивать об этом, когда расстались по обоюдному согласию.

— Не придирайся к мелочам.

— Я не придираюсь, но у нас была договоренность. А что до моих планов на вечер, то их у меня просто нет. Биман звал на премьеру фильма, но Биман нагоняет на меня скуку. Еще звонили французы.

— Кто именно из них?

Она подошла к постели и взглянула на него пристально:

— Сдается мне, ты ревнуешь. Разумеется, жена. То есть, говоря точнее, звонил он, но пригласил меня от имени жены — она тоже там будет. Никогда прежде не видела тебя таким.

У Мартина хватило сообразительности беспечно подмигнуть — мол, пустяки это все, забудем, — но Мэри, к сожалению, не удержалась от последней реплики:

— Я думала, тебе нравится, что я с ними общаюсь.

— То-то и оно. — Мартин старался говорить медленно и спокойно. — Именно с ними, а сейчас выходит, что с ним.

— В понедельник они уезжают, — сказала она, не дав ему закончить фразу. — Возможно, я его больше никогда не увижу.

С минуту длилось молчание. После того несчастья им было трудно находить темы для разговора, исключая моменты, когда между ними вновь проскакивали искры любви. Или хотя бы жалости — в последние две недели он был готов принимать и жалость. Что до их весьма смутных планов на будущее, то говорить об этом они могли только в «моменты любви».

— Я сейчас поднимусь на ноги, — сказал он внезапно. — Нет, не помогай мне и не зови сиделку. Я сам справлюсь.

С одного бока гипс сковывал его бедро, доходя почти до колена, но он сумел подползти к краю постели и с огромным усилием поднялся на ноги. Затем — также без посторонней помощи — завернулся в халат и доковылял до окна. В открытом бассейне отеля плескалась и резвилась молодежь.

— Ну, мне пора идти, — сказала Мэри. — Тебе принести что-нибудь завтра? Или сегодня вечером, если заскучаешь?

— Не сегодня. Ты же знаешь, по вечерам я всегда в дурном настроении — да и тебе не стоит дважды в день проделывать такой долгий путь. Отправляйся — и удачного тебе вечера.

— Вызвать сиделку?

— Я сейчас сам ее вызову.

Однако он с этим не спешил и после ухода Мэри остался стоять на том же месте у окна. Он понимал, что терпение ее небеспрельдно и что возродившаяся было любовь теперь угасает вновь. Случившееся с ним несчастье сыграло роль временной дамбы, лишь ненадолго задержавшей разрушительный потоп, который начал назревать несколько месяцев назад.

Когда в шесть вечера, как обычно, начались сильные боли, сиделка дала ему препарат с содержанием кодеина, после чего смешала коктейль и заказала ужин — один из тех плотных ужинов, которые он очень тяжело переваривал с той поры, как оказался заключен в свой индивидуальный гипсовый бункер. На этом дежурство сиделки закончилось, и она на четыре часа оставила его в одиночестве. То есть наедине с Мэри и французом.

С французом он никогда не встречался и знал лишь его имя, но Мэри однажды мимоходом заметила: «Жорис во многом похож на тебя, только не вполне сформировавшийся — несколько инфантильный».

После тех ее слов воображаемое общение с Мэри и французом в долгие периоды между семью и одиннадцатью вечера становилось для него день ото дня все более мучительным. Он с ними беседовал, катался на автомобиле, посещал кинотеатры и разные вечеринки — иногда в компании призрачной жены Жориса, что было довольно слабым утешением. Он также находился рядом, когда они занимались любовью, но и это было еще терпимо, поскольку он мог их видеть и слышать. Хуже было, когда

они как бы ускользали и скрывались, — и в такие минуты его живот конвульсивно сжимался под гипсовым панцирем. Так случалось, например, когда ему виделся француз, приходящий в гости к Мэри, и на этом видение обрывалось. Он страдал от неизвестности, от невозможности выяснить, каковы в действительности их отношения.

— Я сказала ему, что люблю тебя, — говорила Мэри, и он ей верил. — Я сказала, что никогда не смогу полюбить никого, кроме тебя.

И все же он не мог представить себе чувства Мэри, когда она ожидала Жориса в своей квартире. Он не мог угадать ее действия после того, как она попрощается с ним у двери: закроет ее и отвернется с облегчением или же пройдет туда-сюда по гостиной, а потом сядет, раскроет книгу, но тут же опустит ее на колени и рассеянно уставится в потолок. Или же ее телефон зазвонит снова — еще для одного пожелания спокойной ночи.

Подобные мысли ничуть не беспокоили его в первые два месяца после их расставания, когда он еще был здоров и крепко стоял на ногах.

В половине девятого он снял трубку и набрал ее номер — линия оказалась занята и не освободилась при следующей попытке четверть часа спустя. В девять звонок не прошел из-за сбоя на станции; в четверть десятого никто не взял трубку, а в половине десятого ее телефон снова был занят. Мартин поднялся с постели, кое-как натянул брюки, а рубашку и пальто смог надеть только с помощью вызванного коридорного.

— Проводить вас, мистер Харрис? — спросил тот.

— Нет, спасибо. Скажи таксисту, что я уже спускаюсь.

Коридорный ушел, а он направился в ванную комнату, зацепил ногой низкий порог и, неловко опершись на здоровую руку, ударился головой об умывальник. Рассечение было несильным; он заклеил ранку пластырем,

оглядел себя в зеркале — на редкость нелепый вид, — вернулся к телефону и в последний раз набрал номер Мэри. Ответа не последовало. После этого он покинул отель — не потому, что так уж хотел навестить Мэри; просто он испытывал потребность куда-нибудь переместиться, сменить обстановку, и никакое другое место ему не пришло в голову.

В половине одиннадцатого Мэри, уже в ночной рубашке, ответила на телефонный звонок:

— Спасибо за беспокойство, Жорис, но, сказать по правде, у меня ужасно болит голова. Я ложусь спать.

— Мэри, послушай, — настаивал Жорис. — Так вышло, что у Марианны тоже разболелась голова и она уже легла. Это последний вечер, когда мы сможем увидаться наедине. Между прочим, ты как-то хвасталась, что у тебя никогда не болит голова.

Мэри засмеялась:

— Так и есть. Но я очень устала.

— Обещаю, что пробуду у тебя не более получаса — слово чести. Я здесь рядом, на углу.

— Нет, — сказала она, и легкий налет раздражения добавил отказу категоричности. — Если хочешь, завтра мы можем вместе позавтракать или пообедать, а сейчас я отправляюсь в постель.

Ее прервал звук снаружи — что-то массивное привалилось к двери квартиры, а затем раздались три отрывистых, нетвердых звонка.

— Там кто-то пришел, перезвони мне утром, — сказала она, быстро положила трубку и накинула халат. — Кто там? — осторожно спросила она, подойдя к двери.

Вместо ответа, слышался звук оседающего на пол тела.

— Кто это?

Снаружи донесся тяжкий стон, и она испуганно попятилась. Высоко в двери имелось маленькое окошко со ставнем наподобие тех, через которые нелегально продавалось спиртное во времена «сухого закона». Уверившись, что стонавший — кто бы он ни был, пьяный либо раненый, — распростерт на полу, Мэри привстала на цыпочки, открыла окошко и выглянула в коридор. С этой позиции ей удалось разглядеть лишь чью-то окровавленную руку, и она поспешно захлопнула ставень. Еще через минуту, оправившись от испуга, она выглянула снова.

На сей раз она заметила нечто знакомое, хотя впоследствии не могла вспомнить, что именно показалось ей таковым — то ли сама по себе кисть руки, то ли краешек гипса над ней, — но этого оказалось достаточно для того, чтобы она сразу же открыла дверь и склонилась над Мартином.

— Вызови доктора, — прошептал он. — Я упал с лестницы.

Глаза его закрылись, а она бросилась к телефону.

Его лечащий врач прибыл одновременно с бригадой «скорой помощи». В случившемся не было ничего необычного — просто маленький триумф невезения. На первом же лестничном пролете, который он взялся преодолеть за восемь недель после травмы, Мартин оступился и машинально попробовал удержать равновесие с помощью ни на что не годной загипсованной руки, после чего уже в падении развернулся и ободрал здоровую руку о перила. Затем он еще пять минут ползком взбирался по лестнице до ее двери.

Мэри хотела воскликнуть: «Почему? Почему?» — но отвечать все равно было некому. Мартин пришел в сознание в тот момент, когда его перемещали на носилки, чтобы везти в больницу, гипсовать новые переломы и начинать все сначала. Заметив Мэри, он быстро произнес:

— Не приезжай ко мне больше. Я не хочу, чтобы кто-то был рядом, когда... когда... Поклянись, что не приедешь.

Ортопед обещал позвонить ей в течение часа. И когда через пять минут раздался звонок, Мэри — все еще как оглушенная — подняла трубку в уверенности, что это новости от него.

— Я сейчас не могу говорить, Жорис, — ответила она, опознав голос. — Только что случилось страшное несчастье...

— Может, нужна моя помощь?

— Нет, все уже позади. Пострадал мой муж...

И тут Мэри осознала, что ей сейчас необходимо чем-то занять себя, как-то скрасить одинокое ожидание звонка от врача.

— Поднимайся ко мне, — сказала она. — Если потребуется, ты отвезешь меня в больницу.

До его прихода она оставалась сидеть у телефона — и вскочила на ноги, услышав звонок в дверь.

— Почему? Почему? — наконец произнесла она сквозь рыдания. — Я ведь была готова приехать к нему в отель сегодня вечером, но он этого не захотел.

— Он не был пьян?

— Нет, он практически не пьет. Пожалуйста, подожди здесь, пока я не оденусь и не приведу себя в порядок.

Полчаса спустя из больницы сообщили, что вывихнутое плечо Мартина вправлено и наложен гипс; теперь он под наркозом и проспит до утра. Жорис Деглен был чрезвычайно заботлив, уложил ее на диван, подсунул под спину подушку и умудрялся каждый раз по-новому отвечать на ее непрерывные «почему?» — у Мартина случилось помутнение рассудка, он страдал от одиночества и т. д., а в какой-то момент высказал правду, о которой догадывался с самого начала: Мартин просто-напросто ревновал.

РАССКАЗЫ ДЛЯ «ЭСКВАЙРА» (1935–1941)

— Именно так, — сказала Мэри с горечью. — Предполагалось, что в браке каждый из нас сохранит свободу, да только я свободной не была. Всея моей свободы хватало лишь на пару шажков влево-вправо у него за спиной.

Зато теперь она была свободна — свободна как ветер. Попозже, когда Жорис сказал, что не будет спешить с уходом и почитает в гостиной, пока она не уснет, Мэри отправилась в спальню уже с ясной головой. Раздевшись во второй раз за этот вечер, она несколько минут простояла перед зеркалом, поправляя волосы и освобождаясь от всех мыслей о Мартине, кроме той, что он сейчас спит и не испытывает боли.

А потом она открыла дверь из спальни в гостиную и спросила:

— Ты не зайдешь сюда пожелать мне спокойной ночи?

Потерянное десятилетие

Разного рода люди наносили визиты в редакцию еженедельника, и Оррисон Браун по долгу службы вступал с ними в разного рода отношения. За пределами офиса он мог именоваться «одним из штатных редакторов», но в рабочее время был всего лишь кудрявым парнем, который еще год назад редактировал дартмутский «Блуждающий огонек», а сейчас хватался за любые, даже малоприятные, поручения — от расшифровки неразборчивых рукописей до роли мальчика на побегушках по имени «Эй, как тебя».

Он проводил до кабинета главного редактора очередного посетителя — высокого бледного мужчину лет сорока, с величественной светлой шевелюрой и видом не то чтобы смущенным, не то чтобы робким и не то чтобы монашески отрешенным от мира сего, но имевшим понемногу от каждого из этих трех определений. Имя на визитной карточке — Луис Тримбл — вызвало у Оррисона какие-то смутные ассоциации, но, поскольку других зацепок не имелось, он не стал ломать над этим голову, пока звонок вызова на его рабочем столе и ранее приобретенный опыт не подсказали, что сегодня ему предстоит обед в компании мистера Тримбла.

— Мистер Тримбл — мистер Браун, — представил их друг другу мистер Обед-За-Мой-Счет. — Оррисон, мистер Тримбл очень долго отсутствовал. Во всяком случае,

ему кажется, что очень долго — без малого дюжину лет. Кое-кто на его месте был бы только рад выбросить из своей жизни последнее десятилетие.

— Что верно, то верно, — сказал Оррисон.

— Сегодня я завален работой и не могу выйти пообедать, — продолжил шеф. — Отведи его в «Буазен», в «Клуб двадцать один» или еще куда-нибудь по его выбору. Мистер Тримбл полагает, что ему надо многое увидеть.

Тримбл вежливо запротестовал:

— Не стоит беспокоиться, я не заблужусь.

— Я в курсе, старина. Никто не знает этот город лучше, чем ты знавал его в былые дни, и, если Браун начнет докучать тебе пояснениями насчет «самодвижущихся безлошадных экипажей» и так далее, просто отошли его обратно в офис. Сам же постарайся вернуться к четырем, договорились?

Оррисон взял с вешалки свою шляпу.

— Вы отсутствовали десять лет? — спросил он, когда они спускались в лифте.

— Они тогда начинали строить Эмпайр-стейт, — сказал Тримбл. — Это какой был год?

— Кажется, двадцать восьмой. Впрочем, как сказал шеф, вам повезло не видеть многого из того, что здесь творилось.

Затем, в качестве пробного шара, он добавил:

— Вероятно, вдали отсюда вы повидали вещи поинтереснее.

— Я бы так не сказал.

Когда они вышли на улицу, лицо Тримбла сразу напряглось при виде ревущего транспортного потока, и это навело Оррисона еще на одну догадку.

— Должно быть, вы провели эти годы вдали от цивилизации?

— Вроде того.

Столь краткий и неопределенный ответ показал Оррисону, что этот человек не станет ничего объяснять, пока сам того не пожелает. Одновременно ему в голову пришла мысль: «А может, он провел тридцатые в тюрьме или психушке?»

— Вот и прославленный «Клуб двадцать один», — сообщил он. — Пообедаем здесь или вы предпочитаете другое место?

Тримбл не спешил с ответом, внимательно разглядывая старинное здание.

— Я помню время, когда «Двадцать один» еще только набирал обороты, как и «Мориарти», — сказал он и продолжил почти просительным тоном: — Вообще-то, я рассчитывал прогуляться немного по Пятой авеню, а после перекусить в каком-нибудь заведении, где смогу повидать современную молодежь.

Оррисон взглянул на него искоса, снова вспомнив о серых стенах, запорах и решетках. «Уж не хочет ли мистер Тримбл, чтобы я свел его с приятными девушками без комплексов?» — подумал он. Однако по виду мистера Тимбла было непохоже, что у него на уме нечто подобное, — лицо его выражало лишь искреннее и глубокое изумление. Посему Оррисон попытался вспомнить, не связано ли его имя с антарктическими подвигами адмирала Бэрда или с летчиками, пропавшими в бразильских джунглях. В том, что человек он незаурядный, сомнений не было. Но пока что единственными намеками, могущими прояснить его прошлое (но ничего не прояснявшими), были его по-деревенски опасливая реакция на светофоры и стремление идти по тротуару, держась поближе к витринам магазинов и подальше от проезжей части. Однажды он замер перед витриной галантереи, бормоча:

— Надо же, креповые галстуки... Я их не видел со времен колледжа.

— А где вы учились?

— В Массачусетском технологическом.

— Знатное место.

— На следующей неделе собираюсь туда съездить. А теперь давайте поедим где-нибудь здесь... — (К тому времени они пересекли уже почти все Пятидесятые улицы.) — Выбирайте место.

За углом как раз находился весьма недурной ресторан со столиками под небольшим навесом.

— Так что же вам хочется увидеть в первую очередь? — спросил Оррисон, когда они сели за свободный столик.

Тримбл задумался.

— Пожалуй, людские затылки, — промолвил он наконец. — Их шеи, соединяющие головы с плечами. И еще я хотел бы услышать, что говорят две эти девочки своему отцу. Мне важен не смысл их слов, а то, как эти слова плывут в воздухе и угасают, как смыкаются губы по окончании фразы. Это вопрос ритма — Коул Портер вернулся в Штаты в двадцать восьмом именно потому, что уловил зарождение здесь новых ритмов.

Оррисон уверился, что теперь зацепка найдена, но проявил завидную деликатность и не ухватился за нее сразу же. Более того, он сумел подавить в себе внезапное желание сообщить, что этим вечером в Карнеги-холле дают замечательный концерт.

— Хотелось почувствовать вес ложки, — меж тем говорил Тримбл. — Она такая легкая — просто маленькая чашечка с прикрепленной к ней ручкой. Тот косоглазый официант — мы с ним уже виделись, но он вряд ли меня помнит.

Однако, когда они покидали ресторан, официант взглянул на Тримбла пристально и даже с некоторым удивлением, словно опознал его, но не очень верил собственным глазам. На улице Оррисон со смешком заметил:

— За десять лет забыть можно многое.

— Я обедал здесь в прошлом мае... — начал Тримбл и запнулся.

«Да у него не все дома», — подумал Оррисон и внезапно перешел на тон заправского гида:

— С этой точки открывается превосходный вид на Рокфеллеровский центр. — Он сделал широкий указующий жест. — А также на Крайслер-билдинг и Армистед-билдинг — «папочку» всех этих новомодных высоток.

— Армистед-билдинг... — Тримбл послушно повернул голову в ту сторону. — Помню, как же — я сам его проектировал.

Оррисон кивнул, не так чтобы сильно удивленный, — за время службы в редакции ему с кем только не случилось общаться! Но та фраза насчет ресторанчика в прошлом мае...

Он остановился перед медной мемориальной табличкой у краеугольного камня здания и прочел вслух:

— Возведено в тысяча девятьсот двадцать восьмом году.

Тримбл кивнул:

— Как раз в том году я запил и уже не останавливался — каждый божий день в стельку. Так что я до сих пор его не видел.

— Ну и дела! — Оррисон несколько растерялся. — Хотите зайти внутрь?

— Я был там много раз. Но я никогда его не видел. Впрочем, сейчас меня интересуют совсем другие вещи. А это здание — полагаю, увидеть *его* я уже не смогу. Сейчас я просто хочу понаблюдать за тем, как ходят люди, из чего пошита их одежда, какие на них ботинки и шляпы. И еще их глаза и руки. Могу я пожать вашу руку?

— Конечно, сэр.

— Благодарю вас. Благодарю. Вы очень добры. Наверно, со стороны это выглядит странновато, но прохо-

РАССКАЗЫ ДЛЯ «ЭСКВАЙРА» (1935–1941)

жие подумают, что мы с вами прощаемся. Я собираюсь еще немного пройтись дальше по авеню, так что мы и впрямь сейчас расстаемся. Передайте своему шефу, что к четверем я буду в офисе.

Оррисон смотрел ему вслед, почти уверенный в том, что он сразу же завернет в какой-нибудь бар. Но этого не случилось, да и сам вид уходящего не породил ни малейших ассоциаций с выпивкой.

— Боже правый! — промолвил Оррисон. — Запой длиною в десять лет.

И он с неожиданным любопытством ощупал ткань собственного пальто, а затем вытянул руку и прикоснулся большим пальцем к гранитной стене небоскреба.

В океане

I

Гастон Т. Шеер — человек, фирма, кредо — с видом завоевателя прохаживался по палубе океанского лайнера, решительно и надменно перемещая над ней свои пять футов восемь дюймов. В ту пору — весной 1929 года — само по себе слово «американец» предполагало нечто в этом роде.

Тем утром О'Кейн, его доверенный секретарь, отыскал Шеера на прогулочной палубе в носовой части судна.

— Виделся с ней? — спросил Шеер.

— Да, конечно. Она в порядке.

— А почему она может быть не в порядке?

О'Кейн замялся:

— Как оказалось, часть багажа помечена ее настоящими инициалами, и судовая горничная...

— Проклятье! — буркнул Шеер. — Ей следовало позаботиться об этом еще в Нью-Йорке. Вечно одно и то же — эти девицы, когда не замужем, все такие ранимые, знай себе ноют и жалуются, что ими пренебрегают, их унижают... Проклятье!

— Она держится хорошо.

— Женщины — мелочные твари, — брезгливо заметил Шеер. — Кстати, ты видел телеграмму, которую сегодня прислал мне Клод Хэнсон, — о том, что он готов отдать за меня свою жизнь?

— Я прочел ее, мистер Шеер.

— Вот это мне понравилось, — сказал Шеер. — Думаю, Клод сказал правду. Думаю, он и вправду готов умереть за меня.

Клод Хэнсон был еще одним секретарем мистера Шеера. О'Кейн мог бы выдать по сему поводу массу циничных комментариев, но благоразумно оставил их при себе.

— Я уверен, многие люди готовы сделать то же самое, мистер Шеер, — сказал он вслух, успешно справившись с позывом к рвоте.

«Черт, а ведь это не так уж далеко от истины», — подумалось затем. Мистер Шеер многое делал для многих людей, давая им работу и средства к существованию.

— Мне нравится такое настроение, — сказал Шеер, глубокомысленно взирая на волны. — А мисс Дензер не стоит жаловаться — осталось плыть всего-то четыре дня и двенадцать часов. Никто не принуждает ее все время сидеть в каюте, но она не должна привлекать к себе внимание и разговаривать со мной — на всякий случай.

На тот случай, если кто-нибудь видел их вместе в Нью-Йорке.

— По крайней мере, — заключил он, — моя жена до сих пор с ней не встречалась и ничего о ней не слышала.

Мистер О'Кейн подумал, что и сам он, пожалуй, согласится отдать жизнь за мистера Шеера, если тот еще лет десять будет снабжать его ценными подсказками при игре на бирже. К концу этого срока он вполне созреет для самопожертвования — за десять лет таким манером можно сколотить изрядный капитал. Тогда и он сможет отправляться в заграничные туры с двумя женщинами сразу, но, так сказать, в отдельной упаковке.

Оставшись в одиночестве, Гастон Т. Шеер подставил лицо сильному западному ветру, несущему соленые брызги. Он не боялся им же самым созданных трудностей — он вообще ничего не боялся с того самого дня, когда еще

молодым рабочим измолотил своего бригадира куском калиброванной цепи. Однако порой он испытывал странные чувства, гуляя по палубе с Минной и детьми и представляя, что в этот самый момент за ними со стороны наблюдает Кэтрин Дензер. Посему во время таких семейных прогулок он напускал на себя равнодушный и недовольный вид, дабы Кэтрин не подумала, что он хорошо проводит время. Но он всего лишь притворялся. На самом деле ему нравилось общество Минны хотя бы потому, что она была занимательной собеседницей.

В Европе этим летом все должно устроиться куда как проще. Минна и дети будут подолгу жить то здесь, то там, в Париже и на Ривьере, а он сможет отправляться в деловые поездки вместе с Кэтрин. Задумка была дерзкой и рискованной, но ему всегда требовалось вдвое больше, чем другим мужчинам. И судьба просто обязана была даровать ему двух женщин одновременно.

За прошедший день он лишь однажды мельком видел Кэтрин Дензер, разойдясь с ней в пустом коридоре. Она в целом соблюдала правила игры, позволив себе лишь тоскливый взгляд искоса и секундный поворот очаровательной белокурой головки в его сторону, отчего у него вдруг пересохло в горле и ужасно захотелось развернуться и последовать за ней. Но он справился с собой — до прибытия в Шербур оставалось всего пятьдесят часов.

Миновал еще один день — он провел его в брокерской конторе на борту судна, отдав несколько распоряжений посредством закодированных телеграмм и один раз воспользовавшись радиотелефонной связью с берегом.

Тем вечером он оставил Минну в шезлонге на открытой палубе — где у нее завязалась беседа с каким-то пристроившимся по соседству профессором — и отправился в бесцельные блуждания по судну. Он постоянно думал о том, что можно прямо сейчас спуститься в каюту Кэтрин Дензер, но только тешился этой мыслью и не более,

благо оставалось всего двадцать четыре часа до прибытия в Париж и ситуация была под его полным контролем.

Тем не менее он не удержался от соблазна пройтись туда-сюда по коридорам на ее палубе, время от времени как бы невзначай заглядывая в боковые ответвления, ведущие к пассажирским каютам. И вот так, совершенно случайно, в одном из таких ответвлений он вдруг заметил Минну и профессора, самозабвенно сжимающих друг друга в объятиях. Сомнений тут быть не могло.

II

Шеер тихонько попятился из коридора. Его первая мысль была очень проста: перескочив сразу несколько ступенек — ярость, жгучую ревность и изумление, — он подумал, что все его планы на это лето разрушены. Следующая мысль была о неминуемой и жестокой расплате, ожидающей Минну, но потом он вновь перескочил несколько ступенек. У него была, говоря языком медицины, «шизоидная организация психики» — и в бизнесе он заставлял врасплох конкурентов, быстро пропуская промежуточные ступени и сразу, без всякой видимой логики, приходя к наиболее жестким и радикальным решениям. Вот и сейчас он мигом пришел к одному из таких решений, сам ничуть этому не удивившись.

Спустя час раздался стук в дверь каюты мистера О'Кейна, после чего на пороге возник профессор Доллард из Уэстонского технического колледжа. Это был худой тихий мужчина лет сорока, в твидовом костюме, который сидел на нем как на вешалке.

— А, вот и вы, — сказал О'Кейн. — Проходите, присаживайтесь.

— Благодарю вас, — сказал Доллард. — Могу я узнать, зачем вы хотели меня видеть?

— Сигарету?

— Нет, спасибо, я уже собирался лечь спать. Скажите же, в чем дело?

О'Кейн кашлянул, подавая сигнал, и тотчас из ванной комнаты позади Долларда появился дюжий стюард Кейтс, запер на ключ входную дверь и стал перед ней на страже. Следом из ванной вышел Гастон Т. Шеер собственной персоной. Узнав его, Доллард мгновенно побагровел.

— Э, добрый вечер... — промямлил он, — мистер Шеер. Что все это значит?

И он поспешно снял очки, ожидая, что Шеер с ходу ударит его по лицу.

— Что вы преподаете, профессор?

— Математику, мистер Шеер... я вам это уже говорил. С какой целью меня сюда позвали?

— Вам следовало бы заниматься своим делом, — сказал Шеер. — Лучше бы вы сидели у себя в колледже и учили студентов, вместо того чтобы втираться в компанию солидных людей.

— Но я вовсе не втирался...

— Не стоит затевать такие игры с людьми, которые могут купить тебя со всеми потрохами десять тысяч раз и при этом даже не заметят, что потратились на покупку.

Доллард поднялся со стула.

— Ты откусил больше, чем сможешь проглотить, — продолжил Шеер. — Ты всего-навсего жалкий учителяшка, попытавшийся прыгнуть выше своей головы.

Стюард Кейтс нетерпеливо пошевелился. Он оставил полученные авансом двести фунтов в своем рундуке и хотел скорее покончить с этим делом, чтобы вернуться к себе и припрятать их понадежнее.

— Я все еще не понял, в чем меня обвиняют, — сказал Доллард.

На самом деле он прекрасно понимал, в какую историю влип. Давным-давно он взял себе за правило избегать

РАССКАЗЫ ДЛЯ «ЭСКВАЙРА» (1935–1941)

богатых самодуров, а сейчас его угораздило стать поперек дороги, пожалуй, наихудшему из людей этого сорта.

— Ты откусил больше, чем сможешь проглотить, — мрачно повторил Шеер, — но больше ты такой ошибки не сделаешь. Потому что скоро ты будешь кормить рыб там, за бортом, уяснил?

Мистер О'Кейн, перед тем основательно заправившийся виски, очень живо представил себе Клода Хэнсона, всегда готового отдать жизнь за мистера Шеера, на месте профессора Долларда, который отнюдь не предлагал себя в жертву. Еще оставались мгновения, когда Доллард мог позвать на помощь, но он чувствовал свою вину и не смог выдавить из себя крик. А потом все его силы ушли на борьбу за возможность дышать — борьбу, которую он быстро проиграл, так и не издав ни звука.

Минна Шеер ждала на прогулочной палубе, развлекаясь перемещениями с номера на номер по нарисованным мелом клеткам шаффлборда. Она была взволнована и счастлива. Делая шаг за шагом, она ощущала себя юной, босоногой и бесшабашной. Она тоже могла играть — какую бы игру с ней ни затеяли. Слишком долго она была примерной девочкой, но сейчас большинство знакомых ей людей вдруг пустились во все тяжкие, и для нее стало волнующим открытием то, что и сама она способна на такие вещи, получая при этом огромное удовольствие. Ее кавалер запаздывал, но это придавало ощущениям еще большую остроту и прелесть. Периодически она поднимала глаза от расчерченной палубы и, вполне довольная собой, оглядывалась на белые пенистые буруны в кильватерной струе лайнера.

Женщина из «Клуба 21»

Ах, что за день выдался у Рэймонда Торренса! До чего же приятно раз в пять лет возвращаться сюда, сознавая, что ты уже прочно врос корнями в иную землю, далекую от всех мегаполисов. Они с Элизабет проснулись в окружении застывшей музыки на пересечении Пятой авеню и 59-й улицы и первым делом нанесли визит его издателям на Пятой авеню. Элизабет — по крови наполовину яванке, впервые приехавшей в Америку, — чрезвычайно понравилось в издательстве, поскольку на тамошнем стенде во множестве красовались экземпляры только что вышедшей книги ее мужа. Ей также понравился магазин, где она крепко сжимала руку Рэя всякий раз, когда люди спрашивались о его книге, и еще крепче — когда они ее покупали.

Обедали они в клубе «Аист» с Хэтом Милбэнком, университетским однокашником и фронтовым товарищем Рэя. Разумеется, после стольких лет никто там не узнал Рэя, но зато один из посетителей вошел, неся в руках его книгу с уже помятой суперобложкой. После обеда Хэт звал их в Олд-Уэстбери посмотреть игру в поло с его участием, однако они предпочли вернуться в отель для послеобеденного отдыха, к которому привыкли на Яве. Да и впечатлений для начала набралось уже предостаточно. Элизабет написала письмо детям в Суву, не преминув отметить, что «весь Нью-Йорк» зачитывается кни-

гой их отца и что всех здесь потрясла сделанная Дженис фотография девочки, пораженной тропической фрамбезией.

Вечером они отправились в театр, где шла пьеса Уильяма Сарояна. А через пять минут после поднятия занавеса объявилась женщина из «Клуба 21».

Это была красивая брюнетка лет тридцати пяти. Усевшись рядом с Рэем Торренсом, она продолжила начатый ранее разговор, ничуть не понижая голос, как будто все еще находилась на улице. Элизабет стало за нее неловко — женщина явно не осознавала, что мешает окружающим. Они пришли вчетвером — двое заняли места в предыдущем ряду, а женщине составил пару высокий импозантный мужчина. Женщина наклонилась вперед, беседуя с сидящим там приятелем и отвлекая Рэя от спектакля, но это было еще терпимо до момента, когда она произнесла голосом, наверняка донесшимся до самой сцены:

— Давайте вернемся в «Двадцать один»!

Ее сосед ответил шепотом, и на несколько мгновений установилась тишина. Затем женщина издала протяжный и громкий вздох, переходящий в стон, сквозь который можно было расслышать слова: «О боже мой...»

Приятель спереди обернулся с такой сладкой увещательной улыбкой, что Рэю подумалось: не иначе, рядом сидит какая-то очень известная и влиятельная особа — из Асторов, или Вандербильтов, или Рузвельтов.

— Подожди еще немножечко, — попросил ее приятель.

Женщина из «Клуба 21» резким движением навалилась на спинку переднего кресла и выдала довольно громкую, но невнятную тираду, в которой можно было разобрать лишь часто повторяемое название все того же клуба. А когда она раздраженно откинулась назад и снова простонала: «Боже мой!» — на сей раз по адресу пьесы, — Рэймонд повернулся к ней и попросил:

— Тише, пожалуйста...

Даже произнеси Рэй вместо этого самое грубое оскорбление, более возмущенной реакция быть не смогла бы. Женщина мгновенно вперила в него гневный взгляд, изнутри загодя подогретый множеством порций мартини и еще кое-чего покрепче. Это был безошибочно узнаваемый взгляд «миссис Богатая стерва» — порождения левацкой сатиры, столь же недвусмысленного, как и миссис Джиггс. И, встретив этот взгляд, полный испепеляющего высокомерия, — точь-в-точь как у русской аристократки, которая оставляет своего кучера мерзнуть на улице перед театром, пока она оплакивает сценические страдания бедняков, — Рэймонд вдруг узнал в этой женщине девчонку, с которой двадцать лет назад в Питтсбурге играл в «Бегите, овечки, бегите».

Женщина не стала обращаться напрямую к Рэю, но повторно навалилась на переднюю спинку с такой силой, что содрогнулся весь ряд скрепленных между собой кресел.

— Нет, вы подумайте только!.. Нет, вы можете себе представить?!

И она продолжила распространяться на эту тему хриплым торопливым шепотом, а затем обернулась, чтобы поведать о нанесенном ей жестоком оскорблении своему спутнику в соседнем кресле. Тот на секунду встретился взглядом с Рэем и смущенно отвел глаза. По другую сторону от Рэя напряглась Элизабет, почуяв неладное.

Рэй не запомнил происходившее на сцене в последние пять минут акта — рядом с ним вулканом кипела ярость, имя и внешность которой были ему очень даже знакомы. Да и сам он теперь жаждал крови, надеясь на то, что в антракте ее спутник даст повод к открытой ссоре каким-нибудь замечанием в его адрес или хотя бы косым взглядом. Однако по окончании акта вся их компания сразу же поднялась и двинулась к выходу.

— А теперь едем в «Двадцать один»... — донеслись до него слова женщины.

В перерыве, на заполненном гуляющими зрителями пяточке перед театром, Элизабет постаралась успокоить Рэя. Сама она не придавала большого значения этому инциденту, но была встревожена тем, как это подействовало на ее мужа. Понемногу Рэй остыл, однако по возвращении в зал они увидели женщину из «Клуба 21» на прежнем месте — та курила, помахивая дымящейся сигаретой.

— Пожалуй, схожу позову билетера, — пробормотал Рэй.

— Не стоит, — поспешила остановить его Элизабет. — Ничего страшного, курят же зрители во французских мюзик-холлах.

— Но там хотя бы есть пепельницы, чтобы загасить окурочек. А она, похоже, собирается гасить его о мое колено!

В конце концов женщина бросила окурочек на ковер, затоптала его и потом еще долго растирала туфлей. А поскольку дама в подпитии — как и джентльмен в аналогичной кондиции — способна сконцентрироваться лишь на чем-то одном, методичная возня с окурочком отвлекла ее внимание от Рэя, и второй акт прошел в напряженном молчании.

Когда в зале зажегся свет, из прохода Рэя окликнул знакомый голос. Это был Хэт Милбэнк.

— Привет, Рэй! Добрый вечер, миссис Торренс! Как насчет того, чтобы после театра отправиться в «Двадцать один»?

Тут его взгляд упал на людей, находившихся между ними.

— Привет, Джидж, — сказал он спутнику женщины.

Трое остальных также откликнулись с чуть ли не поблострастной готовностью, называя Хэта по имени; он же ограничился общим кивком в их сторону.

Рэй и Элизабет поднялись и выбрались в проход. Когда Рэй поведал о случившемся Хэту, последний, как и ранее Элизабет, не счел инцидент достойным внимания и перевел разговор на Фиджи, куда он задумал отправиться следующей весной.

Однако на Рэе это все сказалось очень тягостно — он вспомнил, что как раз из-за подобных вещей в свое время решился покинуть Нью-Йорк. Та женщина была скорее правилом, нежели исключением. Ей бы сидеть себе смирно и тихо, не эпатируя публику, но она, смутившись в непривычной обстановке, сочла эпатаж наилучшим вариантом поведения.

...Когда Рэй и Элизабет срочно отбудут к себе на Яву, никто здесь не огорчится их отъезду, кроме разве что Хэта Милбэнка. Элизабет будет слегка расстроена, поскольку ей хотелось посмотреть еще несколько пьес и побывать в Палм-Бич, — а также потому, что пришлось посреди ночи в авральном порядке заниматься упаковкой вещей. Но она поймет все без лишних слов. В каком-то смысле она даже обрадуется, подумав, что Рэя гонит обратно тревога за детей, которых надо спасти и защитить от всех этих ходячих мертвецов цивилизации...

Вернувшись на свои места перед третьим актом, они уже не застали компанию из «Клуба 21». Не появилась эта четверка и позднее по ходу пьесы — игра «Бегите, овечки, бегите» явно пошла по новому кругу.

Три часа между рейсами

Шанс был ничтожный, но у Дональда случилось подходящее настроение: самочувствие в норме, с утомительными делами покончено, в ближайшие часы делать совершенно нечего, — так почему бы не развеяться? Если удастся, конечно.

По приземлении он вышел из самолета в летнюю среднезападную ночь и направился к зданию транзитного аэропорта, внешне напоминавшему павильоны старинных железнодорожных станций. Он ничего о ней не знал: живали, осталась ли в этих местах и сохранила ли прежнюю фамилию? Волнуясь все сильнее, он пролистал телефонную книгу в поисках ее отца, который вполне мог скончаться за прошедшие двадцать лет.

Но нет, вот он: судья Хэрмон Холмс, Хиллсайд, 3194.

Женский голос в трубке удивленно среагировал на его вопрос о мисс Нэнси Холмс:

— Нэнси теперь — миссис Уолтер Гиффорд. А кто ее спрашивает?

Дональд повесил трубку, не вдаваясь в объяснения. Он узнал, что хотел, а в запасе имелось всего три часа. Никакого Уолтера Гиффорда он не помнил. Последовало еще несколько мгновений неопределенности, пока он заново листал книгу, — ведь она могла, выйдя замуж, перебраться в другой город.

Но нет, вот он: Уолтер Гиффорд, Хиллсайд, 1191. Кровь снова прилила к побелевшим было кончикам пальцев.

— Алло?

— Здравствуйте. Могу я поговорить с миссис Гиффорд? Это ее старый друг.

— Я слушаю.

Он узнал (или ему почудилось, что узнает) загадочное очарование ее голоса.

— Это Дональд Планта. Когда мы виделись в последний раз, мне было двенадцать.

— О-о-о!

Это прозвучало удивленно-вежливо, но в интонации он не уловил признаков радости или хотя бы узнавания.

— Дональд! — На сей раз в голосе угадывалось нечто большее, чем просто попытка расшевелить свою память. — Когда ты вернулся в город? — И далее, уже с ноткой сердечности: — Где ты сейчас?

— Я в аэропорту. Пробуду здесь лишь несколько часов.

— Ну так приезжай ко мне, повидаемся.

— Но ты, наверно, уже собираешься спать.

— Господи, да нет же! — воскликнула она. — Сажу тут одна, потягиваю виски с содовой. Как возьмешь такси, скажи водителю...

Всю дорогу до ее дома Дональд анализировал этот разговор. Словами «в аэропорту» он как бы намекнул на свою принадлежность к состоятельным слоям общества, могущим себе позволить воздушные путешествия. С другой стороны, одиночество Нэнси могло означать, что она утратила былую привлекательность, а заодно и друзей. Ее муж либо был в отъезде, либо уже лег спать. И еще — поскольку в его воспоминаниях она сохранилась десятилетней девочкой — он был поначалу шокирован упоминанием о виски. Но, сделав поправку на прошедшие годы, улыбнулся — сейчас ей уже около тридцати.

И вот в конце изогнутой подъездной аллеи он увидел миниатюрную темноволосую красавицу, с бокалом в руке

стоявшую на фоне света из распахнутой двери. Несколько ошеломленный такой материализацией своих воспоминаний, он выбрался из такси со словами:

— Миссис Гиффорд?

Она включила свет на крыльце и, широко открыв глаза, всмотрелась в гостя. Затем сквозь озадаченное выражение лица проявилась улыбка.

— Дональд, это и впрямь ты! Все мы меняемся со временем. Как здорово, что ты меня навестил!

Когда они вошли в дом, в каждой их фразе рефреном звучало: «Сколько лет!» — и Дональду стало как-то не по себе. Отчасти из-за воспоминания о их последней встрече — она тогда проехала мимо на велосипеде с таким видом, будто его знать не знает, — а отчасти из боязни, что им будет не о чем говорить. Это как на слете университетских однокашников — но там утрата прежних связей не так ощутима в обстановке нарочито шумного веселья. Здесь же он с ужасом осознал, насколько тягостным и пустым может оказаться предстоящий час, и тогда решил пойти ва-банк:

— Ты всегда была привлекательной, но я, признаться, не ожидал увидеть тебя такой красавицей.

И это сработало. Своевременное признание того факта, что оба они стали другими, вкупе со смелым комплиментом разом превратило двух испытывающих неловкость друзей детства в парочку интересных незнакомцев.

— Как насчет бокала виски с содовой? — спросила она. — Нет? Только не подумай, будто я стала тайной алкоголичкой. Просто выдалась грустная ночь. Сегодня должен был приехать мой муж, но он позвонил и сказал, что задержится еще на пару дней. Он у меня очень славный, Дональд, и собой недурен, что и говорить... Кстати, похож на тебя, в том числе цветом волос... — Тут она запнулась. — Мне кажется, у него в Нью-Йорке кто-то есть, но точно сказать не могу.

— Глядя на тебя, в это просто не верится, — сказал он, чтобы ее подбодрить. — Я провел в браке шесть лет и одно время мучился такими же мыслями. Но однажды взял и отбросил их раз и навсегда. Позднее, когда моя жена умерла, я понял, что поступил правильно. В памяти осталось только хорошее — ничего пошлого, гнетущего или стыдного.

Она слушала очень внимательно, а потом и с участием.

— Сожалею, что так вышло, — сказала она и выдержала необходимую паузу. — А ты сильно изменился. Ну-ка, поверни голову. Помнится, мой папа однажды сказал: «У этого парня есть мозги!»

— Вряд ли ты с ним согласилась.

— Я была впечатлена. До той поры я считала, что мозги есть у всех вообще. Потому-то мне так запомнилась папина фраза.

— А что еще тебе запомнилось? — спросил он с улыбкой.

Внезапно Нэнси поднялась и отошла на несколько шагов в сторону.

— Ну, это уже нечестно! — сказала она с упреком. — Пусть я была гадкой девчонкой...

— Ничего подобного, — заявил он решительно. — Кстати, вот сейчас я бы не отказался от выпивки.

Пока она наполняла бокалы, стоя к нему спиной, он спросил:

— По-твоему, ты была единственной маленькой девочкой, которая целовалась с мальчишками?

— Не пора ли сменить тему? — сказала она раздраженно, однако тут же смягчилась. — Хотя какого черта! Мы тогда славно веселились. Прямо как в песне.

— На санях катались.

— Точно! И еще тот пикник — кто же его устраивал? Ах да, Труди Джеймс. И во Фронтенаке тогда — да вообще каждым летом...

Дональд лучше всего запомнил зимнее катание, когда он целовал ее в холодные щеки на соломе в углу саней, а она глядела на ледяные звезды в вышине и заливалась смехом. Соседняя парочка повернулась к ним спинами, и он целовал ее шею и уши, но в губы — ни разу.

— Еще была вечеринка у Макков, где все целовались по кругу, но я не смог прийти, потому что болел свинкой, — сказал он.

— Что-то не припоминаю.

— Ты была там, это точно. И тебя там целовали, а я чуть не свихнулся от ревности — никогда потом не ревновал так сильно.

— Странно, что я не помню. Быть может, мне очень хотелось это забыть.

— Но почему? — изумился он. — Мы были вполне невинными детьми. Знаешь, Нэнси, рассказывая жене о своем прошлом, я всякий раз признавался, что любил тебя почти так же сильно, как ее. На самом деле, думаю, моя любовь к тебе была ничуть не слабее. Когда наша семья переехала в другой город, я увез эту любовь, как здоровенную занозу в своем сердце.

— Неужели тебя это так... зацепило?

— Господи, еще бы! Да я... — Внезапно Дональд обнаружил, что они стоят лицом к лицу всего в полушаге друг от друга и он обращается к Нэнси так, будто речь идет не о прошлом, а о настоящем, тогда как она внимает ему с приоткрытыми губами и затуманенным взором.

— Продолжай, — попросила она. — Стыдно сознаться, но мне приятно это слышать. Я ведь и думать не думала, что ты тогда так страдал. Мне казалось, что страдаю я одна.

— Ты?! — вскричал он. — А разве ты не помнишь, как отшила меня в магазине? — Он рассмеялся. — Ты показала мне язык.

— Нет, этого я не помню. Я всегда считала, что это ты меня отшил. — Ее рука легко и утешающе опустилась на его предплечье. — У меня где-то наверху лежит старый фотоальбом, давным-давно его не открывала. Пойду отыщу.

Следующие пять минут Дональд провел в одиночестве, занятый двумя мыслями — во-первых, о печальной невозможности согласовать воспоминания разных людей об одних и тех же событиях и, во-вторых, причем с некоторым испугом, о том, что нынешняя, взрослая Нэнси привлекает его ничуть не меньше, чем та маленькая Нэнси из детства. За прошедшие полчаса в нем пробудились чувства, каких он не испытывал после смерти жены и уже не надеялся когда-нибудь испытать вновь.

Они сели рядышком на диване и раскрыли альбом. Нэнси улыбалась и выглядела счастливой.

— Это просто чудо! — говорила она. — Просто чудо, что ты оказался таким милым и сохранил обо мне такие... такие прекрасные воспоминания. Ах, если бы я знала все это тогда! После твоего отъезда я тебя возненавидела.

— Мне очень жаль, — сказал он тихо.

— Но все это в прошлом, — заверила она, уже начиная заводиться. — Давай поцелуемся и представим себе...

— ...Примерные жены обычно так не поступают, — продолжила она спустя минуту. — После замужества я от силы пару раз целовалась с другими мужчинами.

Он был взволнован, но в еще большей мере смущен. Кого он сейчас целовал: Нэнси? свою память о ней? или вот эту прелестную трепещущую незнакомку, которая тут же отвела взгляд и перевернула страницу альбома?

— погоди, — сказал он. — Мне нужно несколько секунд, чтобы прийти в себя, а то я не смогу разглядеть фотографии.

— Больше мы этого делать не будем. Я и сама никак не опомнюсь.

Далее Дональд произнес одну из тех банальных фраз, которые могут значить очень многое либо не значить ничего:

- Еще не хватало нам снова влюбиться друг в друга.
- Прекрати! — Она рассмеялась, но почти беззвучно. — Прошное не вернуть. Это был лишь мгновенный порыв, о котором я постараюсь забыть.
- Не рассказывай об этом мужу.
- Почему бы и нет? Я не держу от него секретов.
- Его это больно заденет. Никогда не рассказывай мужчине такие вещи.
- Ладно, не буду.
- Поцелуй меня еще раз, — вырвалось у него, однако Нэнси уже открыла новую страницу и радостно ткнула пальцем в фотографию.
- А вот и ты! — сказала она. — Как раз вовремя нашелся!

На снимке он увидел маленького мальчика в шортах, стоявшего на пирсе, а позади него виднелась парусная шлюпка.

— Я помню, — сказала она, торжествующе смеясь. — Отлично помню тот самый день. Снимала Китти, а потом я украла у нее это фото.

С первого взгляда Дональд не узнал себя на снимке, а потом присмотрелся, нагнувшись поближе, — и не узнал себя совершенно.

- Это вовсе не я, — сказал он.
- Именно ты. Снимок сделан во Фронтенаке в то лето, когда... словом, когда мы часто лазили в пещеру.
- В какую пещеру? Я всего-то три дня провел во Фронтенаке. — Он взгляделся в слегка пожелтевший снимок. — И это точно не я. Это Дональд Бауэрс. Мы с ним были немного похожи.

Теперь она уставилась на него, откинувшись назад и как бы сразу отдалившись.

— Но ты ведь и есть Дональд Бауэрс! — вскричала она громче прежнего, но сразу же поправилась: — Нет, конечно же. Ты — Дональд Планта.

— Я так и сказал тебе по телефону.

Она поднялась с дивана, шокированная этим открытием:

— Планта! Бауэрс! Я что, схожу с ума? Или это из-за виски? Как-то все смешалось в голове, когда я тебя увидела. Ну-ка, вспомни — что я тебе наговорила?

Он постарался изобразить полное спокойствие и перевернул очередную страницу.

— Да ничего особенного, — сказал он, меж тем как перед мысленным взором мелькали картины, увы, без его участия: Фронтенак, пещера, Дональд Бауэрс... — И все же это ты меня отшила!

Нэнси уже находилась в противоположном конце комнаты.

— Только никому не рассказывай эту историю, — сказала она. — Слухи расходятся быстро.

— Да тут и рассказывать-то нечего! — заверил он, но при этом подумал: «Так, значит, она впрямь была гадкой девчонкой».

И в следующий миг его накрыла волна жгучей, бешеной ревности к маленькому Дональду Бауэрсу — притом что он, казалось, навсегда изгнал ревность из своей жизни. Быстрыми шагами он пересек комнату, этим движением словно обращая в ничто двадцать прошедших лет и сам факт существования Уолтера Гиффорда.

— Поцелуй меня еще раз, Нэнси, — попросил он, опускаясь на одно колено рядом с ее стулом и кладя руку ей на плечо.

Но она резко отстранилась:

— Ты опоздаешь на свой рейс.

— Пустяки. Я могу его пропустить. Сейчас это не имеет значения.

РАССКАЗЫ ДЛЯ «ЭСКВАЙРА» (1935–1941)

— Прошу тебя, уйди, — сказала она холодно. — И попытайся понять, каково мне сейчас.

— Сейчас ты ведешь себя так, будто совсем меня не помнишь! — вскричал он. — Неужели ты не помнишь Дональда Планта?

— Отчего же, я помню и тебя... Но это было так давно. — В ее голосе вновь появились жесткие нотки. — Для вызова такси звони «Крествуд восемьдесят четыре восемьдесят четыре».

...Всю дорогу до аэропорта Дональд обескураженно покачивал головой. Он уже полностью пришел в себя, но пока что был не в силах осмыслить происшедшее. И только когда самолет с ревом взмыл в темное небо и пассажиры образовали свой маленький мирок, оторванный от большого мира внизу, начала вырисовываться некая аналогия между той встречей и этим полетом. Пять ослепляющих минут он прожил как безумец одновременно в двух мирах — он был двенадцатилетним мальчиком и мужчиной тридцати двух лет, и эти две сущности слились в нем неразрывно и безнадежно.

Дональд многое утратил за эти часы между рейсами, но, поскольку вторая половина нашей жизни и так большей частью состоит из утрат, данное обстоятельство можно считать не столь существенным.

Истории Пэта Хобби

(1940–1941)

Рождественский подарок

Пэта Хобби

I

На киностудии был сочельник. К одиннадцати утра Санта-Клаус успел навестить бóльшую часть ее немалого населения, одарив каждого сообразно заслугам и рангу.

Щедрые подношения от продюсеров звездам и от агентов — продюсерам уже нашли своих получателей в кабинетах и бунгало; в каждом съемочном павильоне только и было разговоров что о забавных подарках, сделанных актерами режиссерам и режиссерами — актерам; ручейки шампанского дотекли из рекламных отделов до журналистов и рецензентов. Конверты с купюрами разного достоинства — пятьдесят, десять, пять долларов — от продюсеров, режиссеров и сценаристов, подобно манне небесной, сыпались на средний и младший персонал.

Однако в этом круговороте даров иногда встречались исключения. Одним из таковых был Пэт Хобби, который за двадцать лет в кинобизнесе четко усвоил правила игры и сумел накануне праздника избавиться от своей секретарши. С минуты на минуту ему должны были прислать новую, но та уж никак не могла рассчитывать на презент от шефа в свой первый рабочий день.

Дабы скоротать ожидание, Пэт прогулялся по коридору, заглядывая в распахнутые двери офисов в поисках признаков жизни, а затем остановился поболтать с Джо Хопнером из сценарного отдела.

— Не так оно бывало в старые времена, — заметил он скептически. — Раньше в сочельник бутылки стояли на каждом столе.

— И сейчас кое-где стоят.

— Именно что кое-где, — вздохнул Пэт. — А на закуску мы просматривали самые смачные сцены, удаленные из фильмов при монтаже.

— Слышал я об этих винегретах из цензурных вырезов, — сказал Хоппер.

Пэт кивнул, глаза его увлажнились при воспоминании.

— То-то была потеха! Публика — в лежку, животики надрывали от хохота...

Он прервался при виде женщины с блокнотом в руке, входящей в его каморку дальше по коридору, — и это вернуло его к печальной действительности.

— Гуддорф засадил меня за работу на все праздники, — горько посетовал он.

— Я бы ни за что не согласился.

— И я бы тоже, да только мои четыре недели истекают в пятницу, и, если я попытаюсь взбрыкнуть, он просто не продлит контракт.

Кивнув на прощание, Хоппер пошел своей дорогой. Он уже знал, что контракт Пэта не будет продлен в любом случае. Его наняли для переложения в сценарий какого-то ковбойского романа, но ребята из отдела, занимавшегося доводкой диалогов, жаловались, что у Пэта сплошь идут или заезженные штампы, или вообще бред сивой кобылы.

— Я — мисс Кэгл, — представилась новая секретарша (на вид лет тридцати шести, увядающая красotka, энтузиазма никакого, но свое дело, похоже, знает).

Она подошла к столу, проверила пишущую машинку, потом села на стул — и вдруг разрыдалась.

Пэт вздрогнул от неожиданности. Строгий самоконтроль, особенно среди сотрудников низшего звена, был

здесь незыблемым правилом. Будто мало ему расстройств из-за того, что приходится работать в канун Рождества... Хотя это все же лучше, чем не работать вовсе. Пэт вернулся к двери и закрыл ее — еще не хватало, чтобы кто-нибудь проходящий заподозрил его в оскорблении женщины.

— Ну-ну, успокойтесь, — сказал он. — Нынче Рождество, как-никак.

Всплеск эмоций постепенно угас. Она выпрямилась, хлюпая носом и утирая глаза.

— Поверьте, все не так уж плохо, как может показаться, — заявил Пэт, но без убежденности в голосе. — А что, собственно, случилось? Вас грозятся уволить?

Она отрицательно качнула головой, всхлипнула в последний раз и раскрыла свой блокнот.

— На кого вы работали до сих пор? — спросил Пэт.

Она ответила с неожиданной злостью, сквозь зубы:

— На мистера Гарри Гуддорфа.

Вечно красные и заплавленные глаза Пэта широко раскрылись от удивления. Теперь он вспомнил, что раньше видел ее в приемной Гарри.

— С двадцать первого года — вот уже восемнадцать лет. А вчера он отослал меня в сценарный отдел. Сказал, что мой вид нагоняет на него тоску, напоминая о том, как много всего осталось в прошлом. — Лицо у нее сделалось мрачнее тучи. — Совсем не так он разговаривал восемнадцать лет назад, когда по вечерам уединялся со мной в кабинете.

— Да, он был отчаянным бабником, — сказал Пэт.

— Мне следовало еще тогда воспользоваться случаем и взять его в оборот.

В душе Пэта шевельнулось чувство справедливости.

— Нарушение брачного обещания? Боюсь, это вряд ли сработает.

— У меня сохранилось кое-что получше нарушенных обещаний. С этим я запросто могу загнать его в угол. Давно уже могла бы это сделать, но все думала, что у нас с ним любовь.

Она умолкла и несколько секунд сидела с задумчиво-сосредоточенным видом, а затем встрепенулась:

— Вы хотели что-то продиктовать?

Пэт вспомнил о своей работе и открыл сценарий.

— Это вставка, — сказал он. — Сцена сто сорок четыре-а.

Он прошелся по комнате, собираясь с мыслями, и начал:

— Общий план равнины. Бак и мексиканцы подъезжают к асьенде.

— К чему?

— Асьенда — то же самое, что ранчо. — Он взглянул на секретаршу с упреком. — Далее. Сцена сто четырнадцать-бэ. Средний план. В кадре двое: Бак и Педро. Бак: «Чертов сучий потрох! Я ему все кишки вырву!»

Мисс Кэгл вскинула голову:

— Вы хотите, чтобы я написала *это*?

— Разумеется.

— Но ведь это не пропустят.

— Знаю, что не пропустят. Но я напишу именно так. Если заменить это банальным «мерзавцем», сцена лишится энергии.

— Но ведь кому-то все равно придется заменить это «мерзавцем»?

Пэт смерил ее сердитым взглядом — однако не мог же он менять секретарш ежедневно.

— Пусть об этом заботится Гарри Гуддорф, — сказал он.

— Так вы работаете на мистера Гуддорфа? — тревожно встрепенулась мисс Кэгл.

— Да, пока он меня не вышвырнет.
— Тогда мне не следовало говорить...
— Не волнуйтесь, мы с ним давно уже не приятели. По крайней мере не за триста пятьдесят в неделю, при том что когда-то мне платили две тысячи... Так на чем я остановился?

Он снова прошелся по комнате и несколько раз с удовольствием повторил вслух последнюю реплику, мысленно адресуя ее не персонажу фильма, а лично Гарри Гуддорфу. Вдруг он остановился, сбившись с мысли:

— Послушайте, а что за компромат у вас на Гарри? Вы узнали, где он зарыл труп?

— Это слишком близко к истине, чтобы так шутить.
— Так он что, и впрямь кого-то уколошил?
— Мистер Хобби, я очень сожалею, что проговори-
лась, и не хочу...
— Зовите меня просто Пэт. А как ваше имя?
— Хелен.
— Замужем?
— В данный момент — нет.
— Что ж, тогда позвольте пригласить вас на обед.

II

Наступил рождественский вечер, но все попытки Пэта узнать ее секрет так и не увенчались успехом. Теперь почти вся киностудия была в их распоряжении — лишь изредка в коридорах и буфетах попадался кто-нибудь из дежурного техперсонала. Они обменялись рождественскими подарками: Пэт вручил Хелен пятидолларовую банкноту, а она купила для него белый носовой платок. По сему случаю он вспомнил былые дни, когда под Рождество его подарочный урожай состоял из многих дюжин подобных платков.

Сценарий продвигался ни шатко ни валко, зато их дружба за это время заметно окрепла. Пэт рассудил, что секрет Хелен может стать весьма ценным козырем, — очень многие карьеры начинались именно с таких козырей, во время выложенных на стол. И кое-кто из тех людей потом взлетел очень высоко, приобретя богатство и власть. Обладание важным секретом было ничуть не хуже родственных связей, и он в своем воображении уже рисовал такой разговор с Гарри Гуддорфом:

«Вот что я тебе скажу, Гарри. Думается, мой богатый опыт не находит здесь должного применения. Оставь эти писульки юным пташкам, а мне пора занять кресло повыше».

«Или что?» — спрашивает Гарри.

«Или пеняй на себя», — с ледяным спокойствием отвечает Пэт...

Эти сладкие мечтания были прерваны на самом интересном месте неожиданным появлением Гарри Гуддорфа собственной персоной.

— С наступающим, Пэт! — сказал он весело, но при виде Хелен его улыбка несколько померкла. — О, привет, Хелен... Не знал, что ты сейчас работаешь с Пэтом. Я послал тебе подарок в сценарный отдел.

— Не стоило беспокоиться.

Гарри быстро повернулся к Пэту.

— Босс мне уже всю плешь проел, — сказал он. — Сценарий должен быть готов к четвергу.

— Положись на меня, — сказал Пэт. — Раз надо — сделаю. Я тебя когда-нибудь подводил?

— Почти всегда, — сказал Гарри. — Практически всегда.

Он явно хотел еще что-то добавить, но тут в кабинет вошел посыльный с конвертом для Хелен Кэгл, и Гарри воспользовался моментом, чтобы тихо ретироваться.

— Вовремя он смылся! — взорвалась от возмущения мисс Кэгл, открыв конверт. — Десять баксов — жалкие десять баксов! — «от руководства» — и это после восемнадцати лет!

Пэт понял: этот момент нельзя упустить... И, усевшись на край секретарского стола, он вкратце изложил Хелен свой план.

— Каждый из нас получит теплое местечко по своему выбору, — сказал он. — К примеру, ты возглавишь сценарный отдел, а я стану помощником продюсера. Денег много, хлопот мало — живи в свое удовольствие! И никаких тебе дурацких сценариев, никакого стука по клавишам с утра до ночи. Мы даже... мы даже... если все пойдет как надо, мы даже сможем пожениться.

Она долго тянула с ответом. А когда вставила чистый лист в каретку пишущей машинки, Пэт решил, что вся затея пошла прахом.

— Я помню это письмо наизусть, — сказала она. — Он напечатал его — собственноручно — третьего февраля двадцать первого года. Потом заклеил конверт и дал мне его для отправки. Но поскольку в те дни он завел шашни с одной блондиночкой, мне захотелось узнать, почему он так секретничает с этим письмом...

Говоря это, она одновременно продолжала печатать и при последних словах протянула Пэту листок с текстом следующего содержания:

Уильяму Бронсону
Студия «Ферст нешнл»
В собственные руки

Дорогой Билл!

Мы убили Тейлора. Следовало надавить на него гораздо раньше. Почему бы теперь не заткнуться?

Твой Гарри

Пэт ошеломленно перечитал текст.

— Ну, что скажете? — спросила Хелен. — Первого февраля двадцать первого года кто-то прикончил Уильяма Десмонда Тейлора, режиссера. И убийца до сих пор не найден.

III

В течение восемнадцати лет Хелен хранила оригинал письма вместе с конвертом. А Бронсону она тогда отправила копию, подделав на ней подпись Гарри Гуддорфа.

— Детка, можешь считать, что наши дела устроены! — объявил Пэт. — А я-то всегда думал, что Тейлора шлепнула какая-нибудь девица.

Необычайно воодушевившись по сему поводу, он извлек из ящика стола полпинты виски, а чуть позже, когда прошла первая эйфория, спросил:

— Полагаю, письмо надежно спрятано?

— Надежнее некуда. Гарри ни за что его не найдет.

— Детка, теперь он у нас в руках!

Горы денег, лимузины, доступные красотки, вечеринки у бассейнов — все это ярким калейдоскопом замелькало перед глазами Пэта.

Он сложил бумагу, спрятал ее в карман, сделал еще один добрый глоток виски и потянулся за шляпой.

— Вы хотите встретиться с ним прямо сейчас? — спросила Хелен, несколько встревожившись. — Подождите хотя бы, пока я выйду со студии. Не хотелось бы сгинуть вслед за Тейлором.

— Успокойся и ложись на меня. Встретимся через час в «Мунчери» на углу Пятой и Ла-Брея.

Идя по коридорам к кабинету Гуддорфа, он твердо решил не оглашать никаких имен и фактов в стенах студии. Когда-то, в свою недолгую бытность начальником

сценарного отдела, Пэт выдвинул идею установки в офисах потайных диктофонов, дабы руководство имело возможность по несколько раз в день проверять сотрудников на предмет лояльности.

Руководство эту идею высмеяло. Однако позднее, когда его вновь низвели до положения рядового сценариста, Пэт порой задумывался: а что, если этот план все же был втихую реализован? И не исключено, что причиной ссылки в убогую конуру, где он прозябал последние десять лет, стало какое-то его неосторожное высказывание, зафиксированное подслушивающим устройством. С мыслями о таких устройствах, незаметно включаемых нажатием кнопки под столом, Пэт и вошел в кабинет Гарри Гуддорфа.

— Гарри, — начал он, тщательно подбирая слова, — ты помнишь ночь на первое февраля двадцать первого года?

Заметно удивленный вопросом, Гуддорф откинулся на спинку вращающегося кресла:

— Ты о чем?

— Постарайся вспомнить. Это очень для тебя важно.

И Пэт уставился на бывшего приятеля с видом гробовщика, снимающего мерку на глазок.

— Первое февраля двадцать первого года, — задумчиво повторил Гуддорф. — Нет. Как я могу это помнить? Или ты думаешь, что я веду дневник? Я сейчас даже не могу сказать, в каком городе я тогда находился.

— Ты находился здесь, в Голливуде.

— Вполне возможно. Если тебе что-то об этом известно, просвети меня.

— Нет, ты должен вспомнить сам.

— Ладно, попробую. Я приехал на западное побережье в шестнадцатом году. До двадцатого работал на «Байограф». Кажется, я в то время снимал какие-то комедии? Да, точно. Как раз тогда я делал картину «Кастет», съемки шли на натуре.

— Ты не все время проводил на натуре. Первого февраля ты был в городе.

— Да что все это значит, черт возьми? — Гуддорф начал выходить из себя. — Допрос с пристрастием?

— Нет. Однако у меня есть точные сведения о том, чем именно ты занимался в то самое время.

Лицо Гуддорфа побагровело — казалось, еще немного — и Пэт с треском вылетит вон, — но вдруг хозяин кабинета натужно вздохнул, облизал губы и замер, уткнувшись взглядом в поверхность стола.

— Вот оно что... — промолвил он через минуту. — Но это дело тебя совершенно не касается.

— Оно касается любого порядочного человека.

— И с каких это пор ты стал порядочным человеком?

— Всю жизнь им был, — заявил Пэт. — А если даже и нет, то, по крайней мере, я никогда не совершал ничего подобного.

— Кто бы мог подумать! — сказал Гарри презрительно. — Пэт Хобби обзавелся нимбом над макушкой! В любом случае, где улики? Не думаю, что у тебя имеется какое-то письменное свидетельство. Все это давно поросло быльем.

— Но не для порядочных людей, которые такое не забывают, — сказал Пэт. — Что же до письменного свидетельства — оно у меня есть.

— Очень сомневаюсь. А если и так, это будет нетрудно опровергнуть в суде. Думаю, ты просто блефуешь.

— Я видел эту улику, — отчеканил Пэт, чья уверенность возрастала с каждой секундой. — И ее достаточно, чтобы отправить тебя на виселицу.

— Клянусь Богом, если ты придашь это дело огласке, я выживу тебя из города!

— Ты — выживешь *меня*?!

— Я не хочу огласки.

— Тогда советую прямо сейчас пойти со мной. И на студии больше ни с кем не разговаривай.

— Куда ты хочешь пойти?

— Я знаю один бар, где мы сможем побеседовать без лишних ушей.

Бар «Мунчери» был пуст, не считая бармена и Хелен Кэгл, которая сидела за столиком как на иголках. Едва Гуддорф увидел Хелен, лицо его исказилось в мучительной гримасе.

— Это черт знает что, а не Рождество! — сказал он. — Я уже час как должен быть дома с семьей. Выкладывай, что у тебя есть, Пэт. Ты вроде говорил о чем-то написанном моей рукой.

Пэт вынул из кармана листок, развернул его и вслух прочел дату, а потом вскинул глаза на Гуддорфа:

— Это всего лишь копия, так что нет смысла выхватывать ее из моих рук.

Он хорошо знал, как проворачиваются такие дела. Одно время — когда спрос на вестерны резко упал и в моду вошли криминальные боевики — ему довелось поработать над сценами шантажа и вымогательства.

— Адресовано Уильяму Бронсону. «Дорогой Билл, мы убили Тейлора. Следовало надавить на него гораздо раньше. Почему бы теперь не заткнуться? Твой Гарри».

Пэт чуть помедлил, прежде чем еще раз уточнить:

— Письмо датировано третьим февраля двадцать первого года.

Возникла пауза. Затем Гуддорф повернулся к Хелен Кэгл:

— Это ты писала? Я диктовал тебе этот текст?

— Нет, — призналась она испуганно. — Вы написали это сами, а я потом вскрыла письмо.

— Понятно. И что вы от меня хотите?

— Много чего, — сказал Пэт и сам умилился чудесному звучанию этих слов.

— Может, уточнишь?

И Пэт стал уточнять, пространно описывая все, чего хотел бы достичь в свои сорок девять лет. Блестящая вырисовывалась карьера. И она обрастала все новыми яркими и сочными подробностями, по мере того как рассказчик поглощал одну за другой три большие порции виски. Особенно часто повторялась одна деталь: Пэт хотел, чтобы его уже завтра назначили продюсером.

— Почему обязательно завтра? — спросил Гуддорф. — Зачем такая спешка?

И тут в глазах Пэта показались слезы — самые что ни на есть искренние и неподдельные.

— Это ведь Рождество, — промолвил он. — Пусть это будет моим рождественским подарком. Я и так потерял впустую кучу времени. Слишком уж долго я этого ждал.

Гуддорф рывком поднялся из-за стола.

— Ни за что! — отрезал он. — Я ни за что не сделаю тебя продюсером. Это будет слишком жестоко по отношению к нашей компании. Лучше уж я предстану перед судом.

У Пэта от изумления отвисла челюсть.

— Что? Ты отказываешься?

— Категорически. Я скорее соглашусь сунуть голову в петлю.

Гуддорф развернулся и с каменным лицом зашагал к выходу.

— Что ж, поглядим! — крикнул Пэт ему вслед. — Это был твой последний шанс.

А в следующий миг, к его великому изумлению, с места вскочила Хелен Кэгл и, бросившись вслед за Гуддорфом, обхватила его руками прямо на ходу.

— Не беспокойся, Гарри! — вскричала она. — Я разорву эту бумажку! Это была всего лишь шутка, Гарри...

На этом месте она запнулась, вдруг обнаружив, что Гуддорф сотрясается от беззвучного хохота.

— Что тут смешного? — спросила она, вновь начиная злиться. — Или ты не веришь, что у меня есть эта бумага?

— О, я верю тебе вполне, — простонал сквозь смех Гуддорф. — Не сомневаюсь, что она у тебя есть, только это совсем не то, что вы думаете.

Он снова подошел к столу, сел и обратился к Пэту:

— Знаешь, что я сперва подумал про названную тобой дату? Я подумал, что это, должно быть, тот день, когда начался наш с Хелен роман. И еще я подумал, что она совсем спятила и собирается раздуть из этого скандал. А ведь столько воды утекло: она потом дважды выходила замуж и я два раза женился.

— Но это ничуть не объясняет содержание письма, — напомнил Пэт упрямо, хотя у него уже начало возникать нехорошее предчувствие. — В нем ты признаешься, что убил Тейлора.

Гуддорф кивнул.

— И я до сих пор считаю, что многие из нас приложили к этому руку, — сказал он. — Мы тогда попросту ошалели от бешеных денег — Тейлор, Бронсон, я и большинство других парней, раскрутившихся в этом бизнесе. И вот однажды мы в своем кругу решили, что пора бы попридержать и сбавить обороты, а то вся страна только и ждала, чтобы кто-нибудь из нас погорел по-крупному. Мы пытались убедить Тейлора действовать в том же ключе, но все было напрасно. И вот вместо того, чтобы дружно на него надавить, мы пустили дело на самотек. Кончилось все тем, что какая-то тварь его застрелила, но кто это сделал, я не имею понятия. — Он поднялся. — Точно так же кто-нибудь должен был надавить и на тебя, Пэт. Но ты был забавным парнем в те годы — и потом, у нас просто на все не хватало времени.

ИСТОРИИ ПЭТА ХОББИ (1940–1941)

Пэт неожиданно шмыгнул носом.

— Меня-то как раз давили, — сказал он. — И еще топтали.

— Только сделать это следовало гораздо раньше, — сказал Гуддорф. — Но я не оставлю тебя без рождественского подарка — хоть и не такого, какой ты ожидал. Вот этот подарок: мое обещание никому не рассказывать о сегодняшнем вечере.

Засим Гуддорф удалился, а Пэт и Хелен какое-то время просидели в молчании. Потом Пэт снова развернул листок.

— «Почему бы теперь не заткнуться?» — прочел он вслух. — А вот эту фразу он никак не объяснил.

— Почему бы *теперь* не заткнуться? — отозвалась Хелен.

Ненужный человек

I

Пэт Хобби всегда мог проникнуть на киностудию. Вот уже пятнадцать лет он более или менее (в последние пять — все менее) регулярно получал здесь работу, и лицо его давно примелькалось большинству охранников. Если же какой-нибудь излишне бдительный страж просил его предъявить пропуск, Пэт звонил с проходной букмекеру Луи, и все моментально улаживалось. Для Луи за многие годы студия тоже стала почти что родным домом.

Пэту было сорок девять лет. Сценарист по профессии, он никогда особо не утруждался сочинительством и даже не читал литературные «оригиналы», на которых основывались сценарии, ибо от чтения у него начинала болеть голова. Но в добрые старые времена немого кино можно было просто позаимствовать чей-нибудь сюжет, найти толковую секретаршу, взбодриться таблеткой бензедрина и состряпать сюжетную линию, отдавая такой работе от силы шесть-восемь часов в неделю. Гэги и проработка сцен относились уже к ведению режиссера. С наступлением эры звука Пэт стал брать себе в напарники какого-нибудь жадного до работы юнца, поручая ему писать диалоги.

— У меня за плечами список фильмов — дай бог всякому, — в данный момент внушал он Джеку Бернерсу. — Все, что мне нужно, так это свежая идея да помощник — желательно не стопроцентный кретин.

Он поймал Джека на выходе из технического отдела в самом начале обеденного перерыва и теперь шел с ним по коридору в сторону столовой.

— Это ты должен подкинуть мне свежую идею, — сказал Джек Бернерс. — Времена сейчас тяжелые. Мы не можем платить деньги человеку, не имеющему идей.

— А откуда возьмутся идеи без денег? — резонно спросил Пэт, но тут же поспешил перестроиться: — Впрочем, одна идейка у меня созревает, могу рассказать за обедом.

«Авось что-нибудь придумается в последний момент, — решил он. — Вот хотя бы тот сюжет с бойскаутом, о котором упоминал Байер».

Однако Джек походя, с улыбочкой, расстроил его план:

— У меня в столовой уже назначена встреча, Пэт. Изложи свою идею на бумаге и пришли ее в офис, идет?

Это был жестокий ответ, ибо он прекрасно знал, что Пэт ничего написать не сможет, но Джеку и без того хватало проблем с сюжетами. Только что началась война в Европе, и все продюсеры, словно сговорившись, стали завершать свои картины сценой ухода героя на фронт. А Джек Бернерс считал, что он первым придумал такую концовку, и теперь его душила обида.

— Так, значит, напишешь? Договорились?

Не дождавшись ответа, Джек обернулся к собеседнику и встретил взгляд побитой собаки, напомнивший ему глаза собственного отца. Джек был еще студентом колледжа в те годы, когда Пэт Хобби находился на гребне успеха, имея три шикарных лимузина и по любовнице в придачу к каждому. А сейчас костюм его выглядел так, будто Пэт последние три года простоял с протянутой рукой на перекрестке Голливудского бульвара и Вайн-стрит.

— Пройдись по студии, поговори с другими сценаристами, — посоветовал Джек. — Если кто-то из них заин-

тересуется твоей идеей, приведи его ко мне, и тогда все обсудим.

— Не хочу делиться идеями с их братией прежде, чем сяду на оклад, — пессимистически заметил Пэт. — Эти молодые да ранние на ходу подметки срежут.

Они приблизились ко входу в столовую.

— Удачи тебе, Пэт. Нам всем везет хотя бы в том, что мы сейчас не в Польше.

— Для тебя это уж точно везение, — пробурчал Пэт, когда Джек удалился. — Тебе бы там перерезали глотку в два счета.

Что теперь оставалось делать? Пэт бесцельно бродил по коридорам здания, отведенного под офисы сценаристов. Последние в большинстве своем ушли обедать, а из оставшихся на рабочих местах он никого не знал. С каждым днем здесь появлялось все больше и больше незнакомых лиц. И кому какое дело до того, что его имя значилось в титрах тридцати картин, что он без малого двадцать лет крутился в этой сфере, занимаясь рекламой и сценариями.

Кабинет в самом конце коридора принадлежал человеку, которого Пэт всегда недолюбливал. Однако ему надо было где-то присесть и передохнуть минуту-другую, так что он постучался и открыл дверь. Хозяина на месте не оказалось, но за столом сидела, читая книгу, очень хорошенькая, изящного сложения девушка.

— Насколько мне известно, он покинул Голливуд, — ответила она на вопрос Пэта. — Мне только что выделили этот кабинет, но табличку с его именем снять забыли.

— Так вы пишете сценарии? — удивился Пэт.

— Пытаюсь, во всяком случае.

— С вашими данными стоило бы попробовать на роль.

— Мне больше нравится работать с текстом.

— Что вы читаете?

Она подняла книгу, продемонстрировав обложку.

— Позвольте дать вам полезный совет, — сказал он. — Это наилучший способ выжать из книги самую суть.

— Вот как?

— Я здесь уже много лет — меня зовут Пэт Хобби — и знаю всю подноготную. Попросите четверых своих друзей прочесть эту книгу, а потом рассказать то, что им особенно запомнилось. Запишите их рассказы, и у вас сложится готовая картина. Видите, как просто?

Девушка улыбнулась:

— Надо признать, это очень... очень оригинальный совет, мистер Хобби.

— Пэт Хобби, — подсказал он. — Могу я присесть здесь на минутку? Человек, к которому я пришел, сейчас обедает.

Он уселся напротив девушки и взял со стола какой-то иллюстрированный журнал.

— Подождите секундочку, я только сделаю закладку в этом журнале, — быстро сказала она.

Пэт взглянул на страницу, ее заинтересовавшую. Там на фото были изображены люди, упаковывавшие картины перед их эвакуацией из какого-то европейского музея.

— И как вы намерены это использовать? — спросил Пэт.

— Ну, я подумала, что для драматизма стоит добавить в эту сцену нищего старика, который хочет помочь с погрузкой картин и заработать несколько грошей. Но им этот человек не нужен — он не годится уже ни на что, даже как пушечное мясо. Стране сейчас нужны крепкие молодые парни. А позже выяснится, что этот нищий старик — в прошлом знаменитый художник, который как раз и написал эти самые картины много лет назад.

Пэт поразмыслил.

— Неплохая задумка, но я не вижу, что из нее можно вытянуть, — сказал он.

— Да ничего особенного — сгодится разве что для короткометражки.

— А может, у вас есть идея полноценного сюжета? Если что, смогу его пристроить — у меня тут повсюду связи.

— Я уже подписала контракт.

— Ну так используйте псевдоним.

На столе зазвонил телефон.

— Это Присцилла Смит, — сказала девушка, сняв трубку. — Слушаю вас.

Через минуту она повернулась к Пэту:

— Извините, пожалуйста, но это звонят по личному делу.

Пэт поднялся и вышел. Пройдясь по коридору, он отыскал пустую комнату без таблички на двери, улегся на кушетку и заснул.

II

Тем же вечером Пэт вернулся в приемную Джека Бернера с уже созревшей идеей. Это была история про человека, который случайно застаёт в офисе девушку и думает, что она обычная стенографистка, но потом выяснится, что она пишет сценарии. Однако человек этот нанимает ее в качестве стенографистки, и они вместе отправляются в плавание к экзотическим островам Тихого океана... Это была только завязка сюжета, но для начала разговора с Джеком ее было достаточно. Живописуя образ девушки, Пэт представлял себе Присциллу Смит и по такому случаю перефразировал парочку оборотов «из старого золотого запаса», который он уже давненько не имел случая использовать.

Он вновь ощутил себя молодым и энергичным, когда мерил шагами приемную, в который раз мысленно проговаривая вступление: «В целом ситуация напоминает „Это случилось однажды ночью“, только на новый лад. В главной роли мне видится Хэди Ламарр...»

Уж кто-то, а Пэт Хобби знал, как правильно подать идею этим ребятам, — было бы только что подавать.

— Мистер Бернерс все еще занят? — в пятый раз спросил он у секретарши.

— Да, мистер Хобби. У него сейчас мистер Билл Костелло и мистер Бах.

Пэт быстро прикинул расклад. Было уже половина шестого. В прежние годы ему случалось врываться к большим боссам в самый разгар совещания и этак с налета продавать сюжет за пару тысяч баксов. Тут было важно уловить момент, когда они там досовещаются до полного отупения, — и вот вам вдруг, получайте свеженькую идею!

С невинным видом, как бы разминая ноги, он вышел из приемной в коридор и приблизился к соседней двери. Он знал, что она ведет в ванную комнату, а оттуда можно было проникнуть прямо в кабинет Джека Бернерса. Пэт набрал в легкие воздуха, задержал дыхание и ринулся вперед...

— ...Такова идея в общих чертах, — закончил он свою речь пять минут спустя. — Само собой, это всего лишь набросок, сюжет еще не проработан в деталях, но, если вы предоставите мне кабинет и стенографистку, дня через три это все будет изложено на бумаге.

Бернерсу, Костелло и Баху не понадобилось даже переглядываться, чтобы вынести общий вердикт. Бернерс ответил за всех спокойно и твердо:

— Тут нет идеи, Пэт. Под это я не смогу выделить деньги.

— А почему бы тебе не довести это до ума самостоятельно? — предложил Билл Костелло. — Тогда и посмотрим. Сюжеты нам сейчас нужны, особенно про войну.

— Думать гораздо легче, когда за это платят, — сказал Пэт.

Повисло молчание. Когда-то Костелло и Бах дружески выпивали с Пэтом, играли с ним в покер, ходили на скачки. И сейчас они были бы искренне рады видеть его куда-нибудь пристроенным.

— Ну конечно же, война... — уныло промолвил Пэт. — Сейчас всем только войну подавай, и наплевать на прошлые заслуги. Знаете, какое сравнение приходит мне в голову? Я представляю себе некогда известного, а теперь всеми забытого старого художника. Начинается война, и до него никому нет дела — он просто-напросто ненужный человек... — Пэт расчувствовался, жалея себя самого в этом контексте. — В то же самое время люди стараются спасти им же написанные картины, вывозя их в безопасное место как величайшую ценность. А когда он хочет помочь с погрузкой картин в фургон, от бедняги просто отмахиваются. Вот что мне напоминает вся эта ситуация.

На сей раз молчание продлилось недолго.

— А вот это уже недурная идея, — задумчиво изрек Бах и повернулся к коллегам. — Что-то в ней есть — как считаете?

Билл Костелло кивнул:

— Очень даже неплохо. И я уже знаю, куда это можно приткнуть, — в концовку четвертой сцены. Надо только превратить старого Эймса в художника...

Наконец-то дело запахло деньгами.

— Даю тебе две недели на доработку, — сказал Бернерс Пэту. — Две с половиной сотни в неделю.

— Всего за двести пятьдесят?! — возмутился Пэт. — Вспомни, когда-то ты платил мне вдесятеро больше.

— Это было десять лет назад, — сказал Джек. — Извини, Пэт, но это лучшее, что мы можем тебе предложить.

— Ты хочешь, чтобы я чувствовал себя как тот старый художник...

— Не перегибай палку, — сказал Джек, с ухмылкой поднимаясь из кресла. — Ты все же сел на оклад — и будь доволен.

Пэт проследовал через приемную бодрым шагом и с огоньком в глазах. Полтысячи баксов за пару недель — на эти деньги он без проблем проживет месяц; а ведь работу можно растянуть и на три, а то и четыре недели. С гордым видом он покинул киностудию через парадный вход и купил в ближайшем магазинчике полпинты виски, чтобы дома отметить успех.

К семи вечера все представлялось ему в еще более радужном свете. Если он завтра выбьет аванс, можно будет прокатиться в Санта-Аниту. А сегодня... сегодняшней вечер он посвятит удовольствиям. В праздничном настроении он спустился к телефону на первом этаже, позвонил на студию и выяснил домашний номер мисс Присциллы Смит. Уже много лет он не встречал такой очаровательной крошки.

...Присцилла Смит в своей квартире говорила по телефону весьма категорическим тоном:

— Очень сожалею, но никак не получится... Нет, у меня уже распланирована вся будущая неделя...

Когда она положила трубку, развалившийся на диване Джек Бернерс поинтересовался:

— Кто это был?

— Так, один человек, сегодня случайно заглянувший ко мне в офис. — Она рассмеялась. — Посоветовал мне никогда не читать книги, по которым я пишу сценарии.

— И ты хочешь, чтобы я этому поверил?

— Ты *должен* мне верить. Если постараюсь, я даже вспомню его имя. Но сперва послушай, какая идея пришла мне в голову при виде одной журнальной фотографии: там люди укладывали в ящики картины, чтобы эвакуировать их из лондонской галереи Тейт. И тут я подумала...

«Кипятку сюда — и побольше!»

Пэт Хобби сидел в одном из кабинетов сценарного корпуса киностудии, созерцая результаты своих утренних трудов. Он занимался шлифовкой чужих текстов — единственной работой, какую удавалось раздобыть в последнее время. Сейчас он должен был срочно сделать конфетку из одного неуклюже слепленного эпизода, но слово «срочно» ничуть не пугало (как, впрочем, и не вдохновляло) Пэта, который с тридцати лет варился в этой голливудской каше, — а сейчас ему было уже сорок девять. За все утро, кроме перестановки нескольких второстепенных реплик, он мог занести себе в актив лишь одну короткую фразу, которую в фильме повелительно произносит врач:

«Кипятку сюда — и побольше!»

Фраза была хороша. Она явилась ему в готовом виде, как озарение, когда он просматривал рукопись. В эпоху немого кино Пэт мог бы пустить ее промежуточным титром, задав тон всей сцене и на время забыв о диалогах, но здесь требовалось придумывать реплики и для других персонажей. Как назло, в голову ничего не приходило.

— Кипятку сюда! — повторял он раз за разом. — И побольше!

Слово «кипяток» вызвало приятную ассоциацию с готовящейся пищей и, как следствие, со столовой. А у такого голливудского ветерана, как Пэт, к столовой было осо-

бо почтительное отношение — то, с кем рядом ты сидел во время обеда, значило для успешной карьеры гораздо больше, чем все идеи и проекты, которые ты надиктовывал секретарше в своем офисе. «Здесь нет места искусству, — частенько говаривал Пэт, — здесь индустрия».

— Здесь нет места искусству, — мимоходом сказал он Максу Лиму, который расслабленно утолял жажду, стоя в коридоре перед бачком с охлажденной водой. — Здесь индустрия.

Между прочим, именно Макс подкинул ему эту трехнедельную работенку по триста пятьдесят долларов в неделю.

— Эй, погоди-ка, Пэт! — позвал он. — У тебя уже готов набело какой-нибудь кусок?

— Будь спокоен, я подогнал в тему такие перлы, что они все от восторга... — Далее Пэт упомянул естественные физиологические отправления, подразумевая, что оные произойдут у зрителей самопроизвольно при просмотре этих сцен в кинозале.

Макс попытался оценить степень его искренности.

— Может, прочтешь мне что-нибудь прямо сейчас? — спросил он.

— Пока еще рановато. Скажу лишь, что выходит ядерная вещичка в добром старом духе, — ну, ты понимаешь, о чем я.

Макс был полон сомнений:

— Ладно, доводи ее до кондиции. А если возникнут заминки с врачебной тематикой, справься у доктора в медпункте. Все должно быть правдоподобно, как у настоящих медиков.

Огонь продолжателя дела Пастера сверкнул в глазах Пэта.

— Так и будет, — заверил он.

Ему было приятно чувствовать себя важной шишкой, проходя по студии рядом с продюсером; понемногу он приободрился настолько, что решил, приклеившись к Макс, сесть вместе с ним за Большой стол. Однако Макс разрушил его планы, буркнув «до встречи» и завернув в парикмахерскую.

Когда-то Пэт сиживал за Большим столом как равный среди равных; в те золотые деньки он также нередко обедал в частных залах для высшего руководства. Сам будучи из «старых голливудцев», он понимал их шутки, знал их больные мозоли и прекрасно разбирался в тонкостях здешней иерархии, для которой головокружительные взлеты и падения были обычным делом. Но в последние годы за Большим столом появилось слишком много новых лиц — и эти лица взирали на Пэта с подозрением, типичным для голливудской публики. За малыми столами для сценаристов он также чувствовал себя неуютно: эта молодежь слишком уж серьезно относилась к своей работе. Что касается прочих столов — для секретарш, статистов и т. п., — то Пэт скорее стал бы питаться сэндвичами из киоска за углом, чем обедать в такой компании.

Он изменил маршрут и вместо столовой направился в медпункт, где спросил доктора. Медсестра, торопливо красившая губы перед настенным зеркалом, ответила, не прерывая своего занятия:

— Он на вызове. А что случилось?

— Ничего, я загляну попозже.

Она закончила макияж и повернулась — совсем юная и хорошенькая, — одарив его яркой улыбкой:

— О вас может позаботиться мисс Стейси. А я сейчас иду обедать.

На мгновение Пэт испытал давнее, очень давнее чувство — из тех времен, когда у него были жены, — чувство, что, если он пригласит эту красотку пообедать, потом не-

приятностей не оберешься. Но в следующее мгновение он вспомнил, что жен у него больше нет, — как нет и средств на положенные после развода выплаты.

— Я сейчас шлифую медицинскую сцену, — сказал он. — Думал проконсультироваться по этому поводу.

— Шлифуете сцену?

— Ну да, пишу сценарий, в котором главный герой — врач. Давайте сделаем так: я угощу вас обедом, а вы просветите меня по врачебной части.

Медсестра колебалась:

— Даже не знаю. Я работаю здесь только первый день.

— Не волнуйтесь, — подбодрил ее Пэт. — На киностудиях принято демократичное обращение, все зовут друг друга просто Джо или Мэри — от больших боссов до простых реквизиторов.

И он блестяще это продемонстрировал по пути в столовую, фамильярно поприветствовав известного актера и услышав в ответ свое имя. А в столовой, где они заняли места в непосредственной близости от Большого стола, продюсер Макс Лим, заметив Пэта со спутницей, сделал ему знак «снято» и весело подмигнул.

Медсестра — ее звали Хелен Эрл — с жадным интересом оглядывалась вокруг.

— Что-то я не вижу никого из звезд, — сказала она. — Кроме... Ага, вон там сидит Рональд Колман. Вот уж не думала, что в жизни он выглядит так...

Пэт вдруг указал на пол у нее под ногами:

— А вон там сидит Микки-Маус!

Девушка подпрыгнула на стуле, и Пэт рассмеялся своей шутке — но Хелен Эрл уже во все глаза смотрела мимо него, на ввалившуюся в зал толпу статистов в костюмах Наполеоновской эпохи. Пэт был уязвлен тем, с какой легкостью она переключила свое внимание с него на какую-то мелкую сошку.

— Большие боссы сидят за соседним столом, — изрек он многозначительно, с едва уловимой тоской в голосе. — Все, кроме самых-самых больших, которые обедают отдельно. Любой из этих людей при желании может использовать таких, как Рональд Колман, в качестве домашней прислуги. Я обычно тоже сижу за тем столом, но, увы, дамы туда не допускаются. Так уж здесь принято: за обедом боссы обходятся без женского общества.

— Вот оно что... — вежливо удивилась Хелен Эрл, явно не впечатленная его словами. — Это, наверное, здорово — быть писателем. Увлекательная работа.

— В ней есть свои плюсы, — согласился Пэт, на деле давно уже видевший в ней только минусы.

— Так что вы хотели узнать по врачебной части?

Ну вот, снова эта чертова работа. При одной мысли о сценарии в голове у Пэта словно выключался рубильник.

— Тут вот какое дело... Мы с Максом Лимом — это человек за соседним столом, сидящий лицом к нам, — мы с Максом работаем над сценарием медицинской драмы. Вы видели фильмы такого типа?

— Да, видела. — Она на секунду замялась. — Из-за таких фильмов я и пошла на курсы медсестер.

— И мы должны сделать все правдоподобно, — продолжил Пэт, — потому что сто миллионов зрителей будут смотреть эту картину. Вот, например, по ходу сюжета врачу понадобилась горячая вода, и он кричит людям: «Кипятку сюда — и побольше!» Хотелось бы знать, что происходит потом — в случаях с реальными людьми.

— Ну... я думаю, потом они кипятят воду, — сказала Хелен и, слегка смутившись, спросила: — А вы о каких людях говорите?

— Я говорю о персонажах: чья-то там дочь, сосед по дому... еще адвокат, и еще пострадавший мужчина...

Хелен молча переваривала информацию по мере ее поступления.

— ...и еще один тип, которого я собираюсь вырезать, — закруглился Пэт.

Последовала пауза, в ходе которой официантка принесла им сэндвичи с тунцом.

— Когда врач отдает распоряжения, их надо выполнять, — после раздумий заключила Хелен.

— М-да... — неопределенно промычал Пэт, отвлекаясь на курьезную сцену, только что возникшую у Большого стола.

— Вы замужем? — поинтересовался он рассеянно.

— Нет.

— И я не женат.

Меж тем над Большим столом нависла фигура статиста в форме русского казака, с воинственно закрученными бутафорскими усами. Он положил руку на спинку пустого кресла между режиссером Патерсоном и продюсером Лимом.

— Здесь свободно? — спросил «казак» с ярко выраженным восточноевропейским акцентом.

Лица сидящих за Большим столом дружно повернулись в его сторону. В первый момент у всех возникло естественное предположение, что это какой-то знаменитый актер. Но это предположение тотчас отпало, — судя по всему, это был один из множества аляповато разряженных статистов, заполонивших обеденный зал.

Кто-то из боссов за столом промолвил:

— Это место занято.

Однако «казак» уже выдвинул кресло и преспокойно усаживался.

— Где-то же надо поесть, — ухмыльнувшись, пояснил он.

Ропот возмущения пронесся по ближайшим столам. Пэт Хобби наблюдал за происходящим, изумленно рази-

нув рот. Это было неслыханное кощунство — все равно что пририсовать Дональда Дака к застолью апостолов в «Тайной вечере».

— Взгляните на это! — призвал он Хелен. — Страшно подумать, что они сейчас с ним сделают!

После первого шока за Большим столом раньше всех оправился Нед Хэрман, глава технического отдела.

— Этот стол забронирован, — сказал он.

Статист поднял взгляд от меню:

— Мне сказали где-нибудь сесть, вот я и сел.

Он взмахом позвал официантку — та стояла в растерянности, пытаюсь угадать по лицам боссов, как ей следует действовать в этой ситуации.

— Статисты не едят за этим столом, — подал голос Макс Лим, все еще вежливо. — Это стол для...

— Но я хочу есть! — упрямо заявил «казак». — Я провёл на ногах шесть часов подряд, пока они снимали свою дерьмовую киношку, и теперь мне нужно подкрепиться.

Тишина в зале стремительно разрасталась — фразы одна за другой обрывались и повисали в воздухе на все большем и большем удалении от центра событий.

Статист утомленно покачал головой.

— Не знаю, кто придумал сюжет, — сказал он (Макс Лим резко подался вперед в своем кресле), — но это самая пошлая дребедень из всех голливудских картин, какие я видел.

Пэт за своим столиком думал, закипая от возмущения: «Почему они ничего не предпримут? Давно пора схватить его за шкуру и вышвырнуть отсюда вон. А если у самих кишка тонка, они могут вызвать охрану».

— Кто этот человек? — наивно спросила Хелен Эрл, проследив за его взглядом. — Кто-то, кого я должна узнать?

Пэт не ответил, прислушиваясь к Максиму Лиму, который теперь уже гневно повысил голос:

«КИПЯТКУ СЮДА — И ПОБОЛЬШЕ!»

— А ну-ка, вставай и проваливай отсюда, приятель, да поживее!

«Казак» мгновенно посуровел.

— А кто ты такой, чтобы мне приказывать? — спросил он.

— Сейчас узнаешь... — пообещал Макс и обратился к коллегам за столом: — Где Кушман — или кто там еще отвечает за массовку?

— Только попробуй меня тронуть! — с угрозой произнес «казак» и наполовину вытянул саблю из ножен, так что эфес показался над краем стола. — Только попробуй, и я тебе уши отрублю. Я свои права знаю.

Дюжина людей за Большим столом, стоимшая тысячу долларов в час, застыла в глубокой прострации. У дальней двери один из студийных полисменов почуял неладное и стал проталкиваться через толпу к центру зала. И наконец Большой Джек Уилсон, еще один режиссер, поднялся с места и начал обходить стол, приближаясь к «казаку».

Но все они опоздали, ибо терпение Пэта Хобби лопнуло раньше. В праведном гневе он вскочил на ноги, схватил с ближайшего сервировочного столика увесистый поднос, в два прыжка преодолел расстояние до статиста и с размаху опустил поднос на его голову, вложив в этот удар все силы, какие у него еще остались на пятидесятом году жизни. «Казак» в тот момент как раз поднимался, чтобы встретить грозно надвигавшегося Уилсона, и неожиданный удар пришелся ему сбоку по лицу, от виска до подбородка. Тотчас показалась кровь, струйками размывая густо наложенный грим, и статист боком рухнул на пол между креслами.

Пэт — тяжело отдуваясь, с подносом в руке — стоял над поверженным.

— Крыса поганая! — крикнул он. — Да как ты смеешь...

Подоспел полисмен, обойдя стороной Пэта Хобби; с другой стороны его обошел Уилсон, а затем к месту действия ринулась пара объятых ужасом мужчин от столика неподалеку.

— Это был розыгрыш! — крикнул один из них. — Это же Уолтер Херрик, писатель. Он автор сценария той самой картины.

— Боже правый! — ахнул кто-то.

— Он хотел подшутить над Максом Лимом. Это был просто розыгрыш, говорю вам!

— Оттащите его от стола... Вызовите врача... Эй, осторожнее!..

За дело взялась Хелен Эрл, поспешившая на помощь к раненому; Уолтера Херрика переместили на освобожденное пространство между столиками; периодически раздавались крики: «Кто это сделал? Кто его так звезда-нул?»

Пэт разжал пальцы, избавляясь от подноса, и тот упал на сиденье кресла — почти беззвучно, никем в суматохе не замеченный. Он остался стоять, где стоял, наблюдая за тем, как Хелен Эрл сноровисто накладывает на рану импровизированный тампон из чистых салфеток.

— Как вы могли такое допустить?! — раздался рядом чей-то негодующий голос.

Пэт поймал взгляд Макса Лима, но тот сразу же отвернулся, и Пэт почувствовал себя преданным и брошенным на произвол судьбы. В той критической ситуации (не важно, действительной или наигранной) он единственный поступил как мужчина, покуда все эти надутые индюки беспомощно терпели унижения и оскорбления. И вот теперь на него должна обрушиться тяжелая длань закона — ведь Уолтер Херрик был влиятелен и знаменит, он зарабатывал три тысячи в неделю, а бродвейские по-

«КИПЯТКУ СЮДА — И ПОБОЛЬШЕ!»

становки его пьес имели оглушительный успех. Ну кто же мог знать, что это всего лишь розыгрыш?

Наконец прибыл и врач. Пэт видел, как он что-то сказал женщине-метрдотелю, пронзительный голос которой секунду спустя погнал официанток в направлении кухни, как гонит опавшие листья мощный порыв ветра:

— КИПЯТКУ СЮДА — И ПОБОЛЬШЕ!

Слова эти как будто явились из другой реальности и ужасающей болью пронзили истерзанную душу Пэта Хобби. И хотя он теперь своими глазами видел, что происходит потом, у этой фразы уже не было шансов украсить собою сюжет.

Соавтор гения

I

— Я пошел на риск, пригласив тебя, — сказал Джек Бернерс, — но тут наметилась одна работенка, которую ты, может быть, осилишь.

Пэт Хобби не почувствовал себя обиженным — ни как человек, ни как профессионал, — однако счел нужным выразить формальный протест:

— Я пятнадцать лет в этом бизнесе, Джек. У меня на счету больше фильмов, чем у дворняги — блох.

— Согласен, я мог бы выразиться поудачнее, — сказал Джек. — Ты действительно умел делать дела, но это было очень давно. О деньгах: мы будем платить тебе столько же, сколько ты получал на подработке в прошлом месяце, — триста пятьдесят в неделю. Теперь о литературе. Тебе знакомо такое имя: Рене Уилкокс?

Имя было Пэту незнакомо. В последний раз он открывал книгу лет десять назад.

— У нее недурное чувство стиля, — брякнул он на удачу.

— Это мужчина, английский драматург. Приехал в Лос-Анджелес для поправки здоровья. Ну так вот: у нас уже около года болтается в подвешенном состоянии фильм о русском балете — отвергли три сценария, один другого хуже. И на прошлой неделе мы подписали контракт с Рене Уилкоксом — он вроде как подходящий автор для таких вещей.

Пэт раскинул мозгами:

— Ты хочешь сказать, что он...

— Ничего я об этом не знаю и знать не хочу, — резко прервал его Бернерс. — Есть возможность заполучить на главную роль Веру Зорину, но мы должны торопиться — так что будем сразу делать постановочный сценарий, минуя предварительные этапы. Уилкокс не имеет опыта в этой области, поэтому ты и нужен. Когда-то ты неплохо делал раскадровку...

— Что значит «когда-то»?

— ...и, надеюсь, еще не разучился. — Джек выдал авансом ободряющую улыбку. — Подыщи себе кабинет и познакомься с Рене Уилкоксом.

Пэт направился было к двери, но Джек его вернул, чтобы вложить в руку купюру:

— Для начала купи себе новую шляпу. Помнится, ты пользовался успехом у молоденьких стенографисток. Рановато терять форму в сорок девять лет.

В холле сценарного корпуса Пэт справился по указателю и через пару минут постучал в дверь под номером 216. Ответа не последовало, после чего он вошел незваным и обнаружил в помещении худосочного блондина лет двадцати пяти, меланхолически взирающего на пейзаж за окном.

— Привет, Рене! — сказал Пэт. — Мы будем работать вместе.

Рене Уилкокс косо взглянул в его сторону и как будто не вполне осознал сам факт существования Пэта Хобби, что не помешало последнему продолжить свойским тоном:

— Как я понял, нам надо причесать и привести в божеский вид один весьма растрепанный сюжетец. Раньше случалось работать в соавторстве?

— Я впервые буду писать для кино.

Это обстоятельство повышало шансы Пэта на упоминание в титрах — в чем он сейчас крайне нуждался, — но в то же время предполагало, что ему придется лично приложить кое-какие усилия. От одной лишь мысли об этом у него пересохло во рту.

— Эта работа отличается от театрального сочинительства, — изрек он с подобающей серьезностью.

— Да, я читал об этом книгу.

Пэт чуть было не рассмеялся. В 1928 году он с одним приятелем также сварганил на скорую руку псевдопособие для простофиль «Тайны сценарного искусства». Книжонка могла бы принести доход, если бы кино вдруг не заговорило.

— Полагаю, это не так уж сложно, — сказал Уилкокс и снял с вешалки свою шляпу. — А сейчас мне надо бежать.

— Разве ты не хочешь обсудить сценарий? — спросил Пэт. — Как далеко ты уже продвинулся?

— Я вообще не продвинулся, — сказал Уилкокс. — Этот идиот Бернерс всучил мне какую-то макулатуру и предложил от нее отталкиваться. Но там сплошь унылая муть. — Его голубые глаза сузились. — Скажите, что такое «наезжающий план»?

— Наезжающий план? Это когда кадр снимается в движении, например со стрелы крана.

Пэт заметил на столе тетрадь в синем переплете, взял ее и прочел надпись на обложке:

БАЛЕТНЫЕ ТУФЕЛЬКИ

Сценарий-заявка

Автор: Консуэла Мартин

По оригинальной идее Консуэлы Мартин.

Пэт бегло просмотрел начало, а потом заглянул в конец рукописи.

— Надо бы добавить сюда военную тему, — сказал он, недовольно поморщившись. — Например, балерина идет медсестрой в Красный Крест, видит все ужасы войны, а потом духовно перерождается. Улавливаешь мою мысль?

Уилкоккс не ответил. Пэт обернулся и увидел закрывающуюся дверь.

И как прикажете все это понимать? Как можно работать с человеком, который убегает неизвестно куда ни с того ни с сего? Хоть бы сослался на что-нибудь уважительное — типа «Спешу на заезд в Санта-Аните»...

Дверь отворилась, и в проеме возникло смазливое личико. При виде Пэта девушка испуганно охнула и исчезла. Но вскоре объявилась вновь.

— Мистер Хобби! — воскликнула она. — Я не сразу вас узнала. А я ищу мистера Уилкоккса.

Пэт напрягся в попытке вспомнить ее имя, и она пришла ему на помощь:

— Кэтрин Ходж. Я работала с вами три года назад.

То, что она с ним работала, Пэт уже понял, но он никак не мог вспомнить, насколько близкими были их отношения в ту пору. Кажется, никакого романа между ними не было — о чем стоило лишь сожалеть, глядя на нее сейчас.

— Присядьте, — сказал Пэт. — Вас назначили секретаршей к Уилкокксу?

— Да, мне так сказали. Только он до сих пор не поручил мне никакой работы.

— Похоже, у парня мозги набекрень, — мрачно сказал Пэт. — Нынче он спрашивал меня, что такое «наезжающий план». Я слышал, он чем-то болен и приехал сюда лечиться. Не удивлюсь, если он скоро начнет все крушить и расшвыривать по комнате.

— С виду он вполне здоров, — осторожно заметила Кэтрин.

— Мне так не показалось. Ладно, идем в мой кабинет. Раз такое дело, сегодня вы поработаете на меня.

В кабинете Пэт улегся на кушетку, приказав Кэтрин Ходж читать вслух сценарий «Балетных туфельек». Где-то на середине второй части он погрузился в сон, прижимая к груди свою новую шляпу.

II

Не считая шляпы, поза, в которой он застал Рене в одиннадцать часов следующего дня, была абсолютно идентичной. И так продолжалось в течение еще трех дней — в каждый конкретный момент либо один, либо другой спал на кушетке в своем кабинете, а порой одновременно спали оба. На четвертый день у них состоялось несколько встреч, и Пэт снова выдвинул идею насчет войны и «духовного перерождения» балерин среди огня и крови.

— Можно мы не будем говорить о войне? — сказал Уилкоккс. — У меня два брата служат в армии.

— Тебе повезло, что ты сейчас здесь, в Голливуде.

— Так уж получилось.

— Хорошо, а как ты предлагаешь начать картину?

— Мне не нравится нынешнее начало. Меня от него буквально тошнит.

— Значит, нужно найти что-то на замену. Вот я и предложил войну...

— Я уже опаздываю на обед, — прервал его Рене Уилкоккс. — До встречи, Майк.

Чуть позже Пэт жаловался Кэтрин Ходж:

— Он может называть меня любыми именами, какие взбредут в голову, но кому-то ведь надо писать сценарий! Я бы пошел к Джеку Бернерсу и выложил ему все начистоту, но, боюсь, тогда нас обоих просто лишат работы.

Два следующих дня Пэт почти безвылазно провел в кабинете Уилкокса, побуждая его к действию, но все было напрасно. Днем позже, когда драматург вообще не появился в офисе, доведенный до отчаяния Пэт проглотил таблетку бензедрина и взял дело в свои руки. Шагая взад-вперед по кабинету с бракованным текстом в руке, он диктовал Кэтрин новый вариант, перемежая диктовку экскурсами в свое славное голливудское прошлое. Таким манером к концу дня он осилил две страницы сценария.

За этим последовала самая тяжелая трудовая неделя в жизни Пэта Хобби — у него даже не было времени приударить за Кэтрин Ходж. Понемногу, с дребезжанием и скрипом, старая колымага его воображения тронулась с места. Бензедрин и несколько чашек кофе пробуждали его по утрам, а виски помогал забыться вечером. Вновь дал о себе знать застарелый неврит, да и в целом нервная система начала трещать по швам. На этом фоне лишь ненависть к Рене Уилкоксу подпитывала его, подобно эрзац-топливу. Раз так, он в одиночку напишет этот сценарий и, вручая его Бернерсу, официально заявит, что Уилкокс не добавил сюда ни строчки.

Но это было уже чересчур — Пэт явно переоценил свои силы. Он сломался примерно на полпути и ушел в суточный запой, по возвращении из которого обнаружил у себя на столе записку от мистера Бернера с требованием представить сценарий сегодня к четырем часам пополудни. Пэт уныло сидел в кабинете, обхватив руками больную голову, когда открылась дверь и вошел Рене Уилкокс с пачкой машинописных листов в одной руке и копией записки Бернера — в другой.

— Все в порядке, — сказал Уилкокс. — Я закончил сценарий.

— Что?! Когда же ты работал?!

— Я привык писать по ночам.

— Что там у тебя — сценарный план?

— Нет, готовый постановочный сценарий. Поначалу мне мешали сосредоточиться кое-какие личные проблемы, но стоило взяться — и дело пошло легко. Надо только вообразить, что смотришь на все это через камеру.

Пэт поднялся на ноги, объятый гневом и ужасом:

— Но ведь мы должны были работать в соавторстве! Джек придет в ярость, когда узнает.

— Я всегда работаю в одиночку, — сказал Уилкокс спокойно. — И сегодня при встрече я объясню это Бернерсу.

Он удалился, а Пэт опустошенно рухнул обратно на стул. Если Уилкокс сделал хороший сценарий... Хотя как первый же сценарий новичка может оказаться хорошим? Вот если бы Уилкокс по ходу работы консультировался с ним, что-то приличное и впрямь могло бы получиться.

С перепугу Пэт начал соображать — и впервые за очень долгое время его голову посетила незаурядная мысль. Он позвонил в сценарный отдел и вызвал Кэтрин Ходж, а когда она пришла, объяснил ей свой план. Кэтрин колебалась.

— Я всего-то хочу его прочесть, — поспешно добавил Пэт. — Если Уилкокс у себя, вы, конечно, не сможете его взять. Но вдруг он куда-нибудь вышел?

В нервном ожидании прошло пять минут, и наконец явилась Кэтрин со сценарием.

— Его еще не размножили и не сброшюровали, — сообщила она.

Пэта она застала сидящим за пишущей машинкой и мучительно набирающим текст двумя пальцами.

— Вам помочь? — спросила она.

— Найдите мне чистый конверт, гашеную марку и клей.

Получив все это, Пэт заклеил конверт и дал Кэтрин дальнейшие инструкции:

— Послушайте у двери кабинета Уилкокса — на месте ли он. Если он там, просто подсуньте конверт под дверь.

Если нет — поручите посыльному отыскать его и передать письмо как можно скорее. Пусть скажет, что оно прибыло с почтового отделения. Затем вам лучше исчезнуть со студии до конца дня, чтобы он при встрече с вами ничего не заподозрил. Все ясно?

После ее ухода Пэт пожалел, что не сделал копию письма себе на память. Он был вправе им гордиться — текст дышал неподдельной искренностью, которой слишком часто недоставало прочим его творениям:

Дорогой мистер Уилкоккс!

С глубоким прискорбием вынуждены сообщить, что два Ваших брата сегодня пали в бою, сраженные дальнобойным вражеским «томми-ганом». Просим Вас без промедления выехать домой, в Англию.

Джон Смит,
британское консульство, Нью-Йорк

Но у Пэта не было времени для того, чтобы вдоволь поаплодировать самому себе. Он открыл сценарий Уилкоккса.

К его величайшему изумлению, чисто технически все было оформлено грамотно — наплывы, затемнения, смены плана, панорамирование, съемка с движения и прочие сугубо профессиональные тонкости были учтены и зафиксированы в тексте. Это намного упрощало задачу Пэта. Для начала он снабдил рукопись титульным листом, на котором значилось:

БАЛЕТНЫЕ ТУФЕЛЬКИ

Первая редакция

Авторы: Пэт Хобби и Рене Уилкоккс.

Чуть поразмыслив, он исправил третью строку:

Авторы: Рене Уилкоккс и Пэт Хобби.

Затем, работая с бешеной энергией, он внес в текст несколько дюжин мелких поправок — заменил «Проваливай» на «Пошел вон!», «У нас проблемы» на «Мы крепко влипли», «Ты пожалеешь!» на «Хуже будет!» и т. п. Далее он позвонил в сценарный отдел:

— Это Пэт Хобби. Я пишу сценарий в соавторстве с Рене Уилкоксом. Мистер Бернерс хотел, чтобы копии текста были сделаны к половине четвертого.

— Такая срочность?

— Что поделаешь...

— Хорошо, тогда раздадим его по частям нескольким девушкам.

Пэт лихорадочно продолжал правку вплоть до момента, когда прибыл посыльный за рукописью. Ему очень хотелось вставить сюда свою идею про балерин на войне, но времени на это уже не оставалось. Он велел посыльному немного подождать, открыл последнюю страницу и карандашом приписал концовку:

КРУПНЫЙ ПЛАН: Борис и Рита.

Рита. Но сейчас это все уже ничего не значит! Я подала заявление и скоро отправлюсь на фронт санитаркой.

Борис (*с чувством*). Война очищает и перерождает!

Он пылко сжимает ее в объятиях. Музыка нарастает, картинка постепенно расплывается...

Предельно измотанный этим трудовым порывом, Пэт ощутил острую необходимость промочить горло. Посему он покинул территорию студии и, стараясь не привлекать к себе внимания, юркнул в дверь бара сразу через дорогу, где заказал джин с содовой.

Выпивка настроила его на позитивный лад. Собственно, он выполнил то, ради чего был нанят, — хотя его

правка большей частью прошла по диалогам, почти не затронув сюжет. Но откуда Бернерсу знать, что сцены выстроил не он? Кэтрин Ходж будет молчать, поскольку сама в этом замешана. Если подумать, виноваты они все, но больше всех, конечно же, Рене Уилкоккс, который отказался играть по правилам. А вот Пэт всегда играл по правилам — если они его устраивали.

Он пропустил еще стаканчик, купил мятные лепешки, чтобы перебить запах спиртного, и походя скормил несколько десятицентовиков игровому автомату. Оказавшийся тут же букмекер Луи поинтересовался, не хочет ли он попытать счастья со ставками покрупнее.

— Не сегодня, Лу.

— Сколько они тебе платят, Пэт?

— Тысячу в неделю.

— Недурно.

— Сейчас многие ветераны возвращаются в строй, — выдал Пэт желаемое за действительное. — Как-никак, мы прошли настоящую школу немого кино, когда режиссеры снимали без подготовки и гэгги придумывались прямо перед камерой. А сейчас у них пишут сценарии школьные учителя! Да что они вообще знают о кино?

— Может, все-таки поставишь доллар-другой на Квакершу?

— Нет, сегодня у меня важная встреча. Не хочу отвлекаться на скачки.

В пятнадцать минут четвертого он вернулся к себе в кабинет, где его ждали две копии сценария в ярких новеньких переплетах.

БАЛЕТНЫЕ ТУФЕЛЬКИ

Авторы: Рене Уилкоккс и Пэт Хобби

ПЕРВАЯ РЕДАКЦИЯ

При виде своего имени на обложке Пэт преисполнился оптимизма, а чуть погодя, ожидая вызова в приемной Джека Бернерса, уже начал сожалеть о том, что не поставил себя первым из соавторов. Если за дело возьмется умелый режиссер, кассовый успех картине гарантирован, и тогда его имя в титрах обернется золотым дождем, который будет проливаться на Пэта Хобби в течение трех-четырех лет. Но уж в этот раз он не промотает денежки — будет ездить в Санта-Аниту лишь по выходным, а в любовницы возьмет скромную девчонку типа Кэтрин Ходж, не претендующую на роскошный особняк в Беверли-Хиллз...

Из мечтательного состояния Пэта вывела секретарша, пригласив его в кабинет. Входя туда, он с удовлетворением заметил на столе Бернерса копию нового сценария.

— Ты когда-нибудь обращался к психоаналитику? — неожиданно спросил Бернерс.

— Не приходилось, — сказал Пэт. — Но если надо, могу обратиться. Это связано с моим новым заданием?

— Не совсем. Просто я вижу, что ты совсем растерял былую хватку. Даже для банального воровства требуется толика ловкости. Я только что говорил по телефону с Уилкоксом...

— Уилкокс просто свихнулся, — заявил Пэт категорически. — Ничего я у него не крал. Его имя указано в сценарии, не так ли? Еще две недели назад я составил сценарный план, разложил все по полочкам. Я даже целиком написал финальную сцену — которая про войну.

— Ах да, война... — рассеянно пробормотал Бернерс, думая о чем-то другом.

— Но если тебе больше нравится концовка Уилкокса...

— Да, его концовка мне нравится больше. Никогда не видел, чтобы человек так быстро вникал в самую суть новой для него работы... — Он помолчал. — Пэт, с момен-

та твоего появления в этой комнате ты лишь однажды сказал правду: ты действительно ничего не крал у Уилкокса.

— Само собой, не крал. Наоборот, я давал ему подсказки и наставления...

Пэт пока что не терял апломба, но нехорошие предчувствия возникли у него еще до того, как Бернерс продолжил свою мысль:

— Как я уже говорил, у нас было три неудачных сценария. Ты вносил свою правку в самый первый и самый неудачный из них, зарезанный еще год назад. Уилкокс был в своем кабинете, когда пришла секретарша с подложным письмом, и он сам переслал тебе тот барахляный текст. Что, ловко он тебя сделал?

Пэт онемел от изумления.

— Видишь ли, у него с этой девчонкой роман, начавшийся еще летом, когда она что-то для него печатала.

— У них роман? — недоверчиво переспросил Пэт. — Но он ведь...

— Попридержи язык, Пэт. На сегодня тебе и так хватает проблем.

— Это его вина! — крикнул Пэт. — Он не хотел со мной сотрудничать, а вместо этого...

— ...а вместо этого написал шикарный сценарий. И он полностью окупит свою поездку обратно в Англию, если мы уговорим его немного задержаться и написать еще один.

Пэт больше не мог это выносить. Он поднялся со стула.

— Как бы то ни было, спасибо тебе, Джек, — сказал он нетвердым голосом. — Если понадобится, звони моему агенту. — И, вмиг сорвавшись с места, пулей вылетел из комнаты.

Джек Бернерс соединился по интеркому с директором компании.

ИСТОРИИ ПЭТА ХОББИ (1940–1941)

— Ну как, успел просмотреть эту вещь? — без предисловий спросил он.

— Просто блеск! Даже лучше, чем ты мне описывал. Уилкокс как раз сейчас у меня.

— Вы заключили новый контракт?

— К тому все идет. И насколько я понял, он хочет работать с Хобби. Да вот поговори с ним сам.

Из динамика донесся высокий голос Рене Уилкокса.

— Мне нужен в напарники Майк Хобби, — заявил он. — Очень ему благодарен. До его появления я был в ссоре с одной юной леди, но сегодня Хобби нас помирил. Кроме того, я хочу написать о нем пьесу. Так что отдайте мне Хобби — вам он все равно без надобности.

Бернерс переключился на связь с приемной.

— Немедленно найдите Пэта Хобби, — сказал он секретарше. — Скорее всего, он сидит в баре через дорогу. Мы снова берем его на работу, хотя об этом нам еще придется пожалеть.

Он отключился, но тут же снова нажал кнопку:

— Да, и прихватите шляпу. Он оставил здесь свою шляпу.

Пэт Хобби и Орсон Уэллс

I

— Кто такой этот Уэллс? — спросил Пэт у студийного букмекера Луи. — Всякий раз, как загляну в газету, натыкаюсь на этого Уэллса.

— Это который с бородой, — пояснил Луи.

— Насчет бороды я в курсе — ее трудно не заметить. Но в чем его заслуги? С какой стати ему вдруг отвалили полтораста тысяч под проект?

И то верно — разве этот Уэллс оттрубил в Голливуде без малого двадцать лет, как Пэт Хобби? Разве он работал над фильмами, от одного перечня которых может закружиться голова (хотя в последние годы Пэт все чаще попадал мимо титров)?

— Этих выскочек хватает ненадолго, — утешил его Луи. — Сколько мы таких перевидали: сегодня на коне, а завтра его нет. Верно, Пэт?

Так-то оно так, да только первопроходцы, вспахавшие и засеявшие эту ниву, теперь почитали за счастье урвать халтурку на пару недель за три с половиной сотни. А ведь когда-то эти люди жили на широкую ногу — с женами-модницами, филиппинской прислугой и плавательными бассейнами.

— Может, все дело в бороде? — предположил Луи. — Что, если нам тоже отпустить бороды? Хотя... мой отец носил бороду, но это не помогло ему выбраться с Гранд-стрит.

...Надежда никогда не оставляла Пэта, сколько бы злоключений ни выпало на его долю, и ценной составляющей этой надежды являлась свобода доступа. Самое главное — оказаться на виду в нужном месте и в нужный момент, когда затуманенный и утомленный мозг продюсера задастся вопросом: «Кто?» Новый день начался как обычно: по выходе из бара Пэт направил стопы к студии, ставшей для него вторым домом.

В служебной проходной ему внезапно преградил путь незнакомый полисмен.

— Пройдите через главный вход, — сказал он.

— Я Хобби, сценарист, — пояснил Пэт.

На цербера это не произвело впечатления.

— У вас есть пропуск?

— Я сейчас отдыхаю в перерыве между картинами. Но у меня назначена встреча с Джеком Бернерсом.

— Через главный вход.

«Вшивый кистоунский коп!» — злобно подумал Пэт, когда тот отвернулся. И живо представил себе, как вступает с ним в перестрелку. Бах! — и пуля копу в брюхо. Бах! Бах! Бах!

На главном входе он также увидел новое лицо.

— А где Айк? — спросил Пэт.

— Его уволили.

— Надо же... Я Пэт Хобби, сценарист. Айк всегда меня пропускал.

— Вот потому его и уволили, — невозмутимо заметил страж. — К кому вы направляетесь?

Пэт призадумался. Ему не хотелось по пустякам беспокоить продюсера.

— Позвоните в офис Джека Бернерса, — сказал он наконец. — Просто справьтесь у секретарши.

Через минуту охранник повернулся к нему от телефона.

— По какому вопросу? — уточнил он.

— Насчет фильма.

Охранник передал его слова в трубку и подождал ответа.

— Она спрашивает, о каком фильме речь?

— К черту! — сказал Пэт с отвращением. — Лучше позвоните Луи Грибелю. Из-за чего такие строгости?

— Распоряжение мистера Каспера. На днях визитер из Чикаго свалился в ветродуйную машину... Алло, мистер Грибель?

— Дайте мне трубку, — сказал Пэт.

— Ничего не могу сделать, Пэт, — сокрушенно сказал Луи. — Этим утром ко мне едва пропустили посыльного. А все потому, что какого-то чикагского засранца перемолола большая ветродуйка.

— Ну а я-то тут при чем?! — взбешенно проорал в трубку Пэт.

Шагая несколько быстрее обычного, он проследовал вдоль забора до входа на открытую съемочную площадку. Там тоже имелась охрана, но люди непрерывно сновали туда-сюда, и Пэт пристроился к одной из групп. Только бы попасть на студию, а уж там он добудет у Джека пропуск, чтобы впредь не попадать под идиотские запреты! Все ж таки Пэт был здешним старожилом и еще помнил то время, когда на краю пустыни вырастали первые дощатые павильончики.

— Извините, мистер, вы в этой группе?

— Я очень спешу, — сказал Пэт. — Мой пропуск где-то затерялся.

— Вот как? А мне думается, вы из тех проныр, что вечно суются не в свое дело. — Полисмен поднес к носу Пэта журнал с фотографиями актеров. — Я бы вас не пропустил, даже представьтесь вы этим самым Орсоном Уэллсом.

II

В одном из ранних чаплинских фильмов есть сценка с до отказа набитым трамваем, когда очередной пассажир, втискиваясь на заднюю площадку, тем самым выдавливает наружу кого-нибудь с передней. Эта сценка неизменно всплывала в памяти Пэта Хобби в последующие дни, стоило только подумать об Орсоне Уэллсе. Уэллс проник внутрь — Пэт вылетел вон. Никогда прежде Пэт не имел серьезных проблем с доступом на студию; и, хотя Уэллс непосредственно с ним не соприкасался, возникало впечатление, что это крупное тело, беспардонно возникнув из ниоткуда и втиснувшись в кинобизнес, наконец выдавило за ворота именно Пэта Хобби.

— И куда теперь податься? — спрашивал себя Пэт.

Ему доводилось работать и на других студиях, но они не стали ему родными. А здесь Пэт никогда не чувствовал себя отрешенным от дел, даже будучи безработным; в голодные дни он мог подкрепиться реквизитной едой — к примеру, недавно закусил половинкой холодного лобстера, задействованного в одной из сцен «Божественной мисс Карстерс»; он частенько ночевал в студийных павильонах, а эту зиму благополучно проходил в пальто с бархатным воротником, по случаю позаимствованным в костюмерной. И никакой Орсон Уэллс не имел права лишать Пэта Хобби всего этого! Орсон Уэллс был из своры зазнаистых нью-йоркских снобов — там, на востоке, ему и место.

На третий день Пэт совершенно пал духом. Тщетно он посылал записки Джеку Бернерсу и даже просил Луи ходатайствовать лично, пока не узнал, что Джека сейчас нет в городе. Друзей вокруг оставалось все меньше и меньше. Унылой тенью маячил он перед въездом на студию в окружении толпы глазеющих детишек, чувствуя, что дошел до предела.

Ворота распахнулись, и наружу выкатил лимузин, на заднем сиденье которого Пэт разглядел одутловатое горбоносое лицо Гарольда Маркуса. Один из мальчишек проскочил перед самым носом машины, и та притормозила. Старик что-то сказал шоферу в переговорную трубку, после чего лимузин остановился. Старик высунул голову из окна и, прищурившись, посмотрел вперед.

— Тут что, нет постового полисмена? — спросил он у Пэта.

— Нет, мистер Маркус, — быстро ответил Пэт. — Хотя, по идее, должен быть. Я Пэт Хобби, сценарист, вы не подвезете меня в сторону центра?

Просьба была беспрецедентной — собственно, это был акт отчаяния, но Пэт как раз и находился в самом отчаянном положении.

Мистер Маркус взглянул на него повнимательнее.

— Ну да, припоминаю, — сказал он. — Залезай.

Скорее всего, этим подразумевалось, что Пэт должен занять место впереди, рядом с шофером, но он нашел компромиссный вариант, пристроившись на откидном сиденье в салоне. Мистер Маркус был одним из самых могущественных людей в мире кино. В последние годы он не утруждал себя производством фильмов и бóльшую часть времени проводил в перемещениях на скорых поездах от океана до океана, тут и там занимаясь слиянием старых компаний и основанием новых, чем отчасти напоминал многократно разведенную, но все еще приткую дамочку перезрелого возраста.

— Однажды кто-нибудь из этих детей попадет под колеса.

— Непременно попадет, мистер Маркус, — с готовностью согласился Пэт. — Послушайте, мистер Маркус...

— Надо поставить полисмена перед воротами.

— Именно так, мистер Маркус. Послушайте, мистер Маркус...

— Гм! — изрек мистер Маркус. — Так где тебя посадить?

Пэт понял, что надо действовать без промедления:

— Мистер Маркус, когда я работал вашим пресс-агентом...

— Помню, — сказал мистер Маркус. — Ты тогда попросил недельную прибавку в десять долларов.

— Ну и память! — восхищенно вскричал Пэт. — Вот это память! Но сейчас, мистер Маркус, мне ничего от вас не нужно.

— Это воистину чудо.

— Видите ли, потребности у меня скромные, а моих сбережений вполне достаточно, чтобы спокойно отойти от дел.

С этими словами он слегка подвинул ноги, чтобы спрятать обшарпанные ботинки под свисающим с сиденья краем пледа. Реквизитное пальто с бархатным воротником удачно маскировало все остальное.

— Вот бы и мне так, — печально вздохнул мистер Маркус. — Поселиться на ферме, завести цыплят. Хорошо бы еще небольшое поле для гольфа... И никаких биржевых сводок.

— Я представляю себя в отставке иначе, — сказал Пэт серьезно. — Кино стало частью моей жизни, и я хочу следить за тем, как оно развивается, растет...

Мистер Маркус издал стон.

— Растет-растет, покуда не лопнет, — сказал он. — Взгляни хотя бы на Фокса! Я плакал от этого зрелища. — Он поднес руку к глазам указующим жестом. — Проливал слезы!

Пэт закивал, изображая глубокое сочувствие.

— Лично я хочу лишь одного, — сказал он, переходя к сути дела, — иметь свободный доступ на студию. Ничего не добиваясь, никого не беспокоя — просто время от

времени побыть в той атмосфере. Ну, может, иной раз помочь советом кому-нибудь из молодых.

— Так обратись к Бернерсу, — сказал Маркус.

— Он посоветовал обратиться к вам.

— Выходит, тебе все же кое-то нужно, — улыбнулся Маркус. — Ладно, я не против. Ну и где тебя посадить?

— Так вы дадите мне пропуск? — умоляюще спросил Пэт. — Всего-то пару слов на вашей визитке.

— Как-нибудь при случае, — сказал Маркус. — А сейчас у меня другие заботы, спешу на званый обед. — Он тяжело вздохнул. — Меня уговорили встретиться с этим Орсоном Уэллсом, недавно нагрянувшим в Голливуд.

У Пэта упало сердце. И здесь этот Уэллс! Зловеще и неумолимо это имя расползлось над ним, как черная грозовая туча, застилающая небосвод.

— Мистер Маркус, — произнес он дрогнувшим от неподдельного волнения голосом, — я ничуть не удивлюсь, если Орсон Уэллс обернется самой страшной угрозой для Голливуда за все эти годы. Сейчас он огреб полтораста тысяч под новый проект, а скоро его новшества приведут к тому, что вам придется перестраивать технологии и начинать все с нуля, как это было после прихода звука в двадцать восьмом.

— Боже милостивый! — в ужасе простонал Маркус.

— Что до меня, — сказал Пэт, — то я всего-навсего хочу получить пропуск — о деньгах и речи нет. И еще я хочу, чтобы все оставалось как есть сейчас.

Мистер Маркус потянулся за портмоне с визитками.

III

Для тех, кого обычно объединяют термином «творческий персонал», студийная атмосфера далеко не всегда является безоблачно-благоприятной — слишком уж быстро самые радужные надежды сменяются у них самыми

мрачными предчувствиями. Лишь те немногие, кто реально делает погоду, живут здесь более или менее спокойно, довольные своей работой и получаемым вознаграждением, тогда как все другие вечно пребывают в страхе, что однажды их вопиющая некомпетентность будет изобличена — с неизбежными последствиями.

В психологическом плане Пэт Хобби, как это ни странно, принадлежал к категории «делающих погоду», сохраняя безмятежное спокойствие даже в периоды, когда у него не было вообще никакой работы. Но к этой бочке меда с недавних пор добавилась здоровенная ложка дегтя: впервые в жизни у Пэта возникли проблемы с самоидентификацией. По непонятным ему причинам — хотя тут нетрудно проследить связь с его болтовней там и сям — многие знакомые начали именовать его Орсоном.

Потерять свое собственное «я» — это непозволительная небрежность как минимум. Но уступить свое «я» заклятому врагу или воображаемому виновнику всех твоих бед — это уже трагедия. Пэт Хобби не был Орсоном Уэллсом. Если даже и наличествовало какое-то внешнее сходство, то очень слабое, притянутое за уши, и Пэт это прекрасно понимал. Но в конечном счете он таки пал жертвой своей навязчивой идеи, превратившись в объект насмешек и розыгрышей.

— Пэт, — говорил, к примеру, парикмахер Джо, — недавно сюда заходил Орсон Уэллс и попросил подровнять бороду.

— Надеюсь, ты ее подпалил, — бурчал Пэт.

— Так и вышло. — Джо накрывал его лицо горячим полотенцем и подмигивал сидящим в очереди. — Подпалил, а остатки пришлось сбрить, и теперь его лицо такое же гладкое, как у тебя. И знаешь, вы с ним чем-то похожи.

Этим утром шуточки преследовали его повсюду, и наконец Пэт укрылся в баре Марио, через дорогу от студии.

Выпивку он не заказывал, поскольку было не на что — денег осталось всего тридцать центов, — но выпивать выпивал, периодически доставая из заднего кармана полпинтовую фляжку. Надо было поднять тонус, перед тем как просить займы, ибо он знал по опыту, что деньги легче одалживают тому, кто не кажется сильно нуждающимся.

Намеченный объект, Джефф Болдини, пребывал в наилучшем расположении духа. Он тоже был человеком творческим, только вполне преуспевающим, и как раз накануне одна вздорная примадонна разругала в пух и прах сделанный им парик. Он во всех подробностях поведал эту историю Пэту, который выслушал ее с должным вниманием и терпением, прежде чем изложить свою просьбу.

— Не выйдет, — отрезал Джефф. — Какого черта, ты еще не вернул мне то, что занял в прошлом месяце!

— Но сейчас я получил работу, — сказал Пэт. — Приступаю с завтрашнего дня. Эти деньги мне нужны, чтобы перекантоваться до аванса.

— Если только твою работу не перехватит Орсон Уэллс, — подначил Джефф.

Пэт сдержал раздражение и даже сумел выдавить из себя подобие угодливого смешка, как и положено просителю.

— Погоди-ка, — сказал Джефф, — а ведь ты и впрямь похож на этого парня.

— Ничего подобного.

— Нет, правда. И я могу сделать из тебя его точную копию. Приклею такую же бороду, и вас будет не различить.

— Да я не соглашусь быть двойником Уэллса и за пятьдесят тысяч!

Джефф изучающе оглядел его, склонив голову набок.

— Должно получиться, — сказал он. — Ну-ка, сядь в это кресло, я примерюсь.

— Черта с два!

— Да ладно тебе, Пэт. Это же пустяк, шутки ради. Тебе все равно сейчас нечем заняться — сам же сказал, что работа начнется завтра.

— Не хочу я цеплять эту бороду.

— Потом отцепишь, какие проблемы?

— Все равно не хочу.

— Тебе это ничего не будет стоить. Даже наоборот — если согласишься, я одолжу тебе десятку.

Полчаса спустя Джефф осмотрел полученный результат.

— Идеально, — сказал он. — И не только борода — глаза и все прочее тоже.

— Вот и хорошо. А теперь убери все это, — мрачно промолвил Пэт.

— Куда спешить? Бородач из тебя вышел что надо. Это же произведение искусства. Тебя бы сейчас в кадр! Жаль, что завтра ты будешь занят, а то Сэм Джонс как раз снимает эпизод с дюжиной бородачей, но один загремел в каталажку — полиция накрыла его в компании гомиков. В таком виде ты бы легко получил эту работу.

Пэт уже несколько недель не слышал слова «работа» и сам не смог бы объяснить, каким образом просуществовал все это время. Джефф заметил пробудившийся в нем интерес.

— А знаешь что? Давай-ка я отвезу тебя к Сэму прямо сейчас, — предложил он. — Бьюсь об заклад, он не догадается, что борода фальшивая.

— Я сценарист, а не фигляр из массовки!

— Успокойся, никто ведь не узнает, что это ты. Даю еще десятку.

На выходе из гримерной Джефф задержался и быстро написал на куске картона большими жирными буквами: «Орсон Уэллс». Эту табличку он сумел незаметно для Пэта прикрепить к лобовому стеклу своей машины.

Вместо того чтобы напрямик ехать на съемочную площадку, он промчался по центральной аллее студии и под предлогом каких-то неполадок в моторе остановился рядом с административным корпусом. И сразу же вокруг начала собираться небольшая, но весьма заинтересованная толпа. Однако в планы Джеффа не входили долгие остановки — он снова сел за руль и начал огибать здание столовой.

— Куда тебя понесло? — забеспокоился Пэт.

Он еще ранее предпринял нервную попытку избавиться от бороды, но та держалась на удивление крепко.

Он сообщил об этом Джеффу.

— Так и должно быть, — сказал Джефф. — Сработано на совесть, рассчитано надолго. Тебе потом придется ее отмачивать.

Машина притормозила перед входом в столовую. С заднего сиденья Пэт увидел множество вззирающих на него людей и тупо воззрился на них в ответ.

— Можно подумать, я единственный бородач на всей студии, — сказал он.

— Теперь ты можешь понять, каково Орсону Уэллсу.

— Да пропади он пропадом!

Люди снаружи, принимавшие копию за оригинал, были бы сильно озадачены, услышь они этот обмен репликами.

Джефф медленно покатил дальше по дорожке. Впереди показалась небольшая группа людей, двигавшихся прогулочным темпом. Один из них обернулся, заметил машину и привлек к ней внимание своих спутников. В следующий миг самый пожилой из них выбросил вперед руки, словно защищаясь от надвигающейся угрозы, а когда машина с ним поравнялась, плашмя рухнул на тротуар.

— Боже мой, ты это видел? — воскликнул Джефф. — Это же был мистер Маркус!

ИСТОРИИ ПЭТА ХОББИ (1940–1941)

Он затормозил. Какой-то взволнованный человек подбежал к ним и сунул голову в открытое окно:

— Мистер Уэллс, у мистера Маркуса сердечный приступ! Можно воспользоваться вашей машиной, чтобы доставить его в больницу?

Несколько мгновений Пэт смотрел на него в упор, а затем распахнул противоположную дверцу и выскочил из машины. Ненавистная борода отнюдь не помешала ему сразу со старта развить феноменальную скорость. Полисмен у ворот, не распознав харизматический образ, попытался остановить беглеца, но Пэт обошел его мастерским финтом и не замедлял хода, пока не достиг дверей бара Марио.

У стойки маячили три статиста-бородача, и Пэт с чувством огромного облегчения влился в круг себе подобных. Дрожащей рукой он извлек из кармана обретенную в тяжких муках десятку и хрипло проорал:

— Угощаю! Все бородатые пьют за мой счет!

Секрет Пэта Хобби

I

Голливудские кризисы имеют свои уникальные особенности и всегда протекают в крайне острой форме. При этом едва ли стоит ожидать, что кто-нибудь из больших боссов, стеная под гнетом неразрешимых проблем, демократично изольет свои печали простым смертным, не сидящим на студийном окладе. Любую проблему, будь она связана со здоровьем или со съемочным процессом, боссы отважно встречают лицом к лицу, чтобы тотчас препоручить ее решение тем, чьи потуги стоят от одной до пяти тысяч долларов в неделю. Так делается кино.

— ...однако этот случай просто из ряда вон, — жаловался мистер Бенизон. — Ума не приложу, каким образом артиллерийский снаряд может очутиться в багаже Клодетт Кольбер, или Бетти Филд, или кого там еще найдут на эту роль? А ведь нужно подать это так, чтобы публика поверила.

Он сидел в офисе Луи, студийного букмекера, а в число его слушателей, наряду с хозяином кабинета, входил distinguished сценарист-поденщик Пэт Хобби, сорока девяти лет от роду. Мистер Бенизон не ожидал от этой аудитории сколько-нибудь дельных советов; он просто говорил сам с собой о проблеме, которую вот уже неделю никак не удавалось решить.

— А кто делал сценарий? — спросил Луи.

— Р. Парк-Уолл, — с ненавистью произнес Бенизон. — Правда, идею я купил у другого писателя. Идея отличная,

но это было только начало картины. Потом я пригласил Парк-Уолла, этого драматурга, мы с ним пару раз встретились, посоветовались и придумали развитие сюжета. И вот, когда до финала уже было рукой подать, его агент вламывается ко мне и заявляет, что Уолл больше не промолвит ни слова, пока я не подпишу с ним контракт аж на два месяца — по три тысячи в неделю! А он мне нужен всего-то на один-единственный день!

Упомянутая сумма вызвала блеск в глазах старины Пэта. Десятью годами ранее он блаженно почивал на окладах примерно такого же размера — а сейчас радовался изредка брошенной кости в две-три сотни. Его талант, некогда ярко вспыхнувший, давно уж выгорел дотла, и надежд на «повторное возгорание» не было.

— Самая нелепость в том, что Уолл рассказал мне концовку!

— Тогда за чем же дело стало? — спросил Пэт. — Ты не обязан ему платить ни цента.

— Я ее забыл! — простонал Бенизон. — В тот момент я говорил сразу по двум телефонам — один звонок был, помнится, от режиссера со съемочной площадки, — а Уолл продолжал рассказывать свою историю. И сейчас я не могу вспомнить его слова и не могу вернуть его на работу.

Пэт Хобби, с его своеобразным пониманием справедливости, в данном случае был на стороне продюсера, а не коллеги-сценариста. Бенизон ловко перехитрил Уолла, но в самый последний момент получил жестокий удар ниже пояса. И теперь драматург, этот высокомерный сноб с восточного побережья, ухватил продюсера за глотку, намереваясь выдавить из него ни много ни мало двадцать четыре тысячи. Здесь кипела своя борьба — и дела им не было до краха европейского рынка. И дела им не было до мировой войны.

— Сейчас он в глубоком запое, — сказал Бенизон. — Я это знаю точно, поскольку нанял человека за ним при-

глядывать. Время уходит, так недолго и умом тронуться, имея на руках полноценный сюжет, но без развязки. А что толку в сюжете без развязки?

— Спьяну он может проболтаться, — резонно предположил Луи.

— Только не мне, — сказал Бенизон. — Я уже подумывал об этом, но он меня опознает, даже допившись до ручки.

Снова зайдя во все тот же тупик, мистер Бенизон сделал ставки в третьем и седьмом заезде и собрался во свояси, когда Пэт сказал:

— У меня есть идея.

Мистер Бенизон с недоверием заглянул в его красные, вечно воспаленные глаза.

— У меня сейчас нет времени это выслушивать, — сказал он.

— Идея не для продажи, — успокоил его Пэт. — В этом нет нужды, у меня на подходе контракт с «Парамаунтом». Но вот что я хочу сказать: когда-то я работал вместе с Парк-Уоллом и по старому знакомству, возможно, мне удастся что-нибудь из него вытянуть.

Пэт и мистер Бенизон вместе вышли из офиса Луи и, беседуя на ходу, прогулялись по территории студии. Спустя час, получив авансом пятьдесят долларов, Пэт подрядился выяснить, каким образом артиллерийский снаряд очутился в багаже Клодетт Кольбер, или Бетти Филд, или кого там еще угораздит сыграть эту роль.

II

Шлейф, оставляемый мистером Р. Парк-Уоллом в процессе его перемещений по Городу ангелов, не привлек бы внимания окружающих в разгульные двадцатые, но в самом начале тревожных сороковых он был так же не-

уместен, как громкий смех во время церковной службы. Посему проследить эти перемещения не составляло труда: его «настоятельно попросили» из двух отелей, что, впрочем, не создало ему особых проблем, ибо он уже достиг той стадии загула, когда мягкую постель с легкостью заменяет согнутый локоть на барной стойке. Небольшая, но бойкая свита из холуев и прилипал оказывала ему моральную поддержку в этих странствиях, к которым далеко за полночь присоединился и Пэт Хобби, настигший компанию в «Старинном баре Конка».

Внутреннее содержание бара Конка было еще внушительнее, чем его вывеска, — сразу на входе вас встречали продавщицы сигарет и швейцар-вышибала по имени Смит, однажды продержавшийся целый час против самого «Тарзана» Уайта. Мистер Смит был человеком крутого нрава, что среди прочего выражалось в увесистых тычках, которыми он придавал дополнительное ускорение всем входящим и выходящим клиентам. Не обделил он этим знаком внимания и Пэта. Вновь обретя равновесие уже в зале, Пэт огляделся и обнаружил Р. Парк-Уолла за большим столом в окружении разношерстной компании. Слегка вихляющей походкой он двинулся в ту сторону, всем своим видом выражая приятное удивление.

— Привет, старина, вот так встреча! — обратился он к Уоллу. — Помнишь меня — Пэт Хобби.

Р. Парк-Уолл, пытаясь поймать его в фокус, повел головой влево-вправо, потом наклонил ее и посмотрел исподлобья, затем задрал ее вверх и глянул из-под ресниц, после чего резко подался вперед и замер, как кобра перед броском. В конечном счете фокус, видимо, настроился, ибо он воскликнул:

— Пэт Хобби! Садись к нам и наливай себе чего хочешь. Джентльмены, это Пэт Хобби — лучший горе-писак во всем Голливуде. Как делишки, Пэт?

Пэт занял место за столом под настороженными взглядами дюжины хищных глаз — что, если это старый друг, подосланный семейством, дабы вернуть загулявшего драматурга домой?

Видя такое дело, Пэт повел себя осторожно и выждал с полчаса, пока не оказался в туалетной комнате наедине с Парк-Уоллом.

— Ты в курсе, Парк, что Бенизон устроил за тобой слежку? — обронил он как бы невзначай. — Не знаю только почему. Мне шепнул об этом на студии букмекер Лу.

— Не знаешь почему? — вскричал Парк-Уолл. — Зато я прекрасно знаю. У меня есть то, что ему до зарезу нужно, — вот почему!

— Ты ему задолжал?

— Задолжал? Ему?! Как раз наоборот — этот чертов ублюдок задолжал мне! Он должен мне заплатить за три долгих муторных совещания, когда я придумал и разложил по полочкам сюжет его треклятого фильма! То, что ему нужно, находится здесь. — И он постучал себя по лбу непослушным пальцем.

Еще час прошел в бурных возлияниях и бессвязных застольных речах. Пэт терпеливо ждал, когда запой по замкнутому кругу вернется к той же теме, — и с неизбежностью она снова всплыла в мозгу Парк-Уолла.

— Что самое забавное: я ведь рассказал ему, кто и почему подсунул в багаж чертов снаряд. А этот умник не сумел запомнить мой рассказ.

Тут Пэта посетило вдохновение.

— Зато секретарша запомнила, — брякнул он.

— Секретарша? — изумился Парк-Уолл. — Что-то я не припомню там секретарши.

— Она вошла во время твоего рассказа, — симпровизировал Пэт.

— Ну тогда он должен сполна заплатить мне за все! Он мне заплатит, или я притяну его к суду!

— Бенизон говорит, у него есть идея лучше твоей.

— Черта с два она лучше! Моя идея просто гениальна! Вот послушай...

Он говорил две минуты.

— Ну, что скажешь? — Он взглянул на Пэта, предвкушая его восторженную реакцию, но вдруг заметил в глазах собеседника совсем не то, на что рассчитывал. — Ах ты, вонючка! — вскричал он, обо всем догадавшись. — Ты говорил с Бенизоном — это он тебя подослал!

Драматург нетвердо вскочил на ноги — сей же миг Пэт кроликом юркнул прочь из-за стола и припустил к выходу. У него были все шансы опередить Уолла и благополучно выбраться на улицу, если бы не вмешательство мистера Смита.

— Куда это ты почесал? — поинтересовался он, сцапав Пэта за отворот пиджака.

— Держи его! — завопил, приближаясь, Парк-Уолл и с разгону нанес удар кулаком, предназначавшийся Пэту, но угодивший аккурат по физиономии мистера Смита.

Как уже отмечалось, мистер Смит был человеком крутого нрава и недюжинной силы. Он выпустил Пэта, без лишних слов схватил Парк-Уолла одной рукой за плечо, а другой — за промежность, поднял его высоко над головой и со всего маху шмякнул об пол. Через три минуты Парк-Уолл отдал концы.

III

Если не считать громких публичных скандалов вроде дела Арбакла, киноиндустрия обычно берет под защиту своих людей — а Пэт был частью киноиндустрии, пусть даже и малоценной. И уже на следующее утро его освободили из-под ареста без всякого залога, обязав явиться по вызову лишь в качестве свидетеля. Была в этом и по-

зитивная сторона: впервые за последний год его имя появилось на страницах официальных кинобюллетеней — какое ни есть, а все же паблисити. Чиста была и его совесть — на очистку оной от угрызений Пэту потребовалось всего пять минут сразу после того несчастного случая. И самое главное: сейчас он был единственным живым человеком, знавшим, как и почему артиллерийский снаряд попал в багаж Клодетт Кольбер, Бетти Филд и иже с ними.

— Когда ты зайдешь ко мне для разговора? — спросил мистер Бенизон.

— После завтрашнего дознания, — сказал Пэт, радуясь возможности помучить продюсера. — Я пока что слегка не в себе, до сих пор в ушах звон стоит.

Это было еще одной привилегией сильных мира сего. Только большие боссы могли ссылаться на здоровье так, чтобы эти ссылки принимались в расчет окружающими.

— Уолл в самом деле все тебе рассказал? — не успокаивался Бенизон.

— Все как на духу, — заверил его Пэт. — И эта история стоит много больше полусотни баксов. Я собираюсь нанять нового агента, и мы обсудим все в его присутствии.

— У меня есть предложение получше, — заторопился Бенизон. — Я подкину тебе работу на четыре недели по твоей обычной цене.

— А какова моя цена? — хмуро поинтересовался Пэт. — Мне случалось работать по разным, от четырех тысяч до нуля включительно. — И добавил афоризм, равно применимый к любой сумме: — Как говаривал Шекспир: «У каждого есть своя цена».

...Прихлебатели покойного мистера Р. Парк-Уолла растаяли без следа, забившись в свои крысиные норы с наспех прихваченной скудной добычей, так что перед следствием, помимо обвиняемого мистера Смита, предстала

только троица свидетелей: Пэт и две испуганные продавщицы сигарет. Защита мистера Смита упирала на то, что он подвергся нападению. В ходе дознания одна из девиц это подтвердила, тогда как другая сочла поведение Смита чрезмерно жестоким. Следующим на очереди был Пэт Хобби, но еще до того, как прозвучало его имя, позади раздался негромкий, но вызывающий дрожь голос:

— Только попробуй настучать на моего мужа — язык вырву с корнем!

За его спиной, подавшись вперед, сидела женщина-динозавр ростом никак не менее шести футов при соответствующем размахе плеч.

— Пэт Хобби, пройдите сюда, пожалуйста... Итак, мистер Хобби, расскажите нам подробно о том, что произошло.

Подняв глаза, Пэт встретил тяжелый, мрачный взгляд мистера Смита, и взгляд этот, казалось, проникает вглубь его головы и через затылок добирается до самых корней языка. Неудивительно, что он заколебался с ответом.

— Точно не знаю, — промямлил Пэт, и тут его осенило: — Помню только, что все вокруг стало белым.

— Что?

— Именно так. Все вдруг побелело. Знаете, как оно бывает — у кого-то в глазах красная пелена, у кого-то черная, а у меня случилась белая.

Представители власти тихо посовещались.

— А вы можете описать, что произошло с момента вашего появления в ресторане до момента, когда все стало белым?

— Ну, в общем... — замялся Пэт. — В общем, так оно все и было. Я вошел, сел за столик, и все вокруг стало черным.

— Белым, вы хотите сказать?

— Черно-белым, — уточнил Пэт.

Позади него раздались смешки.

— Свидетель может быть свободен. Дело возвращается на исследование.

Ставки были высоки, и при таком раскладе ночной кошмар с преследующей его гороподобной амазонкой не стоило принимать слишком всерьез. Правда, наутро Пэту понадобилась хорошая порция виски, чтобы успокоить расшалившиеся нервы перед встречей в офисе мистера Бенизона. Он явился туда в сопровождении своего нового агента — одного из немногих голливудских агентов, еще ни разу не имевших дела с Пэтом и, соответственно, ни разу не посылавших его ко всем чертям.

— Кругленькая сумма в пять сотен, — предложил Бенизон. — Или четыре недели работы с другим фильмом по двести пятьдесят в неделю.

— Насколько сильно вы нуждаетесь в этой информации? — спросил агент. — По мнению моего клиента, она стоит не менее трех тысяч.

— Из моего кармана? — вскричал Бенизон. — А ведь это даже не его собственная идея! После смерти Уолла она считается всеобщим достоянием.

— Не совсем так, — сказал агент. — Я, как и вы, считаю, что идеи витают в воздухе и переходят во владение того, кто первый сумел их поймать, — как воздушный шарик.

Все трое помолчали, представляя себе этот процесс.

— Ладно, какова ваша цена? — нервно спросил Бенизон. — И где гарантии, что идея у него есть?

Агент повернулся к Пэту:

— Мы позволим ему это узнать — за тысячу долларов?

Пэт кивнул, но с задержкой и не вполне уверенно. Его, похоже, что-то беспокоило.

— Хорошо, — сказал Бенизон. — Сил больше нет терпеть эту пытку. Согласен на тысячу.

ИСТОРИИ ПЭТА ХОББИ (1940–1941)

Повисла пауза.

— Выкладывай, Пэт, — сказал агент.

Со стороны Пэта не раздалось ни звука. Они ждали. А когда Пэт наконец заговорил, возникло ощущение, что голос его доносится откуда-то из дальнего далёка.

— Все стало белым, — промолвил он.

— Что?!

— Ничего не получается — все стало белым. И я вижу только это — белизну. Помню, как зашел в бар, а потом все становится белым.

Сперва они решили, что Пэт просто тянет время для большего эффекта, но вскоре агент понял, что у него действительно случился провал в памяти. Секрет Р. Парк-Уолла ушел в небытие вслед за ним.

Пэт слишком поздно сообразил, что от него ускользает тысяча долларов, и попытался исправить положение:

— Я помню! Помню! Снаряд подложил чокнутый нацистский диктатор.

— А может, девчонка сама запихнула его в чемодан? — язвительно спросил Бенизон. — Перепутала снаряд с браслетом?

...Еще долгие годы мистер Бенизон будет терзаться, вспоминая об этой неразрешенной проблеме. А в тот момент, злобно глядя на Пэта Хобби и его агента, он от души пожелал, чтобы все гнусные писаки однажды исчезли с лица земли за ненужностью. И пусть идеи витают себе в бесплатном воздухе, как воздушные шарик, — лови не хочу.

Пэт Хобби, предполагаемый отец

I

Большинство сценаристов выглядят точь-в-точь как сценаристы, желают они того или нет. Трудно сказать, почему так выходит, — ибо они зачастую наряжаются под уолл-стритских брокеров, или техасских скотовладельцев, или английских колониальных первопроходцев, — но в любом наряде любой из них выглядит самым типичным сценаристом, достойным занять место в газетных карикатурах наряду с другими легкоузнаваемыми типажамии вроде «Простаков» или «Шарлатанов».

Пэт Хобби являлся исключением. Он не был похож на сценариста. Лишь в одном-единственном уголке страны он еще мог худо-бедно сойти за представителя индустрии развлечений. Но и здесь его скорее приняли бы за незадачливого статиста или за актера эпизодических, а то и вовсе эфемерных ролей вроде «отца семейства, который вот-вот должен прийти домой». И все же Пэт Хобби был сценаристом, в этом качестве приложив руку к созданию более двух дюжин фильмов, — правда, почти все они вышли на экраны до 1929 года.

«Сценарист?» — недоверчиво спросили бы вы при виде Пэта. Однако посудите сами: у него был свой письменный стол в сценарном корпусе киностудии, у него были карандаши, бумага, секретарша, коробочка с канцелярскими скрепками и блокнот для записей. Он сидел на продавленном стуле, а его воспаленные — но сейчас не так что-

бы очень сильно — глаза пробежали по страницам свежего «Репортера».

— Что ж, пора за работу, — сказал он мисс Роденбуш в одиннадцать часов.

— Что ж, пора за работу, — сказал он в двенадцать.

В четверть первого он ощутил позывы голода. До той поры каждое его действие (точнее, каждый момент его бездействия) полностью соответствовало профессиональным традициям. Присутствовало и знакомое многим сценаристам легкое раздражение оттого, что никто ему не досаждал, никто его не беспокоит, никто не пытается вывести его из полудремотного состояния, в котором он обычно пребывал на протяжении всего рабочего дня.

Он уже было собрался отчитать свою секретаршу за то, что она якобы на него таращится, когда наконец-то его потревожили. В дверь постучал один из студийных администраторов, принеший Пэту записку от его босса Джека Бернерса:

Дорогой Пэт!

Пожалуйста, отвлекись ненадолго от своих дел и покажи этим людям студию.

Джек

— Что за чертовщина! — искренне возмутился Пэт. — Как я смогу выполнить работу в срок, если мне одновременно навязывают роль экскурсовода! Кто эти люди?

— Понятия не имею, — сказал администратор. — Один из них вроде бы индус или еще какой азиат, смахивает на статиста из «Бенгальского улана». По-английски не говорит. А второй...

Пэт уже надевал пальто, собираясь выяснить все на месте.

— Я вам сегодня больше не понадоблюсь? — спросила мисс Роденбуш.

Пэт взглянул на нее с неизбывным упреком и направился к выходу.

Экскурсанты дожидались его перед сценарным корпусом. Азиат, высокий и осанистый, был в дорогом английском костюме с неанглийским дополнением в виде тюрбана. Его спутником оказался бледнокожий юнец лет пятнадцати, на котором — помимо тюрбана — были безукоризненно скроенные бриджи и куртка для верховой езды.

Оба церемонно поклонились.

— Как я понял, вы желаете осмотреть студию, — сказал Пэт. — Вы друзья Джека Бернерса?

— Скорее, знакомые, — уточнил юнец. — Разрешите представить вам моего дядю: сэр Сингрим Дак Радж.

Судя по всему, компания задумала римейк «Бенгальского улана», решил Пэт, а этот тип будет играть вождя горцев, засевших на Хайберском перевале. Глядишь, и Пэту перепадет какая работенка — скажем, за триста пятьдесят в неделю. Почему бы и нет? Уж он-то знает, как писать такие вещи:

КРАСИВЫЙ ОБЩИЙ ПЛАН. УЗКОЕ УЩЕЛЬЕ

Показаны горцы, ведущие огонь из-за скал.

СРЕДНИЙ ПЛАН

Сраженный пулей горец падает вниз головой с высокой скалы (задействовать каскадера).

СРЕДНЕОБЩИЙ ПЛАН. ДОЛИНА

Британские солдаты выкатывают пушки на боевые позиции.

— Вы надолго в Голливуд? — закинул он крючок, обращаясь к старшему.

— Дядя не говорит по-английски, — сказал юнец спокойно. — Мы здесь пробудем лишь пару дней. Тут вот еще в чем дело — я, понимаете ли, ваш предполагаемый сын.

II

— ...и еще очень хотелось бы повидать Бониту Грэнвилл, — не умолкал юнец. — Я узнал, что сейчас она снимается на вашей студии.

Они втроем уже двигались в сторону технического отдела, а до Пэта только сейчас начал доходить смысл сказанного ранее.

— Вы мой — кто? — переспросил он.

— Ваш предполагаемый сын, — повторил юнец слегка нараспев. — Юридически я являюсь сыном раджи Дак Радж Индора, но при рождении был назван Джоном Брауном Хобби.

— Вот как? — спросил Пэт. — Ну и что это означает?

— Моя мать — Делия Браун, на которой вы женились в двадцать шестом году. А в двадцать седьмом, когда она с вами развелась, мне было несколько месяцев от роду. Потом она уехала со мной в Индию и вышла за моего нынешнего официального отца.

— Надо же... — пробормотал Пэт; они меж тем дошли до технического отдела. — Так вы хотели повидать Бониту Грэнвилл?

— Да, — сказал Джон Хобби Индор, — если получится.

Пэт просмотрел вывешенное на стене расписание съемок.

— Может, и получится, — промолвил он. — Пойдем туда и разберемся на месте.

Они направились к четвертому павильону, и только сейчас Пэт наконец взорвался:

— Да что это значит — «мой *предлагаемый* сын»?! Я, конечно, рад знакомству и все такое, но скажи прямо: ты и есть тот самый ребенок, которого Делия родила в двадцать шестом?

— *Предположительно* я ваш сын, — сказал Джон Индор. — На тот момент вы с ней состояли в законном браке.

Он повернулся к своему дяде и быстро заговорил на хиндустани. Дядя наклонил голову, внимательно слушая, затем взглянул на Пэта с холодным любопытством и молча пожал плечами. При этом Пэт почувствовал себя весьма неуютно.

Когда они проходили мимо студийной столовой, Джон пожелал завернуть туда, «чтобы купить дядюшке хот-дог». Похоже, сэр Сингрим пристрастился к этому кушанью при посещении Всемирной выставки в Нью-Йорке, откуда они только что прибыли, а уже завтра отплывали в Мадрас.

— ...так или иначе, я должен увидеть Бониту Грэнвилл, — рассуждал Джон все о том же. — Совсем необязательно с ней знакомиться. Я для нее слишком молод, — по нашим меркам, она уже в немолодых годах. Но увидеть ее мне бы очень хотелось.

Как назло, этот день оказался неудачным для экскурсий. Лишь один из занятых съемкой режиссеров принадлежал к старой гвардии и мог бы дружески принять Пэта — однако на входе ему сообщили, что перед тем исполнитель главной роли запутался в репликах, впал в истерику и потребовал очистить павильон от посторонних.

В отчаянии Пэт повел гостей на открытую площадку и продемонстрировал фальшивые корпуса кораблей, декорации городских и сельских улиц, а также ворота средневекового замка, каковое зрелище вызвало некоторый интерес у юнца, но ничуть не впечатлило его дядю. Всякий раз, когда Пэт заводил их за очередной бутафорский фасад, сэр Сингрим всем видом выказывал разочарование и презрение.

— Что он сказал? — поинтересовался Пэт у своего отпрыска после того, как сэр Сингрим увидел витрину юве-

лирного магазина с Пятой авеню и устремился внутрь, но обнаружил там лишь строительный мусор.

— Он третий по богатству человек в Индии, — сказал Джон. — Ему противно смотреть на все это. Он сказал, что никогда больше не получит удовольствия от американских фильмов. Он сказал, что купит одну из кинокомпаний в Индии и сделает съемочные площадки такими же натуральными, как Тадж-Махал. И еще он думает, что ваши актрисы тоже фальшивые — один лишь фасад — и потому вы не хотите нам их показывать.

Начальная фраза этой речи отозвалась нежным звоном в голове Пэта. Если и было на свете что-то по-настоящему им любимое, так это деньги — солидный куш, разумеется, а не жалкие периодические подачки в две с половиной сотни, за которые боссы покупали его свободу.

— Вот что мы сделаем, — сказал он, вдруг исполнившись решимости. — Мы попробуем пробраться в четвертый павильон и взглянуть на Бониту Грэнвилл.

Четвертый павильон был заперт на все замки и засовы — этот режиссер терпеть не мог посетителей, и к тому же сейчас там велись комбинированные съемки. В широком смысле под этим подразумевались всевозможные постановочные находки, которые каждая студия старалась держать в секрете от конкурентов. В более узком смысле «комбинированная съемка» означает, что ранее отснятый движущийся фон проецируется на прозрачный экран, по другую сторону которого актеры разыгрывают сцену, снимаемую кинокамерой. При этом проектор с одной стороны экрана и камера с другой стороны синхронизируются таким образом, чтобы в результате получалось, к примеру, изображение актера, стоящего на голове среди безразличной к нему толпы на 42-й улице, — реального актера среди реальной толпы, — и неискушенный зритель мог

лишь догадываться, что его вводят в заблуждение, не понимая, каким образом.

Пэт попытался объяснить эти тонкости Джону, однако тот был слишком занят, пытаясь разглядеть Бониту Грэнвилл из-за большой кучи свернутых канатов и пожарных ведер, служивших им укрытием. В павильон они проникли не через главный вход, а через знакомую Пэту боковую дверцу для техперсонала.

Утомленный долгими блужданиями по киностудии, Пэт извлек из кармана фляжку и предложил ее сэру Сингриму, который сделал отрицательный жест. Предлагать выпивку Джону он не стал.

— Не то будешь плохо расти, — пояснил он серьезно и хорошенько приложился к горлышку.

— А я и не прошу, — сказал Джон с достоинством.

Внезапно он весь напрягся, всего в каких-то двадцати футах заметив предмет своего поклонения, превосходящий величиим самого Шиву, — без сомнения, то были ее спина, ее профиль, ее голос! А потом она удалилась.

Глядя на его лицо в этот момент, Пэт даже растрогался.

— Мы можем подобраться поближе, — предложил он. — Пройдем через танцзал, там сегодня не должно быть съемок — мебель накрыта чехлами.

И они пошли на цыпочках, Пэт впереди, за ним сэр Сингрим, а замыкающим Джон. Так они и продвигались с максимальной осторожностью, когда Пэт услышал не подалеку команду: «Свет!» — и замер как вкопанный. Затем в глаза им ударил ослепительно-белый свет, чей-то голос прокричал: «Тишина! Мотор!» — и Пэт стремглав помчался сквозь белое безмолвие, сопровождаемый двумя спутниками.

Безмолвие не продлилось долго.

— Стоп! — завопил голос. — Что там творится, черт побери?!

С режиссерского места происходящее в тот миг на экране выглядело как фантасмагория. Три гигантские фигуры (включая две с тюрбанами на голове), нелепо подпрыгивая в слепящем луче проектора, промчались через пейзаж новоанглийского портового городка. Таким образом, принц Джон Индор не только имел счастье лицезреть Бониту Грэнвилл — он оказался с ней в одном кинокадре. И огромная тень его ноги чудесным образом прошла сквозь белокурую головку актрисы.

III

Довольно долго они просидели под замком, пока охрана пыталась связаться с Джеком Бернерсом, к тому времени уже покинувшим студию. Так что у них было достаточно времени для беседы. Последняя по большей части представляла собой пространный и весьма экспрессивный монолог сэра Сингрима, который Джон переводил Пэту, смягчая если не выражения, то хотя бы интонации.

— Мой дядя говорит, что его брат хотел что-нибудь для вас сделать. Его брат думал, что вы прославленный литератор, и собирался пригласить вас в свое княжество для написания его биографии.

— Да я никогда и не корчил из себя...

— Теперь мой дядя убедился, что вы просто жалкий пачкун, к тому же допустивший, чтобы в вашей стране его оскорбили своим прикосновением какие-то псы-полисмены.

— Ох уж эти «бананы»... — буркнул Пэт еле внятно.

— Он говорит, что моя мать всегда желала вам добра. Но сейчас она занимает высокое, священное положение и не может снизойти до личной встречи с вами. Он говорит, что отсюда мы направимся в наши апартаменты

в отеле «Амбассадор», где будем медитировать и молиться, а после уведомим вас о своем решении.

К тому времени, как их освободили и магараджи отправились к своей машине в сопровождении записного студийного «извиняльщика», Пэт уверился, что решение они уже приняли загодя. Он был донельзя зол. Еще бы: лишиться работы только потому, что помог сыну взглянуть на мисс Грэнвилл. Впрочем, Пэт не думал, что его выгонят со студии немедленно, а вот по завершении недельного контракта — это как пить дать. Но даже после всех перипетий этого дня в голове Пэта накрепко засела фраза о том, что сэр Сингрим — «третий по богатству человек в Индии». И, перекусив в баре на Ла-Сьенега, он отправился в отель «Амбассадор», чтобы узнать последствия молитв и медитаций.

В сентябре темнеет довольно рано. «Амбассадор» был для Пэта связан с чудными воспоминаниями молодости — чего стоила хотя бы «Кокосовая роща», где режиссеры по вечерам встречали миловидных девиц и к утру превращали их в кинозвезд. Сейчас у парадного входа отеля происходила какая-то суета, и Пэт задержался, чтобы понаблюдать. Крайне редко ему случалось видеть такое количество багажа — даже при переездах Глории Свенсон или Джоан Кроуфорд масштабы были поменьше. Затем он увидел двух или трех слуг в тюрбанах, возящихся с багажом, и все понял. Магараджи от него сбегали.

Когда сэр Сингрим Дак Радж и его племянник, одновременно — будто по команде — натягивая перчатки, вышли на улицу, Пэт шагнул из сумрака им навстречу.

— Драпаете, да? — спросил он. — Как вернетесь к себе, скажите им всем, что один американец мог бы...

— Я оставил вам записку, — прервал его принц Джон. — Я считаю, что сегодня днем вы держались до-

стойно, однако ситуация сложилась на редкость неприятная.

— Да уж, на редкость, — согласился Пэт.

— И мы назначили вам обеспечение, — продолжил Джон. — Помолившись и помедитировав, мы решили, что вы до конца своих дней будете получать пятьдесят соверенов в месяц — это порядка двухсот пятидесяти долларов.

— На каких условиях? — с подозрением спросил Пэт.

— Выплаты прекратятся только в случае...

Джон закончил фразу шепотом на ухо Пэту, и лицо последнего осветилось облегчением. Условие не имело ничего общего с алкоголем и блондинками, — по сути, оно не имело ничего общего с самим Пэтом Хобби.

Джон забрался в лимузин.

— Прощай, предполагаемый отец, — сказал он почти ласково, прежде чем захлопнулась дверца.

— Прощай, сынок, — промолвил Пэт ему вслед и провожал взглядом машину, пока та не скрылась вдали, а затем отвернулся, чувствуя себя, как... как Стелла Даллас. В глазах его стояли слезы.

Он был предполагаемым отцом — что бы это ни значило. Чуть поразмыслив, он решил: так оно все же лучше, чем не быть отцом вообще.

IV

На следующий день он пробудился очень поздно с радостно-похмельным ощущением, причину которого смог вспомнить не сразу, пока в голове его вновь не прозвучал голос юного Джона, повторяющий шепотом: «Пятьдесят соверенов в месяц при одном условии — выплаты прекратятся в случае войны, когда все доходы нашего княжества перейдут под контроль Британской империи».

Спустя мгновение Пэт с тревожным криком устремился к двери. У порога не было ни «Лос-Анджелес таймс», ни «Экзаминера» — только бульварный ежедневник «Тодди». Пэт лихорадочно перелистал желтые страницы. И в самом конце, после рекламок и частных объявлений, после бесконечных таблиц с результатами бесконечных скачек, его взгляд наткнулся на коротенькое сообщение:

Лондон, 3 сентября. Сегодня утром Чемберлен объявил войну Германии. Из Европы телеграфируют: «Англия верит в победу, Франция не отступит, Россия ждет своего часа».

В гостях у звезд

Под большим полосатым зонтом на пешеходной дорожке бульвара, объятый волнами голливудской жары, сидел человек. Звали его Гас Венске (никакого родства со спортсменом); одет он был в пурпурные брюки, светло-вишневые туфли и небесно-голубую рубаху из модного магазинчика на Вайн-стрит, по виду практически неотличимую от пижамы. Гас Венске не был чудаком или клоуном, и наряд его вполне соответствовал характеру его профессиональной деятельности, о каковой свидетельствовал плакат, помещенный рядом с зонтом:

ПОСЕЩЕНИЕ ДОМОВ КИНОЗВЕЗД.

Клиенты не спешили появляться, и от нечего делать Гас окликнул не слишком презентабельного мужчину, который стоял неподалеку перед пыхтящей и дымящейся машиной, озадаченно наблюдая за ее попытками остыть.

— Эй, приятель! — позвал его Гас. — Не хочешь поглядеть дома звезд?

Мужчина оторвал налитый кровью взгляд от своего авто и перевел его на Гаса.

— Навидался уже, — сказал он презрительно. — Сам в кино работаю.

— Актер?

— Сценарист.

Пэт Хобби теперь стоял спиной к своей машине, со свистом выпускавшей пар из радиатора, подобно неболь-

шому паровозу. Насчет домов звезд он сказал правду — только сейчас это уже было в прошлом. Некогда его имя то и дело мелькало на экране в те несколько секунд, что отводятся в титрах для указания сценариста, но последние пять лет услуги Пэта пользовались все меньшим спросом.

Настало время обеда, и Гас закрыл свою лавочку на перерыв, запихнув буклеты и карты в портфель и удалившись с ним под мышкой. Солнце пекло немилосердно, и Пэт Хобби нашел укрытие под зонтом, развлекаясь просмотром оброненного мистером Венске буклетика. Всей наличности у Пэта было ровно четырнадцать центов, иначе он позвонил бы в гараж и вызвал механиков, а так оставалось только ждать.

Через несколько минут к обочине подрулил лимузин с миссурийскими номерами, в котором позади шофера сидели миниатюрный седоусый джентльмен и крупная дама с собачкой. Они обменялись парой фраз, после чего дама высунулась из окна и неуверенно обратилась к Пэту:

— А кого из кинозвезд мы сможем посетить?

Пэт замешкался с ответом, не сразу уяснив, о чем идет речь.

— То есть мы могли бы войти к Роберту Тейлору, или Кларку Гейблу, или Ширли Темпл?

— Почему бы нет, если вас туда пустят, — сказал Пэт.

— Я вот о чем, — продолжила дама, — если нам удастся попасть в самые лучшие дома, к первоклассным звездам, мы готовы заплатить больше вашей обычной цены.

Для Пэта Хобби забрезжил луч света. Перед ним были простак с кучей денег. Рыбка сама просилась на крючок, а в Голливуде такие шансы упускать не принято. Лови свой шанс, и будешь ты в шикарных ресторанах кутить ночь напролет с шампанским и девочками — или хотя бы купишь новую шину к своему дряхлому авто.

Он поднялся со скамеечки и подошел к лимузину.

— Что ж, я могу вам это устроить, — сказал он, тотчас испытав серьезные сомнения на сей счет. — Вы готовы заплатить вперед?

Эти двое переглянулись.

— Думаю, мы можем дать вам авансом пять долларов, — сказала дама, — и еще пять получите, если мы попадем в дом Кларка Гейбла или кого-нибудь такого же известного.

В славные старые времена для Пэта Хобби это было бы раз плюнуть. Он тогда выпускал по двенадцать-пятнадцать фильмов в год и запросто общался со многими звездами, от которых в ответ на подобную просьбу наверняка услышал бы: «Да ради бога, Пэт, если тебе это нужно». Но сейчас он мог припомнить лишь немногих, кто его хотя бы узнавал и разговаривал с ним на съемочных площадках: Мелвина Дугласа, Роберта Янга, Рональда Колмана, Фэрбенкса-младшего. А те, с кем он когда-то водил дружбу, в большинстве своем уже ушли на покой — а то и на тот свет.

Он имел очень слабое представление о том, где проживают новые звезды, но, по счастью, еще ранее заметил в буклете Венске несколько дюжин имен с адресами и карандашными пометками после каждого.

— Конечно, нельзя гарантировать, что кто-нибудь из них окажется дома, — сказал он. — В это время они могут быть на съемках.

— Мы это понимаем. — Дама взглянула на автомобиль Пэта. — Полагаю, лучше воспользоваться нашей машиной.

— Согласен.

Пэт уселся на переднее сиденье рядом с шофером, быстро рассчитывая свои дальнейшие действия. Из актеров дружелюбнее всех с ним здоровался Рональд Колман, и, хотя до сих пор их общение ограничивалось лишь взаимными приветствиями, Пэт мог пойти дальше под предлогом изложения Колману интересного сюжета.

Еще лучше, если Колмана не окажется дома и Пэт сможет продемонстрировать клиентам интерьер его жилища. Эту процедуру можно будет повторить в домах Роберта Янга, Дага Фэрбенкса-младшего и Мелвина Дугласа. К тому времени дама уже позабудет о Гейбле, и все благополучно закончится.

Он нашел в буклете адрес Колмана и назвал его водителю.

— Одна наша знакомая сфотографировалась с Джорджем Brentом, — сказала дама, когда машина тронулась. — Я про миссис Хорас Дж. Айвз.

— Она наша соседка, — пояснил мужчина. — Живет в доме триста семьдесят два по Роуз-драйв в Канзас-Сити. А мы живем в триста двадцать седьмом.

— И она сфотографировалась вместе с Джорджем Brentом. Интересно, пришлось ли ей за это заплатить? Если так, она зашла слишком далеко, и мы не должны следовать ее примеру. Что подумают люди в нашем городе?

— Конечно, мы не должны заходить слишком далеко, — согласился ее супруг.

— И с кого мы начнем? — спросила дама, устраиваясь поудобнее.

— Так или иначе, мне надо нанести пару-другую визитов, — сказал Пэт. — Сначала заедем к Рональду Колману.

— Ах, это один из моих любимых актеров! Вы хорошо с ним знакомы?

— Еще бы, — сказал Пэт. — Видите ли, я на этой работе лишь временно — подменяю знакомого. А вообще-то, я писатель-сценарист.

И, будучи уверен, что широкой публике известны имена от силы двух-трех сценаристов, он преспокойно назвался автором нескольких популярных картин.

— Это очень интересно, — сказал супруг. — Мне довелось однажды повидать писателя — не то Эптона Синклера, не то Синклера Льюиса. Оказался неплохим парнем, даром что социалист.

— А почему вы сейчас не работаете над фильмами? — спросила дама.

— Дело в том, что мы сейчас бастуем, — нашелся Пэт. — Так решила Гильдия сценарных драматургов.

— О-о... — только и вымолвили клиенты, с опаской взирая на «сталинского эмиссара», оккупировавшего переднее сиденье их лимузина.

— И по какому поводу вы бастуете? — спросил мужчина тревожно.

Политическое образование Пэта находилось на рудиментарном уровне, так что ему пришлось поднапрячься.

— Это... за лучшие условия жизни, — сообщил он наконец. — Бесплатные карандаши и бумага. Ну и все такое прочее — об этом написано в законе Вагнера... И еще за признание Финляндии, — добавил он после паузы.

— Я и не знал, что у сценаристов есть свой профсоюз, — сказал мужчина. — Но если вы сейчас бастуете, кто же пишет сценарии к новым фильмам?

— Сами продюсеры, — сказал Пэт со злостью. — Вот почему все эти фильмы — дрянь несусветная.

— Такое положение вещей трудно назвать нормальным.

Впереди показался дом Рональда Колмана, и Пэт нервно сглотнул, заметив перед крыльцом новенький сверкающий родстер.

— Лучше мне сначала зайти одному, — сказал он. — Я к тому, что не хотелось бы всем вместе нарваться на какую-нибудь семейную сцену.

— А у них случаются семейные скандалы? — чрезвычайно оживилась дама.

— Ну, вы же знаете, как это бывает с людьми, — умудренно заметил Пэт. — Поэтому желательно сперва разведать обстановку.

Лимузин остановился. Пэт набрал в легкие воздуха и выбрался наружу. В тот же момент открылась дверь дома и Рональд Колман быстрым шагом направился по дорожке в его сторону. Сердце Пэта замерло, когда актер взглянул прямо на него.

— Привет, Пэт, — сказал он, даже не подумав, что тот может направляться именно к нему, после чего вскочил в родстер, и рев его мотора заглушил ответное приветствие Пэта Хобби.

— Он назвал вас просто «Пэт», — сказала дама, заметно впечатленная.

— Похоже, он сильно спешил, — сказал Пэт. — Но быть может, нам удастся осмотреть его дом.

Идя по дорожке, он про себя репетировал обращение к домочадцам: мол, он друг мистера Колмана, который позволил ему взглянуть на это жилище...

Однако дом оказался заперт, и никакие домочадцы не ответили на звонок. Что ж, оставалось попытать счастья с Мелвином Дугласом, который, если подумать, обращался к Пэту даже сердечнее, чем Колман. Как бы то ни было, вера клиентов в своего провожатого теперь существенно окрепла. «Привет, Пэт» из уст звезды стало для них убедительным подтверждением его — а теперь и их самих — причастности к магическому кругу избранных.

— Давайте теперь навестим Кларка Гейбла, — предложила дама. — Хочу сказать пару ласковых Кэрол Ломбард насчет ее прически.

Пэт содрогнулся при одной мысли о таком «оскорблении величества». Он лишь однажды перемолвился словечком с Кларком Гейблом на каком-то большом приеме

и очень сильно сомневался, что мистер Гейбл его запомнил.

— Полагаю, сначала стоит заглянуть к Мелвину Дугласу, а потом к Бобу Янгу или Дагу-младшему. Они нам как раз по пути. А Гейбл и Ломбард живут далеко отсюда, в долине Сан-Хоакин.

— Жаль, — разочарованно молвила дама. — Мне бы хотелось осмотреть их спальню. Что ж, тогда поедem к Ширли Темпл. — Она взглянула на свою собачонку. — Уверена, Буджи одобрит этот выбор.

— Знаете, они там не очень рады гостям — боятся похитителей, — сказал Пэт.

Глубоко оскорбленный, мужчина выхватил из кармана визитную карточку и вручил ее Пэту.

ДИРИНГ Р. РОБИНСОН

Вице-президент

Председатель совета директоров

Компания «Робдир»

Пищевые продукты

— Разве похоже, что я собираюсь похитить Ширли Темпл?

— Просто они помешаны на безопасности, — сконфуженно пояснил Пэт. — Но после Мелвина...

— Нет, мы сейчас же едем к Ширли Темпл! — заявила дама. — Именно туда! Разве я сразу не предупредила вас, чего хочу?

Пэт колебался.

— Хорошо, но сперва остановимся у какого-нибудь магазина, я оттуда позвоню и договорюсь о встрече.

В магазине он разменял пятидолларовую банкноту, купив полпинты джина, и в закутке за стеллажами подкрепился парой больших глотков, чтобы лучше обмозговать

ситуацию. Конечно, он мог прямо сейчас удрать от мистера и миссис Робинсон, — в конце концов, за эту пятерку он показал им Рональда Колмана, да еще и в озвученной версии. С другой стороны, был шанс тихо-мирно разминуться с мисс Темпл, а пять лишних баксов очень быгодились Пэту завтра на скачках. Джин придал ему храбрости и, вернувшись к лимузину, он назвал шоферу адрес.

Однако на подъезде к особняку Темплов он упал духом при виде высоченной решетки и автоматических ворот. А вдруг у этих экскурсоводов должна быть лицензия для допуска?

— Это не здесь, — торопливо сказал он водителю. — Я спутал адрес. Наверно, это один из соседних домов.

Они двинулись дальше, пока Пэт не остановил выбор на большом особняке с просторной лужайкой. Выйдя из машины, он отправился на разведку. С Ширли Темпл ему явно не повезло и сейчас нужно было выкручиваться — например, вернуться с сообщением, что у юной актрисы свинка. Для убедительности можно будет показать клиентам с лужайки окно, за которым якобы лежит сраженная недугом Ширли.

На звонок никто в доме не среагировал, но он заметил, что дверь прикрыта неплотно. Осторожно ее отворив, он очутился в роскошной гостиной и прислушался. Ни единого звука — ни шагов наверху, ни голосов на кухне. Пэт еще раз отхлебнул из бутылки, после чего быстрым шагом вернулся к лимузину.

— Ширли сейчас на студии, — сообщил он, — но, если вести себя тихо, можно будет осмотреть их гостиную.

Робинсоны с энтузиазмом покинули машину и последовали за ним, прихватив крошку Буджи. Гостиная вполне могла принадлежать семейству Темпл в том смысле, что она походила на многие другие гостиные голливуд-

ской знати. Пэт заметил в углу детскую куклу и не преминул указать на эту находку; миссис Робинсон тут же ее схватила и, благоговейно оглядев со всех сторон, поднесла к мордочке Буджи, которая равнодушно фыркнула.

— Могу я поговорить с ее мамой? — спросила она.

— Нет, она уехала по делам — дома никого нет.

Последнее замечание Пэт сделал не подумав.

— Ах, никого? Ну тогда крошке Буджи будет интересно взглянуть на ее спальню.

Пэт и опомниться не успел, как дама взбежала по лестнице. Мистер Робинсон последовал за супругой, а Пэт остался в холле, готовый задать стрекача при звуке подъезжающей машины либо при подозрительном шуме наверху.

Он прикончил бутылку джина и культурно от нее избавился, засунув под диванную подушку, подождал еще немного и, поскольку обследование спальни непозволительно затягивалось, отправился за своими клиентами. На лестнице до него донесся голос миссис Робинсон:

— Странно, что здесь только одна детская спальня. Насколько помню, у Ширли были братья.

Винтовая лестница располагалась напротив фасадного окна, и Пэт со ступенек увидел, как на подъездную дорожку свернула большая машина. Вышедший из нее человек также являлся голливудской знаменитостью, и, хотя он не принадлежал к когорте звезд, за которыми гонялась миссис Робинсон, по могуществу и престижу с ним мало кто мог потягаться в мире кино. Это был сам мистер Маркус, у которого Пэт Хобби двадцать лет назад служил пресс-агентом.

Тут Пэт совсем потерял голову от испуга. Ему мгновенно представилось, как он пытается объяснить свое вторжение в дом всесильного магната. На снисхождение рассчитывать не приходилось. Его урывочные работы на

студии за двести пятьдесят в неделю канут в прошлое, а и без того плачевная карьера обретет новый, еще более мрачный финал. И он бежал прочь — импульсивно и стремительно — вниз по лестнице, через кухню и задние ворота, бросив Робинсонов на произвол судьбы.

Он все же успел им слегка посочувствовать, быстро удаляясь от места происшествия по параллельному бульвару. Мистер Робинсон наверняка вытащит свою визитку от пищевой компании; мистер Маркус наверняка воспримет это скептически; потом прибудет полицейский наряд, Робинсонов обыщут и допросят.

Возможно, этим все и закончится — если только Робинсоны, пылая жаждой мести, не постараются навести полицию на след Пэта.

При этой мысли он как ошпаренный рванул по улице, стряхивая со лба капли соленого джина. Он вспомнил о своей машине, оставленной перед зонтом Гаса Венске — там, где его впервые увидели Робинсоны. А на бегу он вспомнил еще одну зацепку, могущую стать для него роковой. Оставалось лишь уповать на то, что Рональд Колман не знает фамилию Пэта.

Пэт Хобби входит в роль

I

Чтобы занять деньги изящно и легко, нужно правильно выбрать время и место. Процесс этот существенно осложняется, если заемщик еле вяжет лыко, покрыт гнойными прыщами или имеет здоровый фингал под глазом. Список таких «осложняющих обстоятельств» можно продолжать до бесконечности, а можно свести их к одному общему правилу: чем сильнее нужны деньги, тем сложнее их занять.

Данный случай Пэта Хобби был из наисложнейших — он пытался занять у актера на съемочной площадке во время работы над картиной.

Задача почти невыполнимая, однако Пэт за нее взялся, ибо он должен был спасти свою машину. С сугубо коммерческой точки зрения эта развалюха не стоила того, чтобы ее спасать, но для работы в Голливуде, при частых и дальних перемещениях, автомобиль попросту незаменим.

— Видишь ли, ссудный банк... — начал объяснять Пэт, но Джип Маккарти его прервал:

— Не стой над душой, мне сейчас играть в этом дубле. Или ты хочешь, чтобы я его сорвал?

— Я хочу только двадцать баксов, — сказал Пэт. — Не могу же я работать, сидя безвылазно в своей спальне.

— Зато сэкономишь на бензине, а работы у тебя все равно нет.

Это была жестокая правда. Но в любом случае, была у Пэта работа или нет, он предпочитал проводить время на студии или вблизи нее. Достигнув безрадостного и опасного сорокадевятилетнего возраста, он не имел иных занятий и перспектив.

— На той неделе мне дадут сценарий на правку, — солгал он.

— Черта лысого тебе дадут! — отрезал Джип. — Лучше исчезни с площадки, пока тебя не засек Хиллиард.

Пэт с тревогой оглянулся на группу людей у кинокамеры, а затем выложил последний козырь.

— Вспомни... — сказал он, — вспомни, как я помог тебе деньгами в день, когда у тебя родился сын.

— Нашел о чем вспоминать! — разъярился Джип. — Это было шестнадцать лет назад. И где этот паршивец сейчас? Сидит в тюрьме за то, что сбил старуху, гоняя по улицам на чужой машине.

— Но деньги-то я тогда дал. Две сотни баксов.

— Да это мелочь по сравнению с тем, чего мне это стоило потом. Сам подумай: будь я в состоянии давать займы, стал бы я в мои-то годы цепляться за подработки в эпизодах? Стал бы я работать вообще?

Откуда-то из темноты донесся крик помрежа:

— Приготовились!

Пэт заторопился:

— Ну дай хоть пятерку.

— Нет!

— Ладно-ладно. — Красные глазки Пэта угрожающе сузились. — Тогда я буду стоять здесь у тебя над душой, и ты наверняка сорвешь дубль.

— Только не это! — испугался Джип. — Так и быть, дам пятерку. Она у меня в пиджаке, сейчас принесу.

Он умчался в актерскую уборную, а Пэт облегченно вздохнул. Может, удастся перехватить еще десятку у букмекера Луи...

И вновь крик помрежа:

— Тишина!.. Все по местам!.. Свет!

Свет софитов ударил прямо в Пэта. Ослепленный, он шарахнулся в одну сторону, потом в другую, теряя ориентацию. В этой сцене, изображавшей бандитский притон, участвовали еще шесть человек, и кто-нибудь из них непременно оказывался на пути бегства Пэта.

— Внимание!.. Мотор!.. Начали!

В панике Пэт попятился к оконной кулисе, где он не должен был попасть в кадр. Там он и стоял, съежившись, трясаясь мелкой дрожью, пока актеры разыгрывали свою сцену. И откуда ему было знать, что съемка велась с операторской тележки, которая медленно двигалась по рельсам в его сторону.

— Теперь там, у окна! Эй, Джип! Руки вверх!

Как под гипнозом, Пэт послушно поднял руки и только потом осознал, что большой черный глаз камеры нацелен прямо на него. Через мгновение игравшая главную роль англичанка пробежала мимо Пэта и с ходу сиганула в бутафорское окно. Протянулась еще одна бесконечно долгая секунда, прежде чем Пэт услышал: «Стоп! Снято!»

Без дальнейших промедлений он пустился наутек — через хлипкую фанерную дверь выскочил из декораций, едва вписался в поворот коридора, споткнулся о кабель, но мигом вскочил и помчался к выходу. Сзади слышался чей-то быстрый топот, и Пэт поднажал, но уже в самых дверях получил толчок в спину и обернулся, готовый защищаться.

Это была все та же английская актриса.

— Дорогу! — крикнула она. — Я свое отработала. Теперь домой, в Англию!

И, уже нырнув в поджидавший лимузин, громко сообщила всем и никому:

— У меня через час самолет до Нью-Йорка.

«А мне-то что за дело?» — сердито подумал Пэт, вновь прибавляя шаг.

Он и не подозревал, что спешный отъезд англичанки радикально отразится на его судьбе.

II

Обещанную пятерку он так и не обрел, полагая не без оснований, что черпать из данного источника ему уже не доведется никогда. Стало быть, срочно требовалось найти другие источники, дабы отвести беду от его злосчастного двухдверного друга. С тяжелым сердцем Пэт покинул студию, по пути домой лишь ненадолго остановившись, чтобы залить в машину бензин, а в себя — добрую порцию джина. Кто знает, может, они в последний раз заправлялись этак на пару...

Наутро все выглядело в еще более мрачных тонах. В кои-то веки он не испытывал ни малейшего желания посетить родную студию. Опасность грозила не только со стороны Джипа Маккарти — теперь в число его врагов попала могущественная компания, делавшая тот самый фильм, а с ней и вся индустрия в целом. Своим неожиданным появлением в кадре он сорвал съемочный процесс, а это считалось одним из тягчайших преступлений, по сравнению с которым дорогостоящие ляпы продюсеров или сценаристов выглядели безобидными шалостями.

Однако срок очередной выплаты за машину истекал послезавтра, а едва ли не последняя — да и то слабая — надежда раздобыть деньги была связана с Луи, студийным букмекером.

Взбодрив себя тошнотворными остатками вчерашнего пойла, в десять утра он отправился на студию, подняв воротник пальто и надвинув шляпу низко на лоб. В надежде добраться до офиса Луи незамеченным, он выбрал

потайной маршрут, пролежавший через гримерную секцию и задворки столовой.

Парочка студийных полисменов сцапала Пэта в тот момент, когда он сворачивал за угол парикмахерской.

— У меня есть пропуск! — запротестовал он. — Он действителен еще неделю — выписан Джеком Бернерсом.

— Как раз мистер Бернерс и послал нас за вами.

Итак, худшие опасения Пэта сбылись — теперь ему запретят появляться на студии.

— Мы можем сгноить тебя судебным порядком! — проорал Джек Бернерс, когда Пэта доставили в его кабинет. — Но, увы, этим делу не поможешь.

— Велика беда — один сорванный дубль, — вставил словечко Пэт. — Используйте предыдущий.

— Не получится — на том дубле заело камеру. А Лили Киттс этим утром уже вылетела из Нью-Йорка в Англию. Она считала, что ее работа завершена.

— Тогда просто удалите эту сцену, — предложил Пэт и вдруг загорелся энтузиазмом. — Дайте мне сценарий, и я все исправлю.

— Ты уже внес одно «исправление», хватит! Если бы имелась хоть какая-то возможность обойти эту сцену, я нашел бы работника получше.

На этой фразе Бернерс умолк, задумчиво разглядывая Пэта. По громкой связи голос секретарши доложил о прибытии мистера Хиллиарда.

— Пусть войдет, — сказал Бернерс.

Джордж Хиллиард был мужчиной внушительных габаритов, а взгляд, который он с порога бросил на Пэта, никто не рискнул бы назвать дружелюбным. Но было в этом взгляде что-то еще, помимо гнева и раздражения; и в следующие пару минут Пэт нервно поеживался, пока боссы озирали его с каким-то отчужденным интересом, — примерно так смотрят на своих пленников каннибалы, выбирая очередную кандидатуру на вертел.

— Ну, всего вам доброго, — кое-как выдавил из себя Пэт, готовясь ретироваться.

— Твое мнение, Джордж? — спросил Бернерс.

— М-м-да... — протянул Хиллиард. — Без пары передних зубов он смотрелся бы лучше.

Пэт вскочил со стула и устремился к двери, но Хиллиард его перехватил и развернул лицом к себе.

— Ну-ка, скажи что-нибудь, — потребовал он.

— Вы можете меня избить, — сказал Пэт. — Вы можете выбить мне зубы, но я подам на вас в суд, так и знайте!

Последовала пауза.

— Твое мнение? — снова спросил Бернерс.

— Нет, говорить он не может, — сказал Хиллиард.

— То есть как это? Очень даже могу! — возмутился Пэт.

— Не беда, продублируем три-четыре реплики, — продолжил Хиллиард, — никто и не заметит. Половина парней, играющих ублюдков, не могут говорить. В целом по фигуре он сгодится, а лицо крупным планом брать не будем.

Бернерс кивнул:

— Такие вот дела, Пэт, — отныне ты актер. Войдешь в роль вместо Маккарти. Сцен там не много, но они важны для сюжета. Подпиши все бумаги в гильдии и в отделе кадров и после обеда приступай к работе.

— Еще чего не хватало! — вскричал Пэт. — Я вам не какой-нибудь фигляр... — Тут он вспомнил, что Хиллиард когда-то начинал простым актером, и резко сбавил тон. — Я сценарист.

— Ты будешь играть подлого ублюдка по кличке Крыса, — сообщил Бернерс, пропустив мимо ушей его протест.

Далее он объяснил, почему Пэту придется продолжить съемки после его вчерашней «импровизации». Все сцены с участием мисс Киттс были сняты в первую очередь,

потому что у нее был подписан еще один контракт в Англии и сроки поджимали. По логике сюжета требовалось показать, как бандиты доставили героиню в свой притон и что они делали после бегства мисс Киттс через окно. Поэтому, неизгладимо запечатлев себя в кадре с мисс Киттс, Пэт теперь должен был появиться и в полудюжине других сцен, съемки которых были назначены на ближайшие дни.

— А как с оплатой? — осведомился Пэт.

— Мы платили Маккарти пятьдесят в день... секундошку, Пэт... но тебе я думаю назначить цену, по которой ты в последний раз работал над сценарием: двести пятьдесят в неделю.

— Но при этом еще страдает моя репутация!

— Лучше бы тебе не заикаться о репутации, — сказал Бернерс. — Если такие писатели, как Бенчли, Дон Стюарт, Льюис, Уайлдер и Вулкотт, не гнушаются актерства, тебе оно не повредит и подавно.

Пэт глубоко вздохнул:

— Может, заплатите сейчас хоть полтинник? Он мне честно причитается за вчераш...

— Если бы ты получил то, что тебе честно причитается за вчерашнее, ты сейчас лежал бы в больнице с тяжкими увечьями. И не вздумай уйти в загул! Вот тебе десятка, и это все, что ты получишь до конца недели.

— А что же будет с моей машиной?

— Да провались она в тартарары!

III

Крыса был самым отпетым головорезом в банде, которая устраивала всякие диверсии по указке некоего иностранного правительства, условно именуемого «нацистами». Его реплики в фильме были образцом выразительной

лаконичности — Пэт и сам неоднократно сочинял такие: «Не гасите его, пока шеф не подвалит», «Пора делать ноги, братва», «Чувак, ты выйдешь отсюда только ногами вперед» и т. п. Пэту нравилась новая работа — большей частью состоявшая из бездельного ожидания, как это водится в кинопроизводстве, — и он уже подумывал о том, чтобы продолжить свою карьеру в том же духе. Жаль, что его участие в съемках было таким скоротечным.

Свою последнюю сцену он должен был сыграть на открытой площадке. Крысе предстояло погибнуть от преждевременного взрыва бомбы, которую он сам же пытался подложить. Пэт уже видел съемки подобных сцен и знал, что для него это не представляет ни малейшей опасности. Однако он слегка встревожился, когда к нему подошли реквизиторы и принялись замерять окружность его груди и талии.

— Хотите сделать мой манекен? — спросил Пэт.

— Не совсем, — ответил реквизитор. — Эта штуковина была подогнана под размеры Маккарти, и теперь надо проверить, сгодится ли она тебе.

— Ну и как, сгодится?

— В самый раз.

— А что за штуковина?

— Да так, для защиты.

Пэту стало не по себе.

— Защиты от чего? От взрыва?

— Да нет, взрыв-то будет фиктивный — используем съемку с наложением. А это для другого.

— Для какого еще другого? — не унимался Пэт. — Если мне нужна защита, я имею право знать от чего.

Меж тем у декораций, изображавших портовый пакгауз, выстраивалась целая батарея камер. Вдруг от возившейся там группы отделился Джордж Хиллиард, быстро подошел к Пэту и, приобняв за плечи, увлек его к гри-

мерной палатке. Очутившись внутри, Хиллиард первым делом вручил Пэту фляжку.

— Хлебни-ка, старина, — сказал он.

Пэт отхлебнул за милую душу.

— Для этой сцены, Пэт, мы сделали специальный костюм, — сказал Хиллиард. — Я объясню, в чем суть, пока его на тебя надевают.

С Пэта сняли пиджак и жилет, приспустили брюки, и вскоре он уже был облачен в стальной панцирь, наподобие гипса сковавший тело от подмышек до паха.

— Это самая лучшая, самая крепкая сталь, Пэт, — заверил Хиллиард. — И на изгиб, и на разрыв ей равных нет. Сделано в Питтсбурге.

Внезапно Пэт начал вырываться из рук помощников, пытавшихся застегнуть его брюки поверх панциря и вновь облачить его в жилет и пиджак.

— Зачем это нужно? — кричал он, размахивая руками. — Скажите мне, зачем? В меня будут стрелять, да?

— Никакой стрельбы.

— Тогда что же? Я вам не каскадер какой-нибудь...

— Ты подписал контракт, как и Маккарти. И по контракту ты обязан выполнять все требования режиссера в пределах разумного. Это заверено нашими юристами.

— Что это будет?! — У Пэта вмиг пересохло во рту.

— Это будет машина.

— Вы хотите сбить меня машиной?

— погоди, дай рассказать по порядку. Никто тебя сбивать не собирается. Машина проедет по тебе, и всего-то. Эта конструкция очень прочная, и ты...

— Ни за что! — завопил Пэт. — Ни за какие коврижки!

Он попытался сорвать с себя стальной корсет, но Джордж Хиллиард крепко ухватил его за руки:

— Пэт, ты уже чуть не погубил эту картину один раз и не пытайся сделать это снова. Будь же человеком.

— Именно им я и хочу остаться, а не кровавой лепешкой, какую вы сделали из бедняги-статиста в прошлом месяце!

Тут он осекся. За спиной Хиллиарда маячило знакомое лицо — злое и ненавистное лицо сборщика долгов из Североголливудской ссудно-кредитной компании. А на парковке неподалеку стоял его автомобиль, верный друг и преданный слуга, с 1934 года разделявший с ним все передрыги и заменявший ему дом, когда не имелось иной крыши над головой.

— Одно из двух, — отчеканил Джордж Хиллиард. — Или ты выполняешь условия контракта, или мы вышвыриваем тебя отсюда окончательно и бесповоротно.

Сборщик долгов сделал еще один шаг в его сторону. Пэт повернулся к Хиллиарду.

— Мне бы занять... — начал он неуверенно, но затем голос его окреп. — То есть я хочу сегодня же получить авансом двадцать пять долларов.

— По рукам, — быстро согласился Хиллиард.

Пэт перевел взгляд на сборщика и, свирепея, произнес:

— Вы слышали? Вы сегодня получите деньги, но, если эта штукавина не выдержит, моя гибель будет на вашей совести!

Следующие несколько минут запомнились Пэту как сквозь сон. Последние инструкции Хиллиард давал уже по выходе из палатки. Пэт заляжет в неглубоком кювете, как бы собираясь поджечь бикфордов шнур, — и тут главный герой медленно проедет колесом машины по его туловищу. До Пэта смысл сказанного доходил едва-едва. Слишком уж отчетливо представлял он свои «послесъемочные останки», похожие на расколотое о стену яйцо.

Покорно взяв горящий факел, он лег в указанное место. Издалека донеслась команда: «Тишина!» — потом что-то гаркнул Хиллиард, и взревел заводящийся двигатель.

— Мотор! — крикнул помреж.

Звук двигателя стал приближаться, усиливаясь с каждой секундой. Что случилось потом, Пэт не запомнил.

IV

Когда он очнулся, вокруг было темно и тихо. Какое-то время он не мог понять, где находится. Потом увидел звезды и сообразил, что лежит под открытым калифорнийским небом. Потом ощутил чьи-то крепкие объятия и подумал, что он здесь не один. Потом до него дошло, что эти объятия — стальные, ибо он по-прежнему скован металлическим корсетом. И только после этого он вспомнил все — вплоть до момента, когда к нему приблизилась машина.

Судя по ощущениям, он остался цел и невредим. Тогда почему он все еще здесь? И почему один-одинешенек?

Пэт попытался встать, но не смог и, перепугавшись, начал звать на помощь. Так он с небольшими перерывами кричал минут пять, пока вдалеке не послышался чей-то голос, и вскоре помощь явилась в лице полисмена.

— Что, дружок, упился в лежку?

— Куда там! — простонал Пэт. — Я был на съемках этим вечером. Похоже, надо мной свински подшутили, оставив валяться в канаве.

— Они могли просто забыть о тебе в суматохе.

— Забыть обо мне?! Да я был в самом центре этой суматохи! Если не веришь, потрогай, что за гадость на меня нацепили.

Полисмен помог ему встать на ноги.

— Они все здорово струхнули, — пояснил он. — Не каждый день кинозвезда ломает ногу во время съемок.

— Как это так? Да что случилось?

— Говорят, он переезжал на машине какое-то препятствие, машина опрокинулась, и он сломал ногу. Теперь съемки надолго прервутся, и все они в истерике.

— И они бросили меня тут запакованным в эту... эту чертову скороварку! Как я избавлюсь от нее посреди ночи? И как я поведу свою машину?

При всей обуревавшей его ярости, Пэт испытал и своего рода злорадную гордость. На этих съемках он таки задал им перцу! После стольких лет пренебрежения он заставил этих шишек с собой считаться. Шутки в сторону: мало кому удастся два раза подряд сорвать производство фильма.

Премьера Пэта Хобби

I

— Никакой работы для тебя нет, — сказал Джек Бернерс. — У нас и так сценаристов больше, чем нужно.

— Я пришел не просить работу, — с достоинством ответил Пэт Хобби. — Я хочу получить билеты на сегодняшнюю премьеру — мне они положены как соавтору.

— Ах да, как раз об этом я хотел с тобой поговорить. — Бернерс посуровел. — Возможно, нам придется убрать твое имя из титров.

— Что?! — возопил Пэт. — Да оно уже опубликовано! Я сам прочел в «Репортере»: «Сценарий Уорда Уэйнрайта и Пэта Хобби».

— Но из прокатной версии мы тебя, скорее всего, выбросим. Уэйнрайт вернулся с восточного побережья и сразу поднял бучу. Он говорит, что твое участие ограничилось заменами «нет» на «нет, сэр», «красный» на «темно-красный» и так далее.

— Я двадцать лет в этом бизнесе, — сказал Пэт. — И я знаю свои права. Этот тип всего лишь снес яйцо, а меня наняли, чтобы вырастить из него индейку.

— Ничего подобного, — возразил Бернерс. — После отъезда Уэйнрайта в Нью-Йорк я нанял тебя всего лишь для проработки одного второстепенного персонажа. И если бы я тогда же не уехал на рыбалку, черта с два ты смог бы пролезть в соавторы!.. — Тут Бернерс встретил взгляд тоскливых, с красными прожилками глаз Пэта и понево-

ле смягчился. — Хотя лично я был бы только рад после всех этих лет снова увидеть твое имя в титрах.

— Я свяжусь с Гильдией сценаристов и буду отстаивать свои права.

— У тебя нет ни единого шанса, Пэт. Но по крайней мере сегодня твое имя промелькнет на экране и напомним всем, что ты еще жив. Я достану для тебя пару билетов, однако на премьере держись подальше от Уэйнрайта. Ни к чему нарываться на стрессы, когда тебе уже за пятьдесят.

— Мне сорок с хвостиком, — сказал Пэт, которому было сорок девять.

Загудел зуммер интеркома. Бернер нажал кнопку.

— Пришел мистер Уэйнрайт, — сообщила секретарша.

— Попросите его подождать. — Он повернулся к Пэту. — Это Уэйнрайт. Тебе лучше выйти через боковую дверь.

— А как же билеты?

— Загляни ближе к вечеру.

Для какого-нибудь юного неокрепшего дарования это явилось бы сокрушительным ударом, но Пэт Хобби был человеком крепкой закалки. И закалила его таким образом злая судьба, наносившая ему всякого рода удары практически непрерывно на протяжении десяти лет. Используя весь свой немалый опыт, цепляясь за каждую травинку, что смогла пробиться сквозь мостовую на пространстве между Вашингтонским бульваром и Вентурой, между Санта-Моникой и Вайн-стрит, он как мог замедлял свое сползание в пропасть. Иногда ему под руку попадался кустик попрочнее — в виде халтуры на несколько недель, — и сползание приостанавливалось, чтобы затем продолжиться с неумолимостью, способной повергнуть в безысходное отчаяние любого менее жизнестойкого человека.

Вот и сейчас, благополучно выбравшись из кабинета Бернера через боковую дверь, Пэт смотрел в ближайшую

перспективу, предпочитая не оглядываться назад. И в этой перспективе ему виделось славное возлияние в компании букмекера Луи, а потом несколько визитов к старым студийным приятелям. Временами — но год от года все реже — такие визиты вдруг оборачивались какой-нибудь непыльной работенкой. Однако в этот раз, успешно пройдя стадию возлияния, он сбился с намеченного маршрута при виде заблудившейся девушки.

В том, что она заблудилась, сомнений не было. Очаровательно разинув ротик, она стояла и глазела на автобусы со статистами, проезжавшие в направлении столовой. А потом начала беспомощно озираться по сторонам — настолько беспомощно, что угодила бы под один из автобусов, не подоспей вовремя Пэт, оттянувший ее в сторону.

— Ой, спасибо, — сказала она. — Большое спасибо. Я пришла сюда с экскурсионной группой, но полисмен у дверей заставил меня сдать фотоаппарат на хранение. Потом я побежала догонять своих к пятому павильону, как говорил экскурсовод, но там все оказалось закрыто.

Она принадлежала к типу смазливых блондинок. С циничной точки зрения Пэта, все смазливые блондинки были на одно лицо, как стандартная партия кукол. Правда, в отличие от кукол имена у них были разные.

— Что ж, попробую вам помочь, — сказал Пэт.

— Вы очень добры. Я Элеонора Картер из Бойсе, штат Айдахо.

Пэт сообщил ей свое имя и то, что он является сценаристом. Сперва она как будто разочаровалась, но потом просияла:

— Сценарист?.. Ах да, конечно же! Я так и думала, что у них тут должны быть сценаристы, хотя до сих пор ни об одном не слыхала.

— Сценаристы зарабатывают по три тысячи в неделю, — внушительно произнес Пэт. — Сценаристы — это

очень важные люди, важнее их нет никого во всем Голливуде.

— Да что вы?! Вот уж никогда бы не подумала.

— Бернард Шоу пытался работать сценаристом, — сказал он, — как и Эйнштейн, да только кишка у них оказалась тонка.

Они подошли к расписанию съемок — в тот день они велись на трех площадках, и один из трех режиссеров был старым знакомым Пэта.

— А что вы написали? — спросила Элеонора.

Тут на горизонте замаячил популярный актер, и она уставилась на него во все глаза, забыв о существовании Пэта. Актер растаял вдали, а Пэт не спешил называть свои картины, ей наверняка неизвестные.

— Это все больше немые фильмы, — промолвил он уклончиво.

— Понятно... А из ваших последних?

— Ну, я работал над одним фильмом в «Юниверсал», но не знаю, как его назвали в окончательной версии...

Видя, что его речь не производит впечатления, Пэт быстренько прикинул, какие фильмы могут быть известны в городе Бойсе, штат Айдахо.

— Еще я написал «Отважных капитанов», — заявил он, пойдя напролом, — и «Летчика-испытателя», и «Грозовой перевал», и... и «Ужасную правду», и «Мистер Смит едет в Вашингтон».

— Ух ты! — вскричала она. — Мне нравятся все эти фильмы! Мой парень без ума от «Летчика-испытателя», а вот я больше всего люблю «Мрачную победу».

— Этот фильм я считаю своей неудачей, — скромно заметил Пэт. — Получилось слишком уж заумно. — И дабы хоть чем-то сбалансировать это нагромождение лжи, добавил толику истинной правды: — Я работаю здесь уже двадцать лет.

Они подошли к павильону. Пэт попросил сообщить режиссеру о своем визите, и вскоре их пустили внутрь, где Рональд Колман как раз репетировал сцену.

— Это тоже вы написали? — шепотом спросила Элеора.

— Меня уговаривали взяться за эту картину, однако я тогда был слишком занят, — сказал Пэт.

Он снова чувствовал себя молодым, влиятельным и энергичным, занятым тут и там сразу во множестве проектов. А затем он кое-что вспомнил:

— Кстати, как раз сегодня премьера одного из моих фильмов.

— *Вашего* фильма?

Он кивнул:

— Я собирался пойти туда с Клодетт Кольбер, но она вчера простудилась. Не составите мне компанию?

II

Он было занервничал, когда она упомянула о семье, но успокоился, выяснив, что речь идет всего лишь о тете, живущей в этих краях. Эх, до чего же будет здорово, как в былые годы, пройтись под ручку со смазливой блондинкой ко входу в кинозал мимо толпящейся на тротуарах публики! Его «фордик» 1933 года выпуска, мягко говоря, не впечатлял, но Пэт мог сказать, что взял эту машину напрокат, пока чинят его лимузин, разбитый нерадивым слугой-японцем. А что дальше? Пэт пока не знал, но уж один-то шикарный вечер он себе устроить мог.

Он угостил ее обедом в студийной столовой и разгорячился до того, что начал подумывать о чьей-нибудь уютной квартире, которую можно позаимствовать на несколько часов. Для таких случаев имелся старый проверенный ход: обещание кинопробы. Однако сейчас все

мысли Элеоноры были заняты прической и приготовлениями к премьере, так что он неохотно проводил ее до выхода со студии. После этого он снова заглянул к Луи, освежился парой стаканчиков и направился в офис Джека Бернерса за билетами.

Они ждали его в конверте на столе секретарши.

— С этими билетами настоящая проблема, мистер Хобби, — сообщила она.

— Проблема? С какой стати? Когда это было, чтобы автор не мог попасть на собственную премьеру?

— Не в том дело, мистер Хобби. Просто об этой картине так много говорят, что все места были разобраны заранее.

— Ну да, и при этом обо мне никто даже не вспомнил, — угрюмо констатировал Пэт.

— Сожалею, — сказала секретарша. — По правде говоря, это билеты мистера Уэйнрайта. Он был чем-то сильно расстроен, бросил конверт на мой стол и сказал, что ноги его не будет на премьере. Ох, наверное, я зря вам это говорю...

— Выходит, это его места?

— Именно так, мистер Хобби.

Пэт даже причмокнул от удовольствия. Это уже попахивало триумфом. Уэйнрайт явно вышел из себя, а в мире кино подобные выходки недопустимы — если только они не являются нарочитой игрой на публику. Такая потеря самоконтроля ослабляла позиции Уэйнрайта и давала шанс Пэту Хобби. Может, и впрямь обратиться в Гильдию сценаристов и представить этот случай на их суд? Правда, сам Пэт в гильдии не состоял и не был уверен в том, что его туда примут.

Впрочем, все это было из области теории. А на практике ему предстояло в пять часов встретиться с Элеонорой и вывезти ее «куда-нибудь на коктейль». Он купил

рубашку за два доллара, надев ее тут же в магазине, и тирольскую шляпу — эти приобретения ополовинили финансы Пэта, которые он со времен «банковских каникул 1933 года» благоразумно доверял лишь собственным карманам.

Непритязательный тетушкин коттедж в Западном Голливуде без признаков сопротивления отпустил Элеонору навстречу удовольствиям. Ранее Пэт отсоветовал ей надевать вечернее платье, но и в более скромном наряде она смотрелась элегантно и цветущей — как и все прочие смазливые блондиночки из его прошлого. И точно так же вся светилась от предвкушения и благодарности. Оставалось только раздобыть апартаменты на эту ночь.

— Хочешь пройти кинопробу? — спросил Пэт, входя с ней в «Коричневый котелок».

— Какая же девушка этого не хочет?

— Некоторые не соглашаются даже за миллион долларов. — (На любовном фронте у Пэта случались и поражения.) — Некоторые предпочитают стучать на пишущей машинке или быть на посылках. Ты не поверишь, но это так.

— А я бы все отдала ради пробы, — сказала Элеонора.

Глядя на нее два часа спустя, Пэт уже вполне серьезно спрашивал себя: а почему бы и нет? Можно будет поговорить насчет пробы с Гарри Гуддорфом или Джеком Бернерсом, да только вряд ли они захотят его слушать. Но что-нибудь для нее он сделает обязательно, решил Пэт. Хотя бы попытается заинтересовать кого-либо из агентов — если, конечно, предстоящая ночь оправдает его ожидания.

— Какие у тебя планы на завтра? — спросил он.

— Никаких, — ответила она без раздумий. — Мне кажется, надо поспешить с едой, а то опоздаем на премьеру.

— Да, конечно...

Он нанес еще один удар по своим финансам, заплатив за шесть порций виски — человек имеет право угостить себя перед своей собственной премьерой, — и повел ее в ресторан. Ели оба не много. Элеонора была слишком взволнована, а Пэт уже получил свои калории в жидком виде.

Давненько он не видел картины со своим именем в титрах! «Пэт Хобби». Как человек из народа, он всегда предпочитал зваться коротко и четко: «Пэт Хобби». Приятно будет снова увидеть эти два слова на экране, и, хотя нельзя было рассчитывать на то, что его старые друзья встанут со своих мест и грянут: «С днем рождения тебя!» — после просмотра в фойе наверняка будут и поздравительные хлопки по спине, и просто заинтересованные взгляды из толпы. И это будет чудесно!

— Мне страшно, — прошептала Элеонора, когда они проходили меж двух плотных рядов зевак перед кинотеатром.

— Они все смотрят на тебя, — заверил ее Пэт. — Смотрят и пытаются вспомнить, в каких фильмах ты играла.

Какой-то киноман подскочил к Элеоноре, протягивая ручку и блокнот для автографов, но Пэт решительно увлек свою спутницу к дверям — с той стороны уже неслись выкрики, по смыслу аналогичные объявлению в транспорте: «Посадка закончена!»

— Пожалуйста, ваши билеты, сэр.

Пэт вынул билеты из конверта и предъявил их для проверки, а после обернулся к Элеоноре со словами:

— Не волнуйся, наши места зарезервированы, и никто их не займет, насколько бы мы ни опоздали.

Она придвинулась ближе к Пэту и ухватила его под локоть — как потом выяснилось, этот момент был наивысшей точкой ее дебюта в мире кино. Не успели они пройти

и трех шагов внутрь кинотеатра, как тяжелая рука опустилась на плечо Пэта.

— Эй, приятель, у тебя билеты на другое шоу!

Они и понять ничего не успели, как вновь очутились снаружи, под прицелом подозрительных глаз.

— Я Пэт Хобби, автор этого фильма.

На мгновение весы качнулись в его пользу, но уже в следующий миг чуткий страж уловил запах спиртного, исходящий от Пэта:

— Э, да ты крепко перебрал, приятель. И билеты у тебя не того сорта.

Элеонора занервничала не на шутку, однако Пэт был спокоен и тверд:

— Зайдите внутрь и спросите у Джека Бернерса, он вам скажет, кто я такой.

— А теперь слушай сюда, — молвил верзила-привратник, потихоньку надвигаясь и оттесняя Пэта от входа. — Это билеты в дрянной балаган со стриптизом на другом конце города, так что вали прямиком туда и прихвати свою подружку. Счастливо повеселиться, ребята.

— Вы не понимаете. Я автор сценария.

— Ага, размечтался.

— Загляните в программку, там указано мое имя. Я Пэт Хобби.

— И документ есть? Покажи-ка свою водительскую лицензию.

Вручив ему лицензию, Пэт прошептал Элеоноре:

— Все будет в порядке.

— Тут нет ни слова о Пэте Хобби, — объявил привратник. — Написано: «Автомобиль принадлежит Североголливудской ссудно-кредитной компании». Это твое имя?

Впервые в своей жизни Пэт Хобби потерял дар речи. Он взглянул на Элеонору и понял, что с ее стороны поддержки ожидать не стоит, — как всегда, Пэт был один-одинешенек.

III

Толпа уже начала рассеиваться, задаваясь типично американским вопросом: «И на кой мы сюда приперлись вообще?», — но одна группа задержалась, почуяв нечто интригующее в позах и лицах парочки у входа. В их понимании Пэт и Элеонора были такими же безбилетными аутсайдерами, как и они сами, однако их удивила беспримерная наглость, с какой эти двое попытались прорваться внутрь. Послышались язвительные выкрики в их адрес. Элеонора начала бочком отдаляться от этой постыдной сцены, когда какое-то движение возникло уже с другой стороны двери. Из кинотеатра широкими шагами вышел рослый, одетый с иголки джентльмен и остановился, озираясь, пока не заметил Пэта Хобби.

— А, вот ты где! — рявкнул он.

Пэт узнал Уорда Уэйнрайта.

— Заходи и полюбуйся на это убожество! — проревел Уэйнрайт. — Вот корешки моих билетов, можешь взять! Это не режиссер, а чучело безмозглое! Заходи и полюбуйся! — Он повернулся к привратнику. — Все верно, это *его* картина. Это *его* уровень. Имени моего не будет ни под одним кадром этой убогой стряпни!

Содрогнувшись и отчаянно всплеснув руками, Уэйнрайт прорвался сквозь толпу зевак и был таков.

Элеонора была в ужасе. Но то же самое чувство, что ранее побудило ее сказать: «Я бы все отдала ради пробы», теперь удерживало ее на месте — хотя она явственно ощущала, как незримые руки тянут ее прочь отсюда, в родной Бойсе, штат Айдахо. И она совсем уж было намерилась бежать — быстро, изо всех сил. Хамоватый привратник и рослый незнакомец укрепили ее во мнении относительно Пэта: он был «не бог весть кто». Никогда она не позволит этим красным слезящимся глазкам приблизиться

ИСТОРИИ ПЭТА ХОББИ (1940–1941)

к своему лицу — разве только при формальном поцелуе на прощание. Она берегла себя для кого-то особенного — и этим «кем-то» был уж никак не Пэт Хобби. В то же время нацеленные на нее взоры публики воспринимались как неожиданный подарок судьбы — никогда прежде она не привлекала к себе такого внимания. Она несколько раз украдкой взглянула на окружающих, и понемногу страх и нерешительность сменились ощущением собственной значимости.

Она чувствовала себя как настоящая звезда.

В свою очередь, Пэт снова обрел уверенность. Теперь это была *его* премьера; все доставалось ему одному, и, когда фильм выйдет в прокат, только *его* имя будет значиться в титрах. Должно же там быть какое-то имя, в конце концов? А поскольку Уэйнрайт самоустранился, вот оно, пожалуйста:

АВТОР СЦЕНАРИЯ — ПЭТ ХОББИ.

Он крепко взял Элеонору за локоть и с торжествующим видом повел ее внутрь.

— Выше нос, крошка! Здесь это дело обычное — так и живем.

Попытка не пытка

I

Жилище Пэта Хобби располагалось над гастрономическим магазинчиком на Уилширском бульваре. А в жилище располагался сам Пэт в окружении своих книг — ежегодника «Мир кино» за 1928 год и «Справочника по конным бегам» за 1939 год, своих картин — фотокарточек Мейбл Норманд и Барбары Ламарр с их автографами (реликвии покойных звезд в ломбарде не ценились), и своих собственных ног в облезлых кожаных туфлях, покоившихся на подлокотнике старого, перекошенного дивана.

У Пэта не осталось никаких средств к существованию — звучало это пугающе, но он уже много лет продолжал существовать в таком режиме. Он был ветераном киноиндустрии и успел пожить в свое удовольствие, но в последние десять лет работа ускользала от него легче, чем выскальзывает бокал из нетвердой похмельной руки.

— Подумать только, — частенько сетовал он, — всего-навсего заштатный сценарист — и это в сорок девять лет!

Сейчас его взор блуждал по страницам «Лос-Анджелес таймс» и «Экзаминера» в поисках какой-нибудь идеи. Он отнюдь не собирался превращать ее в сюжет фильма; идея была нужна лишь для того, чтобы попасть на территорию киностудии, а это с каждым днем становилось все труднее, если тебе было нечего предложить. Но хотя упомянутые газеты, вкупе с журналом «Лайф», регулярно

подвергались критике именно за «чрезмерное оригинальничанье», ничего оригинального Пэт из них так и не выудил. Писали о войнах, о пожаре в каньоне Топанга, о работе киностудий, о коррупции среди местных властей, о наконец разыгравшихся после серии поражений «Троянцах»; однако Пэт не обнаружил здесь ничего даже близко сравнимого по увлекательности с таблицами ставок тотализатора.

«Поехать бы сейчас на ипподром, — подумал он мечтательно. — Глядишь, и родился бы свеженький сюжет про скачки».

Мысли потекли по приятному руслу, но их течение прервал домовладелец (он же хозяин гастрономического заведения внизу).

— Я говорил, что больше ничего не буду тебе передавать, — с порога заявил он, — и я *не буду* этого делать, хоть ты тресни. Но сейчас позвонил сам мистер Карл Левинь. Он хочет, чтобы ты немедленно прибыл на студию.

Перспектива получения работы благотворно сказалась на состоянии Пэта, обезболив агонизирующие останки его собственного достоинства и вдобавок привив ему изрядную дозу спокойной, неколебимой уверенности. К нему вернулись былой апломб и победительная напористость. То, как он по-свойски подмигнул полисмену при входе на студию, непринужденно поболтал в коридоре с букмекером Луи и вальяжно предстал перед секретаршей мистера Левиня, убедительно свидетельствовало о наличии у него множества первостатейных дел одновременно в разных частях света. Здороваясь с Карлом Левином игривым «Привет, капитан!», он тем самым как бы ставил себя в положение вернувшегося после недолгой отлучки доверенного лейтенанта, без которого капитан как без рук.

— Пэт, твоя жена в больнице, — сказал Левинь. — Вероятно, об этом напишут в вечерних газетах.

Пэт вздрогнул всем телом.

— Моя жена? — переспросил он. — Которая из них?

— Эстелла. Она вскрыла себе вены.

— Эстелла! — воскликнул Пэт. — То есть — Эстелла?!

Погоди-ка, да ведь наш брак продлился всего три недели!

— Эта женщина была лучшим из всего, что ты имел в своей жизни, — сурово изрек Левинь.

— Я даже вестей от нее не получал ни разу за десять лет.

— Теперь ты получил весточку. В поисках тебя врачи обзвонили все студии.

— Но я тут совершенно ни при чем!

— Знаю — она всего неделю как приехала. Ей пришлось туго там, где она жила до сих пор, — в Новом Орлеане, кажется. Умер муж, и ребенок тоже, вышли все деньги...

Поняв, что его ни в чем не обвиняют, Пэт задышал свободнее.

— Ее спасли, жить будет, — утешил его Левинь, неверно истолковав причину такого волнения. — Когда-то она была самой талантливой среди всех сценаристов нашей студии. Мы хотим как-то о ней позаботиться. И мы решили, что сделать это можно вот каким способом: дать тебе работу. Ну не то чтобы настоящую работу — я в курсе, что ты сейчас ее не потянешь. — Он взглянул прямо в красные, воспаленные глаза Пэта. — Это будет, скорее, синекура.

Пэт забеспокоился. Слово было ему незнакомо, но само сочетание «синева» и «кур» вызывало нехорошие ассоциации.

— В течение трех недель ты будешь получать по две с половиной сотни, — продолжил Левинь, — при этом полторы из них будут уходить в больницу на оплату лечения твоей жены.

— Но мы же давным-давно развелись, — возразил Пэт, — и по взаимному согласию. Я и после того был женат, так что...

— Не хочешь — неволить не стану, но по-другому никак. Мы можем выделить тебе кабинет, а если за это время подвернется какая-нибудь работенка тебе по плечу, ты ее получишь.

— Я никогда не работал всего за сотню в неделю.

— А мы и не просим тебя работать. Можешь вообще не приходить на студию.

Пэт поспешил сменить пластинку.

— Нет, почему же, я не прочь поработать, — сказал он. — Дайте мне только хорошую идею, и я еще покажу, на что способен.

Левинь написал что-то на бумажной полоске и протянул ему:

— Вот и ладно. Я распоряжусь, чтобы тебе нашли кабинет.

Выйдя в коридор, Пэт взглянул на бумагу.

— Миссис Джон Девлин, — прочел он вслух. — Больница Добрых самаритян.

Эти слова вызвали у него сильнейшее раздражение.

— Добрые самаритяне! — воскликнул он. — Добрые вымогатели, чтоб их! Полтора ста баксов в неделю!

II

Пэт много раз получал работу «из милости», но впервые он этого стыдился. Он не имел ничего против того, чтобы *не отрабатывать* свое жалованье, но *не получать* его — это было уже слишком. И он стал задаваться вопросом: а что, если и другие явно бездельничающие люди на студии получают назначенные им оклады лишь частич-

но? К примеру, на студии он часто видел юных красоток, расхаживающих туда-сюда с видом неприступным, как у настоящих звезд. Одно время Пэт полагал, что они получили роли и теперь ждут начала съемок, пока не узнал от посыльного по имени Эрик, что это «импортные штучки из Вены и Будапешта», еще ни разу не проходившие кастинг. Может, и они отдают половину своих окладов на содержание бывших мужей, с которыми прожили всего три недели?

Самой привлекательной из этих «штучек» была, на его взгляд, Лизетта Стархейм, миниатюрная блондинка с фиалковыми глазами, уже как будто успевшая растерять иллюзии и не особо это скрывавшая. Почти каждый день Пэт замечал ее в столовой, где она одиноко сидела за чашкой чая, и однажды свел знакомство, просто подойдя и присев за тот же столик.

— Привет, Лизетта, — сказал он. — Я Пэт Хобби, сценарист.

/ О, как поживаете?

/ И она одарила его столь ослепительной улыбкой, что Пэт на мгновение даже поверил, будто ей и впрямь известно его имя.

— Когда состоятся пробы?

— Не знаю. — У нее был едва заметный, очень милый акцент.

— Главное, не спеши соглашаться на все, что предложат. Ты слишком хороша для ролей заднего плана. — Ее красота пробудила в Пэте давно заржавевшее красноречие. — Стоит подмахнуть долгосрочный контракт, и они продержат тебя в дублершах до беззубой старости только потому, что ты похожа на какую-нибудь раскрученную звезду.

— О нет! — простонала она с ужасом.

— О да! — авторитетно заявил Пэт. — Можешь мне поверить. Вот почему я советую, не порывая совсем с этой студией, одновременно договориться с другой, чтобы они могли тебя «одолжить» под какой-нибудь свой проект. Думала о таком варианте?

— По-моему, это здорово.

Он был настроен на долгую беседу, но мисс Стархейм взглянула на свои часы и поднялась:

— Мне пора идти, мистер...

— Хобби. Пэт Хобби.

После ее ухода Пэт перебрался за соседний столик, где режиссер Датч Уэггонер лениво болтал с официанткой, явно никуда не торопясь.

— Между фильмами, Датч?

— Еще как между! За шесть месяцев не снял ни одной картины и еще на полгода вперед повязан здесь контрактом! Ума не приложу, что с этим делать. А кто была та блондинка?

...Вернувшись в свой кабинет, Пэт поведал об этих встречах всезнающему Эрику.

— Многие вот так сидят на контрактах без дела, и деваться им некуда, — сказал Эрик. — Взять хотя бы Джеффа Манфреда — это который ассистент продюсера. Целыми днями шлет записки большим боссам, а они — через меня опять же — все как один отвечают ему, что уехали в Палм-Спрингс. Прямо сердце разрывается, как на него поглядишь. Вчера уткнулся башкой в стол и плакал аж навзрыд

— Хотел бы я знать, к чему это все идет, — сказал Пэт.

— К смене руководства, — мрачно предположил Эрик. — Будет большая перетряска.

— И кто останется на плаву? — спросил Пэт с тревогой.

— А бес его знает, — сказал Эрик. — Хоть бы мне чуток подфартило! Давно мечтаю заделаться сценаристом. Уже есть наготове три идеи — все новые и свежие, как утренняя роса.

— Жизнь сценариста — не сахар, — заверил его Пэт. — Я бы хоть сейчас поменялся с тобой местами...

На следующий день Пэт перехватил в коридоре Джеффа Манфреда, торопливо шагавшего в никуда с видом очень занятого человека.

— Что за спешка, Джефф? — спросил Пэт, подстраиваясь под его шаг.

— Завален сценариями, — пропыхтел Джефф, но прозвучало это неубедительно.

Пэт схватил его за локоть и затащил в свой кабинет:

— Джефф, ты в курсе, что готовится большая перетряска?

— Послушай, Пэт... — Джефф нервно оглядел стены. — Что еще за перетряска?

— Я слышал, в новые боссы прочат Хэрмона Шейвера, — ляпнул Пэт на свой страх и риск. — Уолл-стрит берет все под свой контроль.

— Хэрмон Шейвер! — воскликнул Джефф. — Да он же ни бельмеса не смыслит в кино — это ходячий денежный мешок и ничего больше. Вечно блуждает по студии как неприкаянный. — Джефф опустил на стул и ненадолго задумался. — С другой стороны, если ты прав насчет назначения, Хэрмон — это хотя бы человек, к которому можно подступить. — Он горестно взглянул на Пэта. — Я уже целый месяц не могу связаться ни с Левином, ни с Барнсом, ни с Биллом Берером. Мне не дают никаких заданий, не дают актеров, не дают сюжетов. — Он помолчал. — Я уже подумываю о том, чтобы начать свой собственный проект. Может, у тебя есть какие-то идеи?

— Есть ли у меня идеи? — переспросил Пэт. — Да у меня их сразу три — все новые и свежие, как утренняя роса.

— Кого планируешь на главную роль?

— Лизетту Стархейм, — сказал Пэт. — А режиссером будет Датч Уэггонер. Как тебе такой расклад?

III

— Я с вами на все сто процентов, — заявил Хэрмон Шейвер. — Давно мечтал заняться чем-нибудь таким, сделать собственный фильм. — Он зычно гоготнул в манере, характерной для биржевых спекулянтов. — Черт возьми, это напоминает мне домашний цирк, который мы устраивали в детстве.

Они собрались в его офисе, стараясь не привлекать к себе внимания, словно заговорщики. Помимо Шейвера, здесь были Джефф Манфред, Уэггонер, мисс Стархейм и Пэт Хобби.

— Вам понравился этот сюжет, мисс Стархейм? — спросил Шейвер.

— По-моему, это здорово.

— А вам, мистер Уэггонер?

— Пока я знаком с ним только в общих чертах, — с обычной для режиссеров осторожностью высказался Уэггонер, — но задумка выглядит многообещающе. — Он подмигнул Пэту. — Я и не знал, что старый бродяга еще способен на такое.

Пэт сиял от гордости. Джефф Манфред тоже был в приподнятом настроении, однако ликовать не спешил.

— Важно, чтобы никто не проговорился раньше времени, — сказал он. — Боссы легко могут задавить проект в зародыше. А вот через неделю, когда у нас уже будет готовый сценарий, мы поставим их перед фактом.

— Согласен, — сказал Шейвер. — У них на студии все схвачено, я не доверяю даже собственным секретарям — сегодня отправил их на скачки.

По возвращении в свой кабинет Пэт застал там посыльного Эрика, даже не подозревавшего, что он является осью, вокруг которой начало раскручиваться большое дело.

— Как тебе мои сюжеты? — спросил Эрик.

— Неплохо, совсем неплохо, — ответил Пэт с притворной небрежностью.

— Ты обещал накинуть побольше за новые идеи.

— Имей совесть! — обиделся Пэт. — Когда это посыльным платили по семьдесят пять баксов в неделю?

— А когда это посыльные придумывали сюжеты фильмов?

Пэт быстро подсчитал в уме. До сей поры с двух сотен в неделю, выделяемых Джеффом из своего кармана на проработку сюжета, Пэт взимал комиссионные в размере шестидесяти процентов.

— Ладно, подниму до сотни, — пообещал он. — А сейчас выйди со студии и жди меня перед входом в бар Бенни.

...Когда Пэт объявился в больничной палате, Эстелла Хобби Девлин даже попыталась подняться с постели ему навстречу — настолько ее впечатлил этот неожиданный визит.

— Я так рада, что ты заглянул, Пэт! — сказала она. — Очень мило с твоей стороны! Ты получил мою записку?

— Забудем об этом, — пробурчал Пэт.

Эта жена ему никогда не нравилась. Поначалу она слишком сильно его любила, пока вдруг не обнаружила, что как любовник он оставляет желать лучшего. В ее присутствии он чувствовал себя неполноценным.

— У меня снаружи один парнишка, — сообщил он.

— А он тут при чем?

— Я подумал, что тебе здесь нечем заняться и ты, возможно, захочешь чем-то отплатить мне за все это добро... — Широким взмахом он обвел голые стены палаты. — Когда-то ты писала классные сценарии. Как полагаешь, если я притащу сюда пишущую машинку, ты смогла бы разложить по полочкам один весьма недурной сюжет?

— Ну... смогу, наверное.

— Учти, это секрет. Мы не можем доверять никому на студии.

— Понятно, — сказала она.

— Тогда я позову этого парня, и он расскажет тебе идею. А мне пора на совещание.

— Хорошо... и, Пэт, — ты ведь заглянешь ко мне еще?

— Конечно загляну.

Однако больше он с ней видеться не собирался. Не любил он все эти юдоли скорби, ибо сам пребывал в таковой. Но отныне с нищетой и бедами покончено. Энергия и сила — вот что его привлекало отныне; и этим вечером он вел Лизетту Стархейм в цирк на состязания борцов.

IV

Хэрмон Шейвер про себя называл подготовленное мероприятие «вечеринкой с сюрпризом». Намереваясь поставить больших боссов перед свершившимся фактом, он собрал всю честную компанию в своем офисе, а потом позвонил Левиню и попросил его прийти немедленно.

— Зачем это? — спросил Левинь. — По телефону сказать не можете? У меня сейчас дел по горло.

Такое высокомерно-пренебрежительное отношение бесило Шейвера, который представлял в Голливуде интересы акционеров с восточного побережья страны.

— Не так уж много я прошу, — сказал он резко. — Хватит того, что я позволяю вашей братии хихикать за моей спиной и держать меня в стороне от всех дел. Но теперь у меня появилось серьезное предложение, и я хочу, чтобы вы пришли сюда для разговора.

— Ну хорошо, иду.

При виде новообразованной съемочной группы Левинь удивленно вскинул брови, но не сказал ни слова и сел в кресло, опустив глаза и — словно в раздумьях — прикрыв ладонью нижнюю часть лица.

Мистер Шейвер вылез из-за стола и разразился потоком слов, копившихся в нем на протяжении нескольких месяцев. В общем и целом суть его речи сводилась к следующему: «Вы долго не допускали меня к вашим киношным играм, но теперь я начинаю свою игру». Затем он кивнул Джеффу Манфреду — тот открыл сценарий и начал читать вслух. На чтение ушел час, и все это время Левинь сидел молча и неподвижно.

— Вот вам, пожалуйста, — торжествующе подытожил Шейвер. — Если у вас нет возражений, я предлагаю подготовить смету и приступить к съемкам. Поддержку своих акционеров я гарантирую.

Левинь наконец-то подал голос:

— Вам понравился этот сценарий, мисс Стархейм?

— По-моему, это здорово.

— И на каком языке вы собираетесь играть свою роль?

К общему удивлению, мисс Стархейм поднялась на ноги.

— Мне пора идти, — произнесла она со своим легким, приятным акцентом.

— Сядьте и отвечайте на мой вопрос, — приказал ей Левинь. — На каком языке вы собираетесь играть эту роль?

Глаза мисс Стархейм наполнились слезами.

— Йесли имей карош настафник, ихь канн йетта роль гут шпилен, — пролепетала она.

— При этом сценарий вам понравился, верно?

Она замешкалась, прежде чем повторить:

— По-моему, это здорово.

Левинь обратился к остальным присутствующим.

— Мисс Стархейм находится здесь вот уже восемь месяцев, — сказал он. — С ней занимались три преподавателя. И за все это время — если только в последние три недели не случились какие-то подвижки — она освоила всего три фразы: «Как поживаете?», «По-моему, это здорово» и «Мне пора идти». Мисс Стархейм глупа как пробка — я ничуть не оскорбляю ее этими словами, поскольку она все равно не понимает их смысл. Вот она — ваша кинозвезда.

Он повернулся к Датчу Уэггонеру, который еще до того встал со своего места.

— Не надо, Карл... — попросил он.

— Ты сам меня к этому вынудил, — произнес Левинь. — Мне случалось доверять работу пьяницам — до известной степени, но будь я проклят, если еще раз доверю ее наркоману!

Он взглянул на Хэрмона Шейвера:

— Датча хватало ровно на неделю качественной работы в каждой из четырех последних картин. Сейчас он снова в норме, но, когда наступает горячая пора на съемках, его рука сама тянется к чудесному белому порошку. погоди, Датч! Не говори ничего, о чем тебе потом придется пожалеть. Мы пока что не сбрасываем тебя со счетов, но к работе допустим лишь после врачебного подтверждения, что ты уже год как в завязке.

И снова к Хэрмону:

— Вот он — ваш режиссер. Что касается вашего исполнительного продюсера Джеффа Манфреда, то он полу-

чил свою должность на студии лишь по одной причине: он приходится кузеном жене Берера. Ничего не имею против него лично, однако он безнадежно устарел вместе с немым кино, точно так же... точно так же... — взгляд его отыскал трясущегося беднягу, — точно так же как Пэт Хобби.

— К чему это ты клонишь? — взвился Джефф.

— Ты пошел на поводу у Хобби, не так ли? Этим уже все сказано. — Он повернулся к Шейверу. — Джефф просто плакса, прожектер и мечтатель. Мистер Шейвер, вы оптом приобрели негодный для работы материал.

— Но, кроме того, я приобрел хороший сюжет, — не сдавался Шейвер.

— Да, тут вы правы. И он пойдет в производство.

— А разве этого мало? — спросил Шейвер. — Откуда мне было знать про мистера Уэггонера и мисс Стархейм, если вы вечно все от меня скрываете? Однако хороший сюжет у меня есть.

— Да, — рассеянно промолвил Левинь и встал из кресла. — Да, сюжет хороший... Зайдем ко мне в офис, Пэт.

Он уже был у двери. Пэт жалобно оглянулся на мистера Шейвера, словно прося его о заступничестве, а затем на ватных ногах поплелся за Левином.

Они в молчании проследовали по коридору до кабинета босса.

— Садись, Пэт.

Пэт сел.

— А у этого Эрика есть талант, верно? — спросил Левинь. — Он может далеко пойти. Как ты умудрился его откопать?

Пэт не чувствовал рук и ног, будто их уже туго перетянули ремнями электрического стула.

— Ну, вот так... откопал. То есть... он как бы сам откопался.

— Мы назначим ему жалованье, — сказал Левинь. — Давно пора придумать, как продвигать талантливую молодежь.

Загудел вызов интеркома, он нажал кнопку, о чем-то переговорил и снова поднял взгляд на Пэта:

— И как ты только мог связаться с этим Шейвером, чтоб ему было пусто?! Вот уж чего не ожидал от ветерана вроде тебя, Пэт.

— Я просто подумал...

— Почему бы ему не убраться к себе на восток? — продолжил с отвращением Левинь. — Засел тут и ворошит муравейник, а всякие болваны вроде вас играют ему на руку!

Тут Пэт очнулся, словно пес, услышавший знакомый зов.

— Но в конце концов я раздобыл сюжет, не так ли? — сказал он с ноткой самодовольства и тут же подкинул вопрос: — А как ты вообще об этом узнал?

— Приехал в больницу проведать Эстеллу и застал ее с этим парнишкой за работой.

— Вот оно что... — сказал Пэт.

— Парня я узнал в лицо, он здесь уже примелькался... А теперь, Пэт, скажи мне одну вещь: Джефф Манфред был в курсе, что это краденый сюжет, или ты дурачил и его тоже?

— Боже правый... — простонал Пэт. — Почему я должен на это отвечать?

Левинь резко подался вперед.

— Пэт, ты сейчас сидишь над потайным люком, — произнес он, свирепо сверкая глазами. — Разве ты не заметил вырез по узору ковра вокруг твоего стула? Мне достаточно нажать эту кнопку, чтобы ты провалился в самую преисподнюю! Ты *будешь* говорить?!

Пэт вскочил со стула, в панике глядя на ковер у себя под ногами.

— Буду, буду! — закричал он.

Он сразу поверил Левиню — он почему-то всегда верил в такие вещи.

— Вот и ладно, — сказал Левинь, откидываясь на спинку кресла. — Плесни себе виски — бутылка там, в баре. Выкладывай все начистоту, и тогда я, может, еще месяц подержу тебя на окладе. С тобой, по крайней мере, не соскучишься.

Патриотизм в коротком метре

Пэт Хобби — Сценарист и Человек — свои славнейшие деяния на поприще киноискусства совершал в ту эпоху, когда, по выражению Ирвина Кобба, «символом успеха могла быть берцовая кость святого Себастьяна, вделанная в рычаг переключения скоростей». Еще одним символом успеха считался тогда свой собственный плавательный бассейн, и Пэт имел таковой, правда поплавать в нем удавалось лишь в первые часы после еженедельной процедуры заполнения, а потом вода упрямо убегала в грунт через бесчисленные трещины в бетонном дне.

— Но ведь бассейн-то был! — твердил он себе однажды вечером по прошествии десяти лет.

Ныне Пэт с благодарностью хватал любую подачку в виде работы за две с половиной сотни в неделю, но даже долгие годы лишений и невзгод не стерли из его памяти прекрасные видения прошлого.

Сейчас он трудился над рядовой короткометражкой, освещавшей весьма неоднозначную карьеру генерала Фицхью Ли, который сначала сражался против США за Конфедерацию, а потом — за США против Испании. При этом сюжет следовало сбалансировать так, чтобы это не обидело ни Север, ни Юг. На предварительном совещании Пэт выступил с инициативой.

— Я вот что подумал, — сказал он Джеку Бернерсу, — учитывая нынешнюю ситуацию, неплохо бы внести в картину еврейский колорит.

— Что ты имеешь в виду? — озадачился Бернерс.

— Ну, я подумал: сейчас много всяких разговоров о евреях и было бы неплохо показать, что они тоже в этом участвовали.

— В чем участвовали?

— В Гражданской войне. — Пэт напрягся, стараясь припомнить все немногое, что знал из истории. — Они ведь участвовали, да?

— Надо полагать, — сказал Бернерс, начавший терять терпение. — Там воевали все — кроме квакеров, конечно.

— Так вот, я предлагаю дополнить сюжет любовной линией: этот Фицхью Ли влюбляется в еврейскую девушку. Враги планируют убить его на закате, сразу после вечернего звона, но его возлюбленная похищает колокол с церковной колокольни и...

Джек Бернерс резко наклонился к нему через стол.

— Послушай, Пэт, тебе ведь нужна эта работа, так? — спросил он.

— Конечно нужна.

— Тогда делай, что тебе велено, и оставь евреев в покое. Если ты хотел угодить мне этой бредятиной, то мне жаль твою вконец отупевшую голову.

И вот так обращаются с человеком, когда-то имевшим собственный бассейн! Нынче Пэт раз за разом возвращался мыслями к своему давно утраченному бассейну — и причиной тому был не кто-нибудь, а президент Соединенных Штатов, мельком упомянутый в сценарии.

Пэт запомнил тот день, около десяти лет назад, в мельчайших подробностях.

С утра по студии разнеслась весть, что к ним в гости должен прибыть сам президент. Это событие открывало новую эру в истории всей индустрии, поскольку никогда ранее президент Соединенных Штатов не посещал киностудию. Все работники компании были в своих луч-

ших костюмах и при галстуках, а над входом в студийную столовую развевались флаги...

Голос Бена Брауна, возглавлявшего отдел короткометражек, вернул Пэта в сегодняшний день.

— Мне только что звонил Джек Бернерс, — сказал он. — Нам не нужно никаких побочных линий, Пэт. Есть исторические факты, от них и пляшем. Фицхью Ли служил в кавалерии. Он был племянником Роберта Ли. Покажем капитуляцию при Аппоматтоксе, горечь поражения и все такое. Потом покажем, как после войны он способствует национальному примирению, — тут надо не перегнуть палку, потому как Виргиния до сих пор кишит этими Ли. А в конце президент Маккинли назначает его на высокий пост в армии США. Да, и подчисти хорошенько все, что касается Испании, — парень, работавший над сюжетом до тебя, был с левым уклоном и сделал из испанских офицеров какую-то шайку вертлявых кретинов...

Пэт сидел за своим рабочим столом, просматривая черновую рукопись под названием «Верность двум флагам». Первая сцена представляла генерала Ли в тот момент, когда он, находясь во главе своей кавалерии, получает известие о падении Питерсберга. Предшественник Пэта не пожалел красок, описывая то, как Ли воспринял этот тяжелейший удар; однако Пэту платили всего двести пятьдесят в неделю, и потому он без всяких мыслительных усилий, легко и непринужденно впихнул сюда один из своих любимых шаблонов:

Ли (*своим офицерам*). Ну что вы тут стали, разинув рот? Шевелитесь же, делайте что-нибудь!

*СРЕДНИЙ ПЛАН. Офицеры активно шевелятся, ободряюще хлопают друг друга по плечу и т. п.
Наплыв, переход к...*

Переход к чему? Он задумался над фильмом, но мысли сами совершили переход к славным картинам прошлого. В тот день, десять лет назад, около полудня в его офисе зазвонил телефон. Это был мистер Москин.

— Пэт, сегодня в честь президента будет обед в парадном зале. Даг Фэрбенкс не сможет прийти, так что одно место получается вакантным. Кроме того, мы считаем не лишним иметь за столом кого-то, представляющего сценаристов.

Воспоминания о том великолепном обеде были ему как бальзам на душу. Великий человек задавал вопросы о кино, затем рассказал анекдот, и Пэт радостно присоединился к общему громоподобному хохоту — все они были солидными людьми, преуспевшими в жизни, богатыми и счастливыми.

Далее у президента было запланировано посещение съемочной площадки, а ближе к вечеру он в доме мистера Москина встречался за чаем с несколькими кинозвездами. На эту встречу Пэта не пригласили, однако его дом на Беверли-Хиллз находился в непосредственном соседстве с особняком Москина. Пораньше вернувшись домой, Пэт со своей веранды наблюдал прибытие кортежа — Москин ехал на заднем сиденье рядом с президентом. То было время, когда Пэт Хобби гордился своей работой в кино, гордился своим положением на студии, гордился своим президентом и своей страной, это кино породившей...

Пэт вздохнул, возвращаясь к действительности, взглянул на «Верность двум флагом» и аккуратно, не торопясь, написал:

ВСТАВКА. ОТРЫВНОЙ КАЛЕНДАРЬ

Листки с четкими крупными цифрами, изображающими годы, отрывает и уносит прочь холодный ветер, показывая, как постепенно стареет Фицхью Ли.

Труды праведные пробудили у Пэта жажду — из тех, что не утоляется водой, — но покуситься на что-либо покрепче в первый же день работы над фильмом он не рискнул. Выйдя в коридор, он направился к питьевому бачку, и по дороге его в очередной раз настигли воспоминания...

Стоял чудный калифорнийский вечер, и мистер Москин предложил высокому гостю и всей звездной компании переместиться из дома в сад, примыкавший к саду Пэта Хобби. Стараясь быть незаметным, Пэт покинул свой дом через заднее крыльцо, прошел вдоль невысокой живой изгороди и — нос к носу столкнулся с президентом и его сопровождением.

Президент улыбнулся и приветственно кивнул Пэту. Мистер Москин тоже улыбнулся и кивнул.

— Вы виделись с мистером Хобби сегодня за обедом, — сказал он президенту. — Это один из наших сценаристов.

— Вот как? — сказал президент. — Вы придумываете фильмы?

— Это моя работа, — сказал Пэт.

Президент окинул взглядом владения Пэта:

— Должно быть, вы получаете массу вдохновения, сидя на краю этого прекрасного бассейна.

— Так и есть, — сказал Пэт. — Так оно и есть.

...Пэт подставил свою кружку под краник питьевого бачка. По коридору в его сторону двигалась плотная группа, включавшая Джека Бернерса, Бена Брауна и еще нескольких людей из руководства, а также девушку, с которой все они держались на редкость любезно и предупредительно. Едва взглянув в ту сторону, Пэт сразу же узнал в ней «Девушку года», «Мисс Восторг», «Мисс Прелесть», «Мисс Очарование» — ту самую девушку, за контракт с которой шла отчаянная борьба между киностудиями.

Пэт замер с кружкой воды в руке. В своей жизни он перевидал немало звезд-однодневок, которые ярко вспы-

хивали и вскоре исчезали с горизонта, но в этой девушке было нечто, заставлявшее ускоренно биться сердца всей нации. И сердце Пэта чаще застучало в груди, а когда процессия приблизилась, он поставил кружку на бачок, быстро пригладил рукой волосы и шагнул на середину коридора.

Девушка взглянула на него — он взглянул на девушку. Затем она взяла под руку Джека Бернерса с одной стороны, а Бена Брауна — с другой, и все они продолжили движение прямо, словно и не было перед ними никакого Пэта Хобби, которому пришлось попятиться к стенке, уступая дорогу.

Спустя секунду Джек Бернерс обернулся и бросил через плечо: «Привет, Пэт». Кто-то из группы также взглянул в его сторону, но никто больше не поздоровался — настолько они были увлечены девушкой...

И снова Пэт сидел у себя в кабинете, угрюмо просматривая сцену, в которой президент Маккинли предлагал Фицхью Ли высокий пост в армии США. На полях рукой Бернерса была сделана пометка: «Вставь немного о Маккинли, о прогрессе демократии и кубино-американской дружбе, но никаких нападок на Испанию — этот рынок для нас теперь очень важен». Пэт стиснул зубы и с сильным нажимом вывел финальную фразу:

Ли. Да подавитесь вы своим высоким чином, мистер президент!

Потом Пэт низко склонился над столом, и плечи его затряслись в беззвучном плаче по тем далеким счастливым дням, когда он имел собственный бассейн.

По следу Пэта Хобби

I

Этот день спозаранку выдался хмурым, а калифорнийский туман был воистину вездесущ. Он неотступно преследовал Пэта Хобби, когда тот сломя голову — и притом оставшись без шляпы — мчался через весь город. Его конечной целью, его убежищем, была киностудия, которая уже не числила Пэта среди штатных сотрудников, но за прошедшие двадцать лет он привык считать это место своим родным домом.

Ему это привиделось или же полисмен у входа и впрямь чересчур внимательно изучал его пропуск? Возможно, причиной тому было отсутствие головного убора, правда в Голливуде многие не считали нужным носить шляпу, но Пэт без нее чувствовал себя выделяющимся из окружения, тем более что в спешке он не нашел времени привести в порядок свою жидкую седеющую шевелюру.

Добравшись до сценарного корпуса, он первым делом направился в туалет, но на подходе к нему вдруг вспомнил, что еще год назад непостижимым указом откуда-то сверху зеркал^а были удалены из всех здешних помещений.

Дальше по коридору он увидел распахнутую дверь офиса Би Макилвейн, а в глубине комнаты — ее собственную пышную фигуру.

— Би, не одолжишь на пару секунд свою пудреницу? — попросил он, входя.

Би взглянула на него подозрительно, но потом все же полезла в сумочку.

— Ты сейчас в работе? — спросила она.

— Приступаю со следующей недели, — оптимистически предрек Пэт и, положив открытую пудреницу на стол, начал причесываться перед зеркальцем. — Интересно, зачем они убрали зеркала из туалетов? Боялись, что сценаристы будут целыми днями в них пялиться, забыв о работе?

— А помнишь, как они однажды убрали из всех кабинетов кушетки? — сказала Би. — Это было в тридцать втором. А вернули их в тридцать четвертом.

— Я тогда мог работать только дома, — подхватил Пэт. Причесавшись и вернув зеркальце, он прикинул, есть ли смысл просить у Би займы — хотя бы несколько долларов, чтобы хватило на новую шляпу и скромный обед в столовой. Но Би, видимо, заметила характерный блеск в его глазах и сыграла на опережение.

— Эти финны выгребли всю мою наличку, — проворчала она. — А тут еще и работа забуксовала в самый последний момент. Одно из двух: либо мой фильм запустят уже завтра, либо его уберут на дальнюю полку. До сих пор не можем придумать название.

С этими словами она вручила ему размноженное на ротаторе объявление от сценарного отдела. Пэт бросил взгляд на заголовок:

ВСЕМ ОТДЕЛАМ!

СРОЧНО ТРЕБУЕТСЯ НАЗВАНИЕ ДЛЯ ФИЛЬМА!

НАГРАДА — ПЯТЬДЕСЯТ ДОЛЛАРОВ!

Краткое содержание прилагается.

— Полтинник мне бы кстати, — сказал Пэт. — О чем фильм?

— Тут все написано. О разных неприятностях, какие происходят с людьми в мотелях.

Пэт вздрогнул и впился взглядом в собеседницу. А он-то полагал, что в стенах студии ему ничто не грозит! Выходит, вести разлетаются быстрее, чем можно было ожидать. Как бы вскользь оброненное замечание Би являлось дружеским — или не очень дружеским — предупреждением. Значит, надо убираться и отсюда. Опасность шла за ним по пятам, и негде ему было преклонить свою бедную непокрытую голову.

— Я об этом ничего не знаю, — пробормотал он и быстро покинул комнату.

II

Войдя в вестибюль студийной столовой, Пэт огляделся. Охранников поблизости не было, а из obsługi присутствовала только продавщица сигарет за стойкой неподалеку. Это облегчало задачу, однако похищение чужой шляпы имеет свои особенности: очень сложно на глазок определить нужный размер, тогда как вид человека, поочередно примеряющего шляпы в раздевалке, наверняка вызовет подозрения.

Нельзя было сбрасывать со счетов и личные предпочтения. Пэту сразу же приглянулась мягкая темно-зеленая федора с жизнерадостным перышком, но она была слишком заметной и узнаваемой. То же самое касалось и прекрасного белого стетсона — классический ковбойский стиль. Наконец он остановил свой выбор на сером хомбурге — прилично, солидно и не бросается в глаза. Дрожащей рукой он снял шляпу с вешалки и покрыл голову. В самый раз! И Пэт пошел к выходу, могучим усилием воли заставляя себя двигаться неторопливо и естественно.

В течение следующего часа никто из встречавшихся ему людей не упоминал о мотелях, и Пэт начал успокаиваться. Последние три месяца выдались очень тяжелыми, и, чтобы хоть как-то свести концы с концами, он временно устроился работать ночным портье в мотель «Селекто», разумеется скрывая сей позорный факт от своих голливудских друзей. Но этим утром в мотель нагрянула полиция и, судя по тому, что рейд затянулся, накопала достаточно для того, чтобы Пэт (или Дон Смит, каковым именем он здесь назвался) был задержан и допрошен в качестве свидетеля. Пэт не стал этого дожидаться. Его побег из мотеля вполне соответствовал жанровым канонам мелодрамы. Оставив шляпу на вешалке, он выскользнул через боковую дверь, заскочил в ближайший магазинчик на углу за остро необходимой полпинтой, на попутках пересек по диагонали огромный город, замирая при виде каждого постового полисмена, и перевел дух лишь при виде парящей над окрестными зданиями эмблемы киностудии.

Посетив студийного букмекера Луи, которому Пэт в свои лучшие времена оказывал всемерное покровительство, он отправился в офис Джека Бернерса. Никаких идей или предложений у Пэта не было, но ему повезло застать Джека в момент отбытия на важную встречу и получить неожиданное приглашение посидеть в кабинете до его прихода.

Это был во всех отношениях прекрасный, богато обставленный кабинет. На письменном столе ничего заслуживающего интереса не обнаружилось, зато бар порадовал его графинчиком бренди и бокалами на изготовку. Сполна отдав этому должное, Пэт прилег на большой мягкий диван у стены и уснул.

Разбудило его возвращение Бернерса, который был вне себя от злости.

— Это черт знает что, уже ни в какие ворота! Назначено собрание начальников всех отделов. Мы собираемся, одного не хватает, мы сидим и ждем. Наконец он появляется — понятно, на него спускают всех собак из-за угроженного времени на тысячи долларов. И какое, ты думаешь, он приводит объяснение? Мистер Маркус, оказывается, потерял свою любимую шляпу!

Пэт не углядел в этой новости никакой связи с собой.

— И вот работа остановлена уже во всех отделах! — продолжил Бернерс. — Две тысячи человек брошены на поиски шляпы — какого-то серого хомбурга! — Он опустошенно рухнул в кресло. — Поговорим о твоих делах в другой раз, Пэт. К четырем часам мне позарез нужно название для фильма о злоключениях в мотеле. Есть идеи на сей счет?

— Нет, — сказал Пэт. — Никаких.

— Тогда зайди в офис Би Макилвейн, — может, вместе что-нибудь придумаете. На кону пятьдесят долларов. Как в полусне, Пэт поплелся к двери.

— Эй! — окликнул его Бернерс. — Не забудь свою шляпу.

III

Сумбурный день, проведенный в бегах от закона, и немалая доза бренди от Бернерса вдобавок к выпитому ранее — все это давало о себе знать, когда Пэт опустился на стул в кабинете Би Макилвейн.

— Мы *обязаны* придумать название, — мрачно сказала Би.

Она вручила Пэту карандаш и копию объявления о награде в пятьдесят долларов. Пэт уставился на текст, не в силах его прочесть.

— Ну, что скажешь? Есть предложения?

Последовала долгая пауза.

— «Летчик-испытатель» вроде уже было? — рассеянно молвил он.

— Проснись! При чем тут авиация?

— Просто я думаю, что это хорошее название.

— Как и «Рождение нации».

— Но не для этого фильма, — пробормотал Пэт. — Для этого фильма «Рождение нации» не подходит.

— Издеваешься? — возмутилась Би. — Или крыша поехала? Тут серьезная проблема, между прочим.

— Еще бы... Я понимаю... — Нетвердой рукой он нацарапал несколько слов внизу страницы. — Я пропустил стаканчик-другой, врать не буду, но сейчас в голове уже проясняется... Просто я вспоминаю самые удачные названия фильмов. Беда в том, что все они уже были использованы, как «Это случилось однажды ночью».

Би взглянула на Пэта с тревогой. Он уже начал клевать носом — не дай бог, завалится дрыхнуть у нее в офисе. Спустя минуту она позвонила Джеку Бернерсу:

— Ты не мог бы сейчас подойти? У меня набралось несколько вариантов.

Джек явился с толстой пачкой листов — то были предложения, поступившие со всей студии, но в этой куче пустой породы не нашлось ни единой золотой крупички.

— А что у тебя, Пэт? Придумал что-нибудь? — спросил Джек.

Пэт с трудом разлепил глаза.

— Лично мне нравится «Это случилось однажды ночью», — безнадежно сказал он и опустил взгляд на листок со своими каракулями, — или... или «Гранд-мотель»...

Лицо Бернера просветлело.

— «Гранд-мотель»... — повторил он. — Черт побери, да это в самое яблочко! «Гранд-мотель»!

ИСТОРИИ ПЭТА ХОББИ (1940–1941)

— Я сказал «Гранд-отель», — поспешил исправиться Пэт.

— Да нет же! Ты сказал «Гранд-мotelь» — и теперь награда, считай, у тебя в кармане.

— Я хотел бы прилечь, — вдруг объявил Пэт. — Что-то мне нехорошо.

— Напротив есть пустой офис, можешь устроиться там. Отличная идея, Пэт! «Гранд-мotelь» — или, может, «Motelный портье»? Как тебе такой вариант?

Беглец уже почти достиг двери, когда Би вложила ему в руки шляпу.

— Классно сработал, старина! — сказала она.

Пэт схватил шляпу обеими руками, как суповую миску, и вдруг мощно, с протяжным звуком изрыгнул в нее все, что накопилось внутри.

— Уф... полегчало... как будто... — простонал он через несколько секунд. — Скоро вернусь.

И он побрел в сторону туалета, пошатываясь и расплескивая содержимое шляпы, — несчастный, преследуемый человек.

Забавы художников

I

Это случилось в 1938 году, когда мало кто из европейцев верил в возможность новой войны — за исключением немцев, уже выигравших эту войну у себя в голове. Люди в ту пору еще увлекались искусством и пытались творить шедевры из всего подряд — от старой одежды до апельсиновых корок, — и вот тогда-то принцесса Дигнанни нашла Пэта Хобби. Ей вздумалось сотворить шедевр из него.

— Нет, вы не подходите, мистер Де Тинк, — говорила она. — Я не буду писать ваш портрет. У вас чересчур стандартная внешность, мистер Де Тинк.

Мистер Де Тинк, который был важной шишкой в мире кино и даже фотографировался на память с самим герром Духманном, «великим знатоком тайных грехов», безропотно отошел в сторону. Он ничуть не обиделся, ибо вообще не имел привычки обижаться; а в данном случае и подавно не могло быть обид, если учесть, что перед тем принцесса забраковала в качестве моделей Кларка Гейбла, Спенсера Руни и Вивьен Ли.

Она заметила Пэта в студийной столовой и, выяснив, что он является сценаристом, попросила мистера Де Тинка позвать его на ближайшую вечеринку. Принцесса была привлекательной женщиной родом из Бостона, штат Массачусетс, а Пэту было сорок девять лет — плюс вечно красные глаза и стойкий запах виски изо рта.

— Вы пишете сценарии, мистер Хобби?

— Я помогаю их писать, — сказал Пэт. — Для того чтобы сделать сценарий, нужен не один человек.

Польщенный таким вниманием к своей персоне, он не чувствовал никакого подвоха. Сейчас он имел работу только потому, что вовремя подвернулся под руку продюсеру, находившемуся на грани нервного срыва. За прошедшую неделю этот продюсер ни разу не потревожил Пэта — скорее всего, просто забыв о том, что его нанял, — и потому сценарист порядком струхнул в первый момент, когда его вдруг перехватили в столовой и настоятельно попросили этим вечером явиться в особняк мистера Де Тинка. Само по себе мероприятие Пэта не впечатлило, если сравнивать со временами его голливудского процветания. Все было слишком чинно и скучно — и хоть бы один пьяный гость уснул, запершись в туалете, что для прежних гулянок было «обязательным номером программы».

— Полагаю, такой труд, как написание сценариев, очень хорошо оплачивается, — сказала принцесса.

Прежде чем ответить, Пэт быстро огляделся, прикидывая, кто находится в пределах слышимости. Массивная туша мистера Де Тинка перемещалась в некотором отдалении, но один его глаз, казалось способный двигаться в орбите независимо от другого, держал под прицелом Пэта.

— На оплату грех жаловаться... — бодро сказал Пэт и далее понизил тон, — если удастся найти работу.

Принцесса, похоже, вошла в его положение и также заговорила вполголоса:

— Вы хотите сказать, что сценаристам нелегко найти работу?

Он кивнул:

— Слишком много их набралось в этих новых профсоюзах. — Теперь он чуть прибавил громкости в расчете на тонкий слух мистера Де Тинка. — Большинство этих горе-писак с потрохами продались красным.

Принцесса понимающе кивнула.

— Не могли бы вы чуть-чуть повернуть голову к свету? — вежливо попросила она. — Да, вот так, отлично. Вы не откажетесь завтра посетить мою мастерскую и попозировать для картины? Это займет от силы час.

Пэт посмотрел на нее с беспокойством.

— Обнаженным? — уточнил он.

— Нет, конечно же! — заверила она. — Я хочу зарисовать только лицо.

Мистер Де Тинк приблизился к ним, энергично трясая головой:

— Не вздумай отказываться. Принцесса Дигнанни собирается написать портреты многих наших звезд, Джека Бенни, Крошки Сэнди, Хэди Ламарр, правда, принцесса?

Ответа он не получил. Принцесса была действительно хорошей портретисткой, и она сама это знала, как знала и то, в какой мере обязана известностью своему таланту, а в какой — своему титулу. Стилистически она колебалась между «розовым периодом» Пикассо с легким налетом Болдини и прямым подражанием Реджинальду Маршу. А для данной серии уже было придумано название. Она решила назвать ее «Голливудское перепутье».

II

Несмотря на заверения в том, что ему не придется раздеваться для позирования, Пэт сильно нервничал, отправляясь на эту встречу. В пору далекой впечатлительной юности ему как-то довелось заглянуть в глазок аппарата, демонстрировавшего серию из двух дюжин фотографий под названием «Забавы художников». И даже сейчас, когда стриптиз был давно легализован и обложен муниципальными налогами, он испытывал подобие шока при воспоминании о том зрелище. Так что Пэт ничуть не уди-

вился бы, по приходе в бунгало отеля «Беверли-Хиллз» обнаружив принцессу в одном полотенце на голое тело. Однако его ждало разочарование. Принцесса встретила гостя в рабочей блузе, с зачесанными назад — на мальчишеский манер — темными волосами.

По пути сюда Пэт взбодрился парой стаканчиков, но заготовленная вступительная фраза: «Как дела, герцогиня?» — повисла в воздухе, так и не задав подходящий, как ему казалось, игривый тон общения.

— Благодарю вас, мистер Хобби, — церемонно сказала принцесса, — за то, что уделите мне немного вашего времени.

— Ну, мы не так чтобы уж очень надрываемся в Голливуде, — сказал Пэт. — У нас там на все ответ: «маньяна», что означает «завтра» по-испански.

Принцесса сразу провела его в дальнюю комнату, где у окна стоял мольберт с натянутым холстом. Там же имелась кушетка, на которую оба присели.

— Мне нужно пару минут, чтобы к вам присмотреться, — сказала она. — Вам прежде случалось позировать?

— Я что, похож на натурщика? — спросил он, подмигивая, а когда она улыбнулась, почувствовал себя достаточно свободно, чтобы поинтересоваться: — У вас найдется что-нибудь выпить?

Принцесса колебалась. По ее замыслу он должен был выглядеть так, будто ему *очень хочется* выпить. В порядке компромисса она отправилась к бару и смешала ему легкий коктейль. Вернувшись в комнату, она обнаружила, что гость уже снял пиджак и галстук и удобно разлегся на кушетке.

— Так действительно лучше, — сказала она. — Я про вашу рубашку. Должно быть, их специально шьют для Голливуда — подобно тому, как выпускают особые партии для Цейлона или Гватемалы. Вот, выпейте, и приступим к работе.

— Почему бы и вам не выпить за компанию? — предложил Пэт.

— Я уже выпила, когда готовила коктейль для вас, — солгала она.

— Вы замужем? — спросил он.

— Сейчас в разводе. Вы не пересядете на этот стул?

Пэт неохотно поднялся с кушетки, одним духом опрокинул коктейль, неприятно удивившись слабому присутствию в нем алкоголя, и сел на указанное место.

— Теперь замрите и не двигайтесь, — сказала она.

Пока она работала, Пэт сидел молча, стараясь не шевелиться. Было три часа пополудни, как раз сейчас в Санта-Аните начинался третий заезд, и он припас десятку для ставок. Вместе с этой десяткой его долг букмекеру Луи на данный момент составлял шестьдесят баксов, и каждый вторник, когда Пэт появлялся перед окошком студийной кассы, Луи неотступно маячил рядом... А ноги у этой дамочки очень даже ничего — насколько он мог судить по тому, что виднелось из-под мольберта. Ему также нравились ее красиво очерченные губы и легкие движения открытых по локоть рук. Было время, когда он и смотреть бы не стал на женщину старше двадцати пяти (если только она не была секретаршей, сидевшей в его офисе). Но сегодняшние девчонки слишком много о себе воображали и при первой же попытке заигрывания грозились вызвать полицию.

— Пожалуйста, не дергайтесь, мистер Хобби.

— Не пора ли уже закругляться? — сказал он. — От этих трудов у меня пересохло в горле.

К тому времени принцессе удалось поработать всего полчаса. Она приостановилась и посмотрела на него в упор:

— Мистер Хобби, вас одолжил мне мистер Де Тинк. От вас всего-то требуется быть естественным, будто вы находитесь у себя в офисе. Еще полчаса, и я закончу.

— А мне-то какая от этого радость? — спросил он. — Все же я не натурщик, я сценарист.

— Пока вы здесь сидите, вам начисляется зарплата на студии, — сказала она, возобновляя работу. — Считайте это очередным заданием, полученным от мистера Де Тинка.

— Тут есть разница. Вы — леди, и я не смогу себя уважать, если оставлю это без внимания.

— То есть вы хотите, чтобы я с вами флиртowała?

— Нет, это устаревший подход. Но я полагал, что мы с вами нормально посидим, выпьем чего-нибудь.

— Возможно, мы так и сделаем, но попозже, — сказала она. — Неужели это труднее, чем работа на студии? Или вам тяжело на меня смотреть?

— Я совсем не против того, чтобы на вас смотреть, но предпочел бы делать это, сидя рядом с вами на мягком диване.

— У себя на студии вы не расслаиваетесь на диванах.

— Тут вы не угадали. Если вы среди дня пройдетесь по сценарному корпусу, не удивляйтесь, обнаружив многие двери закрытыми изнутри.

Она сделала шаг назад и взглянула на него с прищуром:

— Закрытыми? Это чтобы их не беспокоили? — Она положила кисть. — Сейчас принесу вам выпить.

Вернувшись через несколько минут, она растерянно застыла в дверях: Пэт успел раздеться по пояс и теперь стоял посреди комнаты, с глуповатым видом протягивая ей свою рубашку.

— Вот вам, пожалуйста, — сказал он. — Можете взять себе эту рубашку. Я знаю, где раздобыть еще кучу таких же.

Несколько секунд принцесса молча взидала на эту сцену, а потом взяла рубашку и положила ее на диван.

— А теперь сядьте на стул и позвольте мне закончить, — сказала она и, видя, что Пэт медлит, добавила: — Потом мы с вами выпьем.

— И когда будет это «потом»?

— Через пятнадцать минут.

Она торопилась завершить набросок, раз за разом исправляя нижнюю часть лица, — казалось, выражение подхвачено верно, однако что-то ее не удовлетворяло. Не хватало какого-то нюанса, который она уловила при первой встрече с ним в студийной столовой.

— Вы давно занимаетесь живописью? — спросил Пэт.

— Уже много лет.

— Наверно, повидали мастерские разных художников?

— Разумеется. У меня есть и собственная мастерская.

— Я слышал, в этих мастерских творятся забавные вещи. Вы когда-нибудь... — Тут он замялся.

— «Когда-нибудь» что?

— Вы когда-нибудь рисовали обнаженного мужчину?

— Пожалуйста, помолчите одну минуту.

Она замерла, подняв кисть и словно к чему-то прислушиваясь, а потом нанесла один быстрый мазок и с сомнением оглядела полученный результат.

— Знаете, а ваш портрет писать нелегко, — сказала она, положив кисть.

— Мне тоже нелегко позировать, — сказал он, поднимаясь со стула. — Давайте на этом закончим. И почему бы вам... почему бы вам не накинуть что-нибудь полегче вместо этой хламиды?

Принцесса улыбнулась. Она подумала, что обязательно расскажет друзьям эту историю, поднеся ее как дополнение к портрету, если, конечно, портрет удастся, в чем она все больше сомневалась.

— Вам стоит пересмотреть свои методы, — сказала она. — Неужели они срабатывают?

Пэт закурил сигарету и сел на кушетку.

— Если бы вам было восемнадцать, я бы начал всю эту болтовню про то, как вы сводите меня с ума, и далее в том же духе...

— А зачем это нужно вообще?

— Да ладно, будет вам! — сказал он с понимающим видом. — Вы пригласили меня позировать, верно?

— Да.

— А когда женщина приглашает мужчину позировать... — Пэт нагнулся, развязал шнурки, сбросил туфли, оставшись в носках, и водрузил ноги на кушетку. — Когда женщина хочет встретиться с мужчиной или мужчина хочет встретиться с женщиной под тем или иным предлогом, это всегда идет к одному и тому же. Вы меня понимаете?

Принцесса вздохнула.

— Похоже, вы загнали меня в угол, — сказала она. — Однако что же делать, если женщина хочет всего-навсего написать портрет мужчины?

— Когда женщина хочет написать портрет мужчины... — Пэт прикрыл глаза, покачал головой и выразительно хлопнул в ладоши. Он уже подцепил большими пальцами свои подтяжки, когда принцесса внезапно воскликнула:

— Офицер!

Какой-то звук раздался за спиной Пэта. Он обернулся и увидел на пороге молодого человека в униформе и блестящих черных перчатках.

— Офицер, вот этот человек — служащий мистера Де Тинка. Мистер Де Тинк одолжил его мне на сегодняшний день.

Полисмен оглядел застывшую на кушетке фигуру — живое воплощение вины.

— Он к вам приставал?

— Я не хочу доводить дело до суда — в участок я позвонила на всякий случай, для подстраховки. Дело в том,

что он изначально согласился позировать мне в обнаженном виде, а теперь отказывается. — Она вернулась за свой мольберт. — Мистер Хобби, может быть, хватит ломать эту комедию с ложной скромностью? Полотенце вы найдете в ванной.

Пэт очумело потянулся за своими туфлями, вдруг с тоскою подумав о том, что в Санта-Аните сейчас идет восьмой заезд...

— А ну-ка, шевелись живее! — поторопил его коп. — Ты слышал, что сказала эта леди?

Поднявшись с кушетки, Пэт устремил на принцессу взгляд, полный боли и укоризны.

— Вы же сказали... — хрипло произнес он. — Вы сказали, что хотите всего-навсего написать...

— А вы сказали, что я имела в виду нечто другое. Так что не тяните время. Офицер, там, в баре, напитки — угощайтесь, пожалуйста.

...Несколько минут спустя Пэт, поеживаясь в одном полотенце на голое тело, сидел посреди комнаты, и в памяти его безостановочно прокручивались увиденные в юности непристойные фотоснимки, хотя с данной сценой у них было очень мало общего. Оставалось лишь тихо радоваться предоставленному полотенцу — он до сих пор не понял, что принцессу интересовало только его лицо, а не весьма далекая от совершенства фигура. Выражение этого лица сейчас было именно таким, какое увидела принцесса тогда в столовой, — выражение «Голливудского перепутья», обратная сторона мистера Де Тинка, — и она спешила запечатлеть его на холсте, пока не сгустились вечерние сумерки.

Обломки прошлого

Фил Македон, некогда кинозвезда первой величины, и Пэт Хобби, сценарист, устроили аварию на бульваре Сансет, близ отеля «Бeverли-Хиллз». Было пять часов утра, и алкогольные выхлопы мощно клубились над местом их оживленного спора, так что сержанту Гаспару ничего не оставалось, как задержать обоих с последующим препровождением в участок. Пэт Хобби, мужчина сорока девяти лет, выказал особую агрессивность ввиду того, что Фил Македон не признал в нем старого знакомого. В пылу потасовки он случайно нанес удар сержанту Гаспару, который был настолько этим разозлен, что поместил нарушителя в тесный зарешеченный «обезьянник», пока все трое дожидались прибытия капитана полиции.

Хронологически Фил Македон попадал в промежуток между Юджином О'Брайеном и Робертом Тейлором. Сейчас, на шестом десятке, он был по-прежнему хорош собой, а от звездных гонораров у него сохранилось достаточно средств для содержания асьенды в долине Сан-Фернандо, где он и почивал на лаврах столь же беззаботно и бесцельно, как Вояка, герой скаковых арен.

С Пэтом Хобби судьба обошлась иначе. Проработав в кино двадцать с лишним лет сценаристом и рекламным агентом, он в момент упомянутого транспортного происшествия находился за рулем издавшего виды авто 1933 года выпуска, с некоторых пор формально пере-

шедшего в собственность Североголливудской ссудно-кредитной компании. А ведь когда-то, году в 1928-м, он достиг уровня процветания, позволявшего иметь собственный плавательный бассейн.

Теперь же он сычом глядел из-за решетки, все еще негодую на то, что Македон отрицал сам факт их знакомства.

— Я полагаю, Колмана ты тоже не помнишь? — спрашивал он саркастически. — И Конни Талмедж, и Билла Коркера, и Аллана Дуона?

Македон закурил сигарету безупречно выверенным жестом — в таких деталях немое кино могло дать фору нынешнему — и предложил закурить сержанту Гаспару.

— Может, я загляну к вам завтра? — сказал он. — Сегодня я хотел заняться выездкой молодой лошади...

— Очень сожалею, мистер Македон, — сказал коп искренне, поскольку являлся его давним поклонником. — Капитан вот-вот прибудет, и после этого мы *вас* надолго не задержим.

— Это всего лишь формальность, — подал голос из «обезьянника» Пэт Хобби.

— Ну да, это... — Сержант Гаспар посмотрел на Пэта. — А для *вас* это будет не так уж и формально. Слышали когда-нибудь про тест на опьянение?

Македон щелчком отправил окурок в открытый дверной проем и закурил новую сигарету.

— А что, если я сейчас уеду и вернусь через пару часов? — предложил он.

— Не получится, — сочувственно сказал сержант Гаспар. — И раз уж мне пришлось вас задержать, мистер Македон, позвольте поблагодарить вас за то, что вы однажды для меня сделали. Это насчет вашего фильма «Последний бросок» — он очень много значит для каждого, кто побывал на войне.

— О да, — с улыбкой молвил Македон.

— Я много раз пытался описать своей жене, как оно было на фронте: артобстрелы, пулеметный огонь и все такое, — я провел там семь месяцев с Двадцать шестым Новоанглийским, — но она никогда меня не понимала. В ответ, бывало, наставит на меня палец и скажет: «Пиф-паф! Ты убит!» — так что меня смех разбирает. Потом я вообще перестал говорить с ней на эту тему...

— Эй, выпустите меня отсюда! — потребовал Пэт.

— Закрой пасть! — рявкнул Гаспар. — Уж ты-то вряд ли был на войне.

— Я служил в Отряде самообороны Голливуда, — заявил Пэт. — В армию меня не взяли из-за больных глаз.

— Слыхали мы это не раз, — с отвращением сказал Гаспар. — Обычная песенка всех уклонистов и трусов. Что и говорить, война — штука страшная. И когда моя жена посмотрела этот ваш фильм, мне больше не пришлось ничего ей объяснять. Она все поняла. После того она уже не тыкала в меня пальцем и не говорила «пиф-паф!». Никогда не забуду ту сцену, где вы в снарядной воронке. Это было сыграно так реально, что у меня даже ладони вспотели, когда смотрел.

— Благодарю вас, — любезно принял комплимент Македон и закурил очередную сигарету. — Я тоже был на войне и знаю, каково это. На своей шкуре почувствовал.

— Именно так, сэр, — подхватил Гаспар. — И сейчас я рад возможности сказать вам лично, как это было важно для меня. Вы... вы объяснили моей жене, что такое война.

— О чем это вы? — снова подал голос Пэт Хобби. — Не о том ли фильме, что снял Билл Коркер в двадцать пятом году?

— Никак он не уймется, — проворчал Гаспар. — Да хоть о «Рождении нации», тебе-то что за дело? Сиди там и молчи в тряпочку до прихода капитана.

— В ту пору Фил Македон не отрекался от знакомства со мной, — сказал Пэт с обидой. — Кстати, я был на съемках той самой картины и видел его за работой.

— Никак не припомню тебя, старина, — снисходительно-вежливо обронил Македон. — Ты уж не обессудь.

— Но ты ведь помнишь тот день, когда Билл Коркер снимал сцену со снарядной воронкой, — твой первый съемочный день в этой картине?

Повисла пауза.

— Когда же появится ваш капитан? — спросил Македон.

— С минуты на минуту, мистер Македон.

— А вот я помню отлично, — продолжил Пэт, — потому что находился там же. Помнится, Билл прибыл на площадку в девять утра с толпой работяг и велел им выкопать большую яму, а вокруг установил четыре камеры. Потом он звякнул тебе с полевого телефона и приказал немедленно идти в костюмерку и надевать форму. Припоминаешь?

— Я не забиваю голову такими мелочами, старик.

— Потом ты позвонил ему и сказал, что у них нет формы твоего размера, а Коркер велел тебе заткнуться и надевать то, что дают. Ты появился на площадке жутко раздраженный, потому что форма сидела на тебе, как на огородном пугале.

Македон широко улыбнулся.

— У тебя просто феноменальная память, — сказал он. — А ты уверен, что речь идет о том самом фильме — и том самом актере?

— Еще бы я не был уверен! — решительно заявил Пэт. — Помню все, как сейчас. Только Коркер не дал тебе времени пожаловаться на форму, потому что у него было другое на уме. Он знал, что правдоподобной игры от тебя не дожدهшься — в этом плане ты наихудший ак-

тер во всем Голливуде, — и потому придумал ловкий ход, чтобы еще до полудня снять ключевую сцену фильма с твоим участием, но без твоего ведома. Он подвел тебя к краю воронки и вдруг дал тычка, так что ты съехал туда на заднице, а потом скомандовал: «Мотор!»

— Вранье, — сказал Фил Македон. — Я сам спустился в воронку.

— Тогда почему ты сразу же завопил благим матом? — поинтересовался Пэт. — До сих пор твой крик в ушах стоит: «Какого дьявола! Что за идиотские шутки! Сейчас же достаньте меня отсюда, или я откажусь играть в этом фильме!» Ты ругался и орал как бесноватый, пытаешься выкарабкаться из ямы, но всякий раз почти на самом верху срывался и сползал обратно, при этом корча такие зверские рожи — упаси господь! Потом ты начал рыдать — и все это время четыре камеры непрерывно вели съемку. Где-то минут через двадцать ты сдался и просто лежал на дне воронки, пыхтя и отдуваясь. Билл отснял сотню футов пленки и только после этого разрешил двум рабочим вытащить тебя из ямы...

В этот момент к участку подъехал автомобиль капитана полиции. Вскоре и сам он появился в дверном проеме на фоне светлеющего утреннего неба:

— Что тут у вас, сержант? Пьянчугу задержали?

Сержант Гаспар подошел к «обезьяннику», отомкнул замок и жестом предложил Пэту выйти. Пэт заморгал на свет, а затем повернулся к Филу Македону и погрозил ему пальцем.

— Теперь убедился, что я и вправду тебя знаю? — сказал он. — Билл Коркер смонтировал отснятый материал и присобачил к нему титры, изобразив тебя бесстрашным солдатом, который только что потерял лучшего друга и хочет вылезти из воронки, чтобы отомстить врагам

за его смерть, но вокруг продолжают рваться снаряды, и взрывы снова и снова сбрасывают тебя вниз.

— Что он такое несет? — спросил капитан.

— Я всего-навсего пытаюсь доказать, что давно знаком с этим типом, — заявил Пэт. — Билл считал самым эффективным моментом во всей картине тот, когда ты вопил из ямы: «Я уже сломал один ноготь, помогите!» А в титрах появилось: «Я отправлю в ад кучу фрицев чистить твои ботинки!»

— Здесь у вас написано: «Авария и пьяная потасовка», — сказал капитан, сверившись с журналом. — Отвезем их в больницу и протестируем на алкоголь.

— Секундочку, — сказал актер с профессиональной улыбкой. — Меня зовут Фил Македон.

Капитан был очень молод для своей должности, заполучив ее по протекции. Он смутно помнил имя и лицо, но был не слишком впечатлен — в Голливуде полным-полно всяких «бывших».

Все четверо направились к стоявшему у входа полицейскому фургону.

...По результатам теста Македон был задержан в участке до внесения залога его друзьями, а Пэта Хобби отпустили на все четыре стороны, однако его машина после аварии была не на ходу, и сержант Гаспар вызвался отвезти его домой.

— Где вы живете? — спросил он, трогаясь с места.

— Сегодня — нигде, — сказал Пэт. — Потому и раскатывал ночью по городу. Когда проснется один мой приятель, я одолжу у него пару баксов и сниму номер в отеле.

— Зачем ждать? — сказал сержант Гаспар. — У меня как раз лежит без дела пара баксов.

Проезжая мимо величественных особняков Беверли-Хиллз, Пэт приветственно помахал им рукой.

ИСТОРИИ ПЭТА ХОББИ (1940–1941)

— А ведь когда-то, — сказал он, — я мог запросто входить в эти самые дома в любое время суток, даже воскресным утром...

— Скажите, это правда — то, что вы рассказывали в участке? — спросил Гаспар. — Как его спихнули в яму, ну и так далее.

— Чистая правда, — сказал Пэт. — Зря он задавался и воротил от меня нос. По сути, он такой же обломок прошлого, как и я.

Не вырубишь топором

I

Смуглый мужчина с шустрыми глазами — двигавшимися так, словно они были закреплены внутри его головы на резинках, — откликнулся на обращение «Дик Дейл». Его очкастый долговязый собеседник, похожий на верблюда без горба — хотя горб смотрелся бы здесь вполне гармонично, — звался Э. Брансуик-Хадсоном. Местом действия был помост для чистки обуви — несущественный винтик в гигантском механизме киностудии. Эту сценку мы наблюдаем вечно красными глазами Пэта Хобби, который занимал стул по соседству с режиссером Дейлом.

Помост располагался под открытым небом, напротив входа в студийную столовую. Голос Брансуик-Хадсона дрожал от гнева, однако разговор он вел на полутонах, стараясь не привлекать внимания проходящих.

— Я вообще не понимаю, что такой серьезный писатель, как я, делает в таком месте! — сказал он желчно.

Пэт Хобби, будучи ветераном кинобизнеса, мог бы ответить на этот вопрос, однако он не был знаком с участниками диалога.

— В нашем деле есть свои нюансы, — сказал Дик Дейл и обратился к чистильщику: — Смажь вон тем кремом!

— Нюансы?! — возвысил голос писатель. — Правильнее назвать это свинством! Вопреки голосу разума и своим замыслам я пишу буквально под вашу диктовку, а теперь меня увольняют под предлогом, что я, видите ли, с вами «не сработался»!

— Вполне вежливая формулировка, — сказал Дик Дейл. — Или вы хотите, чтобы я отправил вас в нокдаун?

Брансуик-Хадсон снял очки.

— А ну, попробуй! — предложил он. — Во мне сто шестьдесят два фунта и ни единой унции плоти... — На этом смелом утверждении он запнулся. — То есть ни единой унции жира.

— Да плевать я хотел на все ваши унции! — сказал Дик Дейл презрительно. — Не собираюсь я с вами боксировать — мне фильм делать надо. А вы отправляйтесь к себе на восток, сочиняйте новые книги и забудьте эту историю. — Он быстро взглянул на Пэта Хобби и улыбнулся: мол, уж он-то понимает такие вещи, как понял бы любой другой человек, кроме Э. Брансуик-Хадсона. — Мне и трех недель не хватит, чтобы объяснить вам, как делается кино.

Хадсон водрузил очки обратно на нос.

— Я напишу новую книгу, — пообещал он, — и сделаю вас посмешищем всей страны.

Засим он удалился — потерянный, подавленный и посрамленный. Спустя минуту Пэт вслух прокомментировал увиденное:

— У этих литераторов никогда не бывает толковых идей. Не припомню случая, чтобы кто-нибудь из них выдал что-нибудь стоящее, а я уже двадцать лет в этом бизнесе, на сценариях и рекламе.

— А сейчас вы в работе? — спросил Дейл.

Пэт слегка замешкался с ответом:

— Только что закончил проект.

Это «только что» было пять месяцев назад.

— Какие фильмы вы делали? — спросил Дэйл.

— Все и не упомнишь — я в титрах с двадцатого.

— Зайдем ко мне в офис, — предложил Дик Дейл. — Есть интересный разговор — теперь, когда этот ублюдок

свалил обратно на свою новоанглийскую ферму. Не понимаю, зачем нужны эти новоанглийские фермы, когда на западе полно еще не освоенной земли?

Пэт бросил свой предпоследний десятицентовик чистильщику и слез со стула.

II

Теперь мы наблюдаем разговор по существу.

— Проблема в том, что этот композитор Реджинальд Де Ковен — личность совершенно бесцветная, — говорил Дик Дейл. — Он не был глухим, как Бетховен, не работал поющим официантом, не сидел в тюрьме — словом, тут не за что зацепиться. Он только и делал, что сочинял музыку, а из всей его музыки широко известна только песенка «Обещай мне». Так что придется выстраивать сюжет вокруг этого — типа обещаний какой-нибудь его возлюбленной, которые в конце концов сбываются.

— Мне нужно время, чтобы все это обдумать, — сказал Пэт. — Если Джек Бернерс даст мне эту работу...

— Он тебе ее даст, — заверил Дик Дейл. — С этого дня сценаристов для своей картины я выбираю сам. Сколько тебе обычно платят — полторы? — Он бросил взгляд на ботинки Пэта. — Семьсот пятьдесят?

Секунду-другую Пэт смотрел на него в растерянности, а потом выдал экспромтом один из своих лучших образчиков художественного вымысла за последнее десятилетие.

— Я закрутил роман с женой продюсера, — сказал он, — и боссы сговорились держать меня в черном теле. Так что сейчас я получаю только триста пятьдесят.

В определенном смысле эта работа оказалась самой легкой из всех, какие доводилось выполнять Пэту Хобби. Режиссер Дик Дейл принадлежал к особому типу людей,

которых полвека назад можно было встретить в любом американском городке. Как правило, это был владелец фотоателье или небольшой механической мастерской, вечно затевавший какие-нибудь прожекты, зачастую выступавший лидером эксцентричных общественных движений и практически всегда стряпавший вирши для местечковой прессы. Все наиболее энергичные представители этого «чувственного типа» в период между 1910 и 1930 годом перебрались в Голливуд, где они могли реализовать свой потенциал полнее, чем в каком-либо ином месте или ином времени. В кои-то веки этим людям представилась возможность творить все, что вздумается, да еще и с немалым размахом. За те недели, что Пэт Хобби и Мейбл Хэтмен, секретарша мистера Дейла, трудились вместе с ним над сценарием, в последний не вошло ни единой сцены и ни единого слова, которые не были бы лично придуманы Диком Дейлом. Иногда Пэт осторожно выдвигал предложения из числа тех, что «всегда срабатывают».

— Секундочку! Секундочку! — прерывал его Дик Дейл, вскакивая с места и простирая руки в пустоту. — Кажется, я вижу собаку!

Они тотчас замирали в напряженных позах и сидели, безмолвные и недвижимые, пока он созерцал собаку.

— Две собаки! — говорил Дейл.

И вторая собака занимала место рядом с первой в послушных видениях его сотрудников.

— Сначала в кадре появляется одна собака на поводке, затем камера отъезжает, и мы видим вторую собаку, тоже на поводке, — они рычат и готовы сцепиться. Камера продолжает удаляться, и мы видим, что поводки привязаны к столикам кафе. Собаки бросаются навстречу друг другу, и столы опрокидываются. Вы это видите?

В следующий раз он ни с того ни с сего заявлял:

- Кажется, я вижу Де Ковена учеником штукатура.
- Да, — отвечали они, на сей раз с некоторой надеждой.
- Он приезжает в Санта-Аниту и штукатурит стены ипподрома, напевая в процессе работы. Запиши это, Мейбл.

Таким вот манером в течение месяца они набрали нужный объем в сто двадцать страниц. Выходило так, что Реджинальд Де Ковен, не будучи алкоголиком в полном смысле этого термина, питал особую привязанность к старой доброй песне «Кружка рома». Отец его невесты в свое время скончался от пьянства, и, когда вскоре после свадьбы она застала Де Ковена распеваящую эту песню (и распивающую соответственный напиток), ей ничего не оставалось, как покинуть супруга и провести следующие двадцать лет вдали от него. Он меж тем прославился как композитор, а она исполняла партию Марианны в его опере, однако он не узнал в певице свою бывшую жену...

Сценарий в желтой бумажной обложке с надписью «Первая редакция. Автор: Пэт Хобби» был представлен на утверждение руководства. Согласно жесткому студийному графику Дейл должен был начать съемки в течение недели.

Двадцать четыре часа спустя он и его подчиненные сидели в офисе, охваченные глубоким унынием. Менее всех унывал Пэт Хобби. Четыре недели работы по триста пятьдесят каждая, даже с учетом двух сотен, проигранных на скачках, были большим шагом вперед по сравнению с десятью центами, которыми он располагал на момент знакомства с Дейлом у помоста для чистки обуви.

— С кино всегда так, Дик, — утешал он режиссера. — То успех, то провал, то тебя на руках носят, то вышвыривают на помойку. Каждый из нас, ветеранов, через все это прошел.

— Да, — промолвил Дик Дейл рассеянно. — Мейбл, садись на телефон и срочно найди мне этого Брансуик-Хадсона. Он, должно быть, сейчас торчит на своей ферме в Новой Англии — доит пчел или еще какой дурью мается.

Через несколько минут мисс Хэтмен доложила:

— Сегодня утром он прилетел в Голливуд, мистер Дейл. Я связалась с его номером в отеле «Бeverли-Уилшир».

Мистер Дейл прижал трубку к уху и заговорил вкрадчивым, дружеским тоном:

— Мистер Хадсон, помнится, вы как-то выдали одну идею, которая мне очень понравилась. Вы сказали, что развернете ее в полноценный сюжет. Это насчет того, что Де Ковен украл свои мелодии у одного пастуха в горах Вермонта. Вспоминаете?

— Да.

— Ну так вот, Бернерс требует срочно запускать фильм в производство, иначе актеров заберут на другие проекты. То есть мы сейчас в авральной ситуации — если вы понимаете, о чем я. У вас тот сценарий при себе?

— А вы помните, как я принес его вам в первый раз? — спросил Хадсон. — Вы заставили меня два часа ждать в приемной, а потом за две минуты просмотрели текст. У вас тогда болела шея — должно быть, напращивалась, чтобы ее свернули. Я видел, как вы мучаетесь от боли, и это зрелище было единственным, что доставило мне удовольствие в то утро.

— Знаете, в кинобизнесе...

— Я рад, что на сей раз вы крепко влипли. А с вами я работать не стану, даже если предложите расписать сказочку про трех медведей за пятьдесят тысяч баксов.

На том конце бросили трубку, и Дик Дейл повернулся к Пэту.

— Проклятые писаки! — сказал он яростно. — И за что мы вам только платим? Гробим на вас миллионы — а вы кропаете всякую дребедень, которую невозможно снимать, да еще корчите из себя оскорбленных, когда мы отказываемся читать ваши никчемные опусы! Ну как человеку сделать фильм, если ему подсовывают для работы парочку поганцев вроде тебя и Хадсона? Скажи мне, как?! Ты, ходячий бочонок виски!

Пэт встал и попятился к двери, пробурчав, что он, мол, не знает.

— Проваливай отсюда! — заорал Дик Дейл. — Ты уволен! Убирайся со студии!

Судьба не наделила Пэта фермой в Новой Англии, куда он мог бы отсюда убраться, но через дорогу от студии находилось одно заведение, где буколические грезы, заключенные в стеклотару, поджидали всех желающих — были бы деньги расплатиться. В любом случае Пэт не имел желания покидать студию, долгие годы бывшую ему родным домом, так что около шести вечера он пересек улицу в обратном направлении и дошел до своего кабинета в сценарном корпусе. Дверь была закрыта. Подняв глаза, он убедился, что кабинет уже обрел нового владельца, — на табличке значилось имя: Э. Брансуик-Хадсон.

Следующий час он провел в студийной столовой, затем еще раз наведалься в бар, а оттуда некий инстинкт направил его в павильон, где накануне снималась сцена в спальне. И он провел ночь в той самой постели, где несколькими часами ранее возлежала Клодетт Кольбер, облаченная лишь в тончайшую кружевную рубашку.

Утро выдалось малоприятным, однако у него еще оставалось кое-что в бутылке и около ста долларов в кармане. Скачки в Санта-Аните никто не отменял — и уже к вечеру он сможет удвоить эту сумму.

Направляясь к выходу со студии, он остановился было у парикмахерской, но решил, что сейчас он слишком «на взводе», чтобы вытерпеть процедуру бритья. В этот момент от расположенного неподалеку помоста чистильщиков обуви до него донесся голос Дика Дейла:

— Мисс Хэтмен удалось найти копию вашего старого сценария, теперь он является собственностью компании.

Перед помостом стоял Э. Брансуик-Хадсон.

— Я не позволю использовать мое имя! — заявил он.

— Вот и прекрасно. Тогда я поставлю там имя мисс Хэтмен. Бернерс одобрил сюжет, теперь дело за наследниками Де Ковена. Не думаю, что они станут придирааться, — какого черта, этот несчастный пастух все равно не смог бы продать свои мелодии! Вы когда-нибудь слышали о пастухах, требовавших гонорары от Союза композиторов?

Брансуик-Хадсон снял очки.

— Во мне сто шестьдесят три фунта... — начал он.

Пэт подошел поближе.

— Ну так вступай в армию, — презрительно сказал Дик Дейл. — Не собираюсь я с тобой боксировать, мне фильм делать надо. — Тут он заметил Пэта Хобби. — Привет, ветеран!

— Привет, Дик, — заулыбался Пэт и, прекрасно сознавая важность психологического момента, без промедления сделал свой ход. — Когда приступаем к работе? — спросил он бодро.

— Сколько с меня? — бросил Дик Дейл чистильщику, а после взглянул на Пэта. — Дело уже сделано. Я давно обещал Мейбл вставить ее имя в титры. Если появится толковая идея — заходи.

Он громко окликнул кого-то стоявшего перед парикмахерской и поспешил прочь. Хадсон и Хобби, два мастера слова, доселе не сходившиеся лицом к лицу, теперь

установились друг на друга. В глазах Хадсона блестели слезы.

— Литераторов здесь не жалуют, — сказал Пэт сочувственно. — Не стоит им сюда соваться.

— Кто же тогда будет сочинять сюжеты — эти недоумки?

— Да кто угодно, только не литераторы, — сказал Пэт. — Литераторы им не нужны. Им нужны писаки — вроде меня.

Пэт Хобби и гранит науки

I

Уже начинало темнеть. Стены каньона Топанга круто вздымались по обе стороны шоссе. Нужно поскорее избавиться от этого груза. Брякающие звуки на заднем сиденье пугали. Не нравилось Эвелин это дело, совсем не нравилось. Не для таких вещей она сюда приехала. Потом она вспомнила про мистера Хобби. Он ей верил, он на нее положился — и она не могла его подвести.

Однако задача оказалась трудновыполнимой. Эвелин Ласкаллес выехала из каньона и теперь кружила по неприветливым окраинам Беверли-Хиллз. Сколько раз она сворачивала в тихие аллеи, сколько раз останавливалась у пустырей — и всегда появление какого-нибудь прохожего или гуляющей компании вгоняло ее в панику. А однажды сердце ее замерло от ужаса, когда мужчина, очень похожий на детектива, уставился на нее с явным интересом — а то и с подозрением.

— Он не имел права поручать мне такое дело, — говорила она себе. — Больше никогда не соглашусь. Так и скажу ему: больше никогда!

Тьма сгущалась буквально на глазах. Столь стремительного наступления ночи Эвелин Ласкаллес видеть еще не доводилось. Она повернула обратно — в каньон, к свободной и дикой природе, — проехала узкий коридор меж скал, подсвеченный пастельными тонами уходящего дня, и ощутила себя в относительной безопасности, достиг-

нув поворота, с которого открывался вид на равнину внизу.

Здесь никаких затруднений не предвиделось. Сброшенные со скалы, эти предметы будут так же далеки от нее, как если бы улетели в другой штат.

Мисс Ласкаллес была родом из Бруклина. Она давно мечтала попасть в Голливуд и устроиться секретаршей на киностудию, но сейчас ей больше всего хотелось очутиться в родном доме и никогда его не покидать.

Однако надо разделаться с грузом — еще минуточку, пусть только проедет эта машина...

II

В то же самое время ее непосредственный начальник Пэт Хобби стоял перед студийной парикмахерской, беседуя с букмекером Луи. Завтра истекал месячный контракт Пэта, приносивший по две с половиной сотни в неделю, и тот уже начал испытывать чувство тревожной неопределенности, хорошо знакомое тем, кто постоянно балансирует на грани банкротства и нищеты.

— Четыре вшивых недели возни с дрянным сценарием — и это все, что я имел за последние полгода, — жаловался он.

— Как же ты живешь? — спросил Луи без особого интереса.

— Да я и не живу. Просто проходят дни, проходят недели. И кому какое дело до меня? Двадцать лет я провел здесь — и кому какое дело?

— Ты знавал и хорошие времена, — напомнил Луи.

Пэт проводил взглядом статистку в мерцающем парчовом наряде.

— Что было, то было, — сказал он. — И три жены было, и все, что душа пожелает.

— Это не на одну ли из своих бывших ты сейчас уставился? — спросил Луи, заметив, как Пэт провожает глазами статистку.

— Не-ет... Я не имел в виду эту штучку. В иные времена много таких кормилось за мой счет. Но не теперь — в сорок девять тебя и за человека-то не считают.

— Не прибедняйся, у тебя же есть милашка-секретарша, — напомнил Луи. — Послушай, Пэт, могу дать хорошую наводку...

— Нет смысла, — сказал Пэт. — Все мое состояние на сегодня — пятьдесят центов.

— Да я не о скачках. Я узнал, что Джек Бернерс хочет снять фильм про Университет западного побережья, потому как его сынок играет в тамошней баскетбольной команде. Но сюжета у него нет. Может, смотаешься туда и поговоришь с их главным тренером? Этот парень — его зовут Дулан — задолжал мне на ставках три тысячи, так что сошлись на меня, и он, глядишь, подкинет тебе идейку насчет фильма. Потом вернешься и продашь идею Бернерсу. Ты сейчас на окладе?

— До завтрашнего дня, — сказал Пэт угрюмо.

— Ну так езжай прямо сейчас. Как доберешься до кампуса, в тамошнем спортивном магазинчике найди Джима Кресге, и он сведет тебя с Дуланом... Ну ладно, мне пора собирать урожай ставок. Помни, что Дулан должен мне три куска.

III

Надежда на успех визита была невелика, но Пэт решил, что это все же лучше, чем ничего. Отправившись в свой кабинет за пальто, он еще на подходе расслышал жалобную трель телефона и успел снять трубку.

— Это Эвелин, — раздался дрожащий голос. — Весь вечер не могу от *этого* избавиться, повсюду машины...

— Мне сейчас некогда это обсуждать, — быстро произнес Пэт. — Выезжаю по срочному делу в Университет западного побережья.

— Я старалась, — всхлипнула Эвелин. — Я старалась! Но всякий раз появляется какая-нибудь машина...

— Тоже нашла проблему!

Пэт раздраженно бросил трубку — тут и без этих глупостей голова шла кругом.

Много лет он внимательно отслеживал спортивные подвиги «Троянцев» из Южно-Калифорнийского университета и не менее чудные деяния «Роллеров», представлявших Университет западного побережья. Интерес его лежал не столько в области физических кондиций, стратегии и тактики, сколько в простой арифметике ставок, и в свое время «Роллеры» влетели ему в копеечку, так что он чувствовал себя в некотором роде совладельцем команды, когда ступил на территорию кампуса, выстроенного в причудливо-монументальном стиле — что-то от ацтекских храмов, что-то от декораций де Милля.

Он отыскал Кресге, который представил его Киту Дулану — главному тренеру, а в прошлом знаменитому полузащитнику. Мистер Дулан находился в прекрасном настроении, что неудивительно: в этом сезоне его команда уверенно шла к победе в группе, имея в своем составе пятерых темнокожих гигантов, которые уже набрались достаточно опыта, но были еще далеки от завершения спортивной карьеры.

— Буду рад оказать содействие вашей студии, — сказал он. — Всегда готов помочь мистеру Бернерсу, а также Луи. Вы хотите снять о нас фильм? Что ж, такая реклама нам только на пользу... Мистер Хобби, через пять ми-

нут начнется заседание факультетского совета. Будет неплохо, если вы там выступите и расскажете о ваших планах.

— Даже не знаю, — с сомнением промолвил Пэт. — Я, собственно, рассчитывал побеседовать с вами в приватной обстановке. Мы могли бы зайти куда-нибудь пропустить по рюмочке...

— Боюсь, не получится, — сказал Дулан весело. — Если эти умники из совета учуют от меня запах спиртного — упаси бог! Лучше пойдемте на совет, сегодня его созвали из-за краж в кампусе — пропадают часы и драгоценности. Мы уверены, что этим занимается кто-то из студентов.

Мистер Кресге, уже сыгравший свою роль, поднялся первым.

— Не хотите сделать ставки на завтра? — спросил он.

— Я пас, — сказал мистер Дулан. — А вы, мистер Хобби?

— Тоже пас, — сказал Пэт.

IV

Расставшись с представителем теневого бизнеса, Пэт Хобби и мистер Дулан проследовали по коридору административного корпуса. Перед входом в кабинет декана Дулан сказал:

— Я позову вас в подходящий момент.

Не будучи официальным представителем Джека Бернерса или студии, Пэт чувствовал себя неуютно. В его сегодняшние планы вовсе не входила встреча с яйцеголовой профессурой, но, по счастью, он вспомнил, что в кармане его поношенного пальто хранится простое, но весьма эффективное лекарство от волнения. Секретарша

декана покинула свой пост в приемной, дабы стенографировать заседание, так что он без помех пополнил свой запас калорий долгим булькающим глотком.

Приятное тепло тотчас разлилось по телу; Пэт удобнее уселся в кресле и нацелил взгляд на дверную табличку:

*Сэмюэл К. Уискит
Декан факультета.*

Возможно, беседа будет не из легких...

...хотя, какого черта! Они же просто надутые ничтожества, всем это известно. Да, у них есть ученые степени, но диплом купить — не проблема. Если студия сделает о них фильм, это будет большой удачей для университета. Вырастут пожертвования в их фонд, а значит, вырастут и зарплаты — разве не так?

Дверь кабинета нерешительно приоткрылась и тут же закрылась вновь. Никто в приемную не вышел, но Пэт подобрался, готовясь к действиям. Представляя в своем лице — пусть даже неофициально — четвертую по доходности отрасль национальной экономики, он не позволит кучке яйцеголовых смотреть на него свысока. Сам он гранит науки не грыз, но еще в ранней юности повидал изнутри эту кухню, подрабатывая на посылках при студенческом клубе Пенсильванского университета. При воспоминании об этом он исполнился чувства собственного превосходства, придя к выводу, что этот свежее испеченный университетишко не годится Пенсильванскому и в подметки.

Дверь отворилась, в приемную выскочил молодой человек — охваченный смятением, с бусинками пота на лбу, — шмыгнул мимо Пэта и исчез. Следом в дверном проеме показался невозмутимый мистер Дулан.

— Заходите, мистер Хобби, — пригласил он.

А чего тут бояться? Мысли о славном пенсильванском прошлом окрыляли Пэта, когда он входил в кабинет. И в тот самый момент, когда он чувствовал себя на высоте положения, его посетила идея...

— ...и таким образом получится фильм, основанный на реальных событиях, — закруглился он пять минут спустя.

Декан Уискит, высокий мужчина с бледным лицом и слуховым аппаратом в ухе, кажется, уловил суть идеи — оставалось добиться его одобрения. И Пэт взял быка за рога.

— Это будет в русле новейших веяний, — объявил он. — То, что мы называем злобой дня. Вы же не отрицаете, что парнишка, только что отсюда выскочивший, был уличен в краже часов?

Все члены факультетского совета, за исключением Дулана, дружно обменялись взглядами, но никто из них не издал ни звука.

— Стало быть, это факт! — торжествующе заключил Пэт. — И вы можете довести его до газетных репортеров. Но мы... мы ввернем сюда новый сюжетный ход. В фильме мы изобразим дело так, что он крадет часы для того, чтобы помочь своему младшему брату. А его младший брат — ключевой игрок футбольной команды! Нападающий от Бога! На эту роль мы, возможно, привлечем Тайрона Пауэра, но здесь понадобится дублер из числа игроков вашей команды.

Сделав паузу, Пэт попытался мыслить в национальном масштабе:

— Само собой, картина будет демонстрироваться и в южных штатах, так что хотя бы один из ваших главных игроков должен быть белым.

По совещательному залу прошел беспокойный шорох, и мистер Дулан поспешил на помощь оратору.

— А что, неплохая идея, — сказал он.

— Это омерзительно! — взорвался декан Уискит. — Это...

Лицо Дулана окаменело.

— Погодите, — промолвил он. — Давайте разберемся, кто здесь кому делает одолжение. Предлагаю спокойно выслушать представителя киностудии.

Секретарша декана, перед тем покинувшая кабинет, чтобы ответить на звонок в приемной, теперь вернулась и что-то прошептала на ухо шефу. Последний заметно вздрогнул.

— Минуточку, мистер Дулан, — сказал он и обратился к почтенному собранию: — Проктор только что сообщил о дисциплинарном нарушении на территории кампуса, притом что он не может в законном порядке взять под стражу нарушителя. Может, сначала решим этот вопрос? А после мы вернемся к этой... — он в упор взглянул на мистера Дулана, — этой на редкость нелепой идее.

Повинуясь его кивку, секретарша открыла дверь.

При виде проктора Пэт невольно вспомнил старые времена и увитые плющом здания пенсильванского кампуса, подумав: «Эти прокторы всюду одинаковы — свирепые хищники, цепные псы в цивильных костюмах».

— Джентльмены! — обратился к собранию проктор, разбавив свой рык подобающей ситуации почтительной ноткой. — Это случай, который не поддается объяснению и оправданию. — Он обескураженно покачал головой, прежде чем продолжить: — Я понимаю, что здесь нечисто, но у меня никак оно не стыкуется. Посему передаю дело на ваш суд, предъявляя доказательства и нарушителя... Эй, вы, там, заходите!

Когда в кабинет робко вошла Эвелин Ласкаллес, а вслед за ней проктор внес набитую до отказа наволочку от большой подушки и с бряканьем опустил ее на пол, Пэт Хобби снова с тоской вспомнил ползучие плющи на древних пенсильванских стенах. Как бы он хотел сей же миг оказаться там! Больше всего на свете он сейчас хотел именно этого. Вторым по значимости было желание, чтобы широкая спина Дулана, за которой он попытался спрятаться, придвинув к нему свой стул, стала еще на порядок шире.

Но Эвелин Ласкаллес его заметила.

— Вот и вы! — вскричала она с радостным облегчением. — Ах, мистер Хобби, слава богу, что вы здесь! Я никак не могла от них избавиться, и я не могла привезти их к себе домой — мама меня бы на месте убила. И я поехала сюда искать вас, а этот человек остановил меня и стал проверять, что лежит на заднем сиденье!

— Что там в мешке? — строго спросил декан Уискит. — Бомбы? Или что похуже?

Пэт мог бы просветить их на сей счет еще до того, как проктор приподнял мешок и уронил его на пол с чистым стеклянным звуком, не оставлявшим сомнений в характере его содержимого. Там покоились павшие бойцы сценарного фронта — пинты, полпинты, кварты — свидетели четырех трудовых недель по расценке в двести пятьдесят, пустые бутылки, собранные им из всех закутков офиса. Поскольку его контракт завтра истекал, Пэт счел за благо не оставлять за собой лишних следов.

В поисках выхода Пэт еще раз мысленно вернулся к тем беззаботным дням, когда он много чего приносил и уносил за чаевые в пенсильванском кампусе.

— Я заберу это с собой, — сказал он и поднялся со стула.

Вскинув на плечо звякнувший груз, он обернулся к факультетскому совету и внушительно произнес:

— Подумайте над этим.

V

— И мы подумали, — тем же вечером сообщил своей супруге мистер Дулан. — Неслабо пораскинули мозгами, но толком так ничего и не поняли.

— Это чудовищно! — сказала миссис Дулан. — Надеюсь, мне ночью не будут сниться кошмары. Бедняга с этим мешком на плече! Мороз по коже, как представляю, что в чистилище его заставят сделать кораблик в каждой из этих бутылок, — иначе не допустят в рай.

— Только не это! — вздрогнул Дулан. — А то и у меня начнутся кошмары. Там хватит бутылок до второго пришествия.

Примечания

С. 5. *«Эсквайр»* (Esquire) — мужской журнал, основанный в 1932 г. и вскоре достигший ежемесячных тиражей в полтора миллиона экземпляров. Начиная с середины 1930-х гг. Фицджеральд регулярно сотрудничал с «Эсквайром», получая сначала по 200, а затем по 250 долларов за каждый текст независимо от его объема. В тот период он выработал свой «поздний стиль» — более жесткий и плотный, без «лирических излишеств», в целом близкий к прозе Чехова и Мопассана, что отличает рассказы для «Эсквайра» (в том числе цикл о Пэте Хобби) от других произведений Фицджеральда.

С. 7. *Изувер*. — Рассказ опубликован в январе 1935 г.

...затяжной свары между аграриями и транспортниками. — В последней четверти XIX в. фермерские организации Миннесоты постоянно конфликтовали с железнодорожными монополистами из-за тарифов на вывоз сельхозпродукции.

...массивные стены близлежащей тюрьмы. — В Стиллуотере с 1853 по 1914 г. располагалась главная тюрьма штата Миннесота.

С. 10. *...эпохи Великого пробуждения...* — Так именуют религиозное движение в пуританской Новой Англии в середине XVIII в., возглавленное проповедником Джонатаном Эдвардсом (1703–1758).

С. 11. *«Ньюгейтский справочник»* — шеститомное издание, включавшее биографии самых известных узников Ньюгейтской тюрьмы в Лондоне.

С. 17. *Ночь при Чанселорсвилле*. — Рассказ опубликован в феврале 1935 г. Описываемые события относятся ко времени Гражданской войны в США; действие большей частью происходит на севере штата Виргиния, примерно на полпути между Вашингтоном, столицей Союза, и Ричмондом, столицей

Конфедерации. Битва при Чанселорсвилле продолжалась с 30 апреля по 6 мая 1863 г. и завершилась победой южан, несмотря на двойное численное превосходство федеральной армии.

...трусы желтопузые. — Во многих странах Европы и Америки бытовало мнение, что печень трусов лишена крови и потому имеет желтый оттенок.

С. 18. *...в Балтимор аж из пенсильванского Йорка...* — От Йорка, штат Пенсильвания, до Балтимора около 70 км по железной дороге.

...для Хукерова воинства? — Генерал Джозеф Хукер (1814–1879) возглавлял армию северян в битве при Чанселорсвилле.

С. 19. *...от самой «семидневной заварухи»...* — Так называемая Семидневная битва, в действительности состоявшая из шести отдельных сражений, происходила с 25 июня по 1 июля 1862 г. неподалеку от Ричмонда. В конечном счете, ценой больших потерь южане отбросили противника от своей столицы.

...лишился глаза при Гейнс-Милл. — Сражение при Гейнс-Милл 27 июня 1862 г. было третьим по счету сражением Семидневной битвы и ознаменовалось самой крупной единовременной атакой южан за все время войны.

С. 21. *...распевать «Дикси»...* — «Dixie» — популярная песня, написанная около 1859 г. Дэном Эмметом и в годы Гражданской войны являвшаяся неофициальным гимном Конфедерации.

С. 22. *...я-то думала, они все носят серое.* — Военная форма конфедератов была серого цвета, но слабая промышленность Юга не позволяла как следует экипировать всю армию, и многие солдаты были одеты кто во что горазд.

С. 24. *Утро Барбоса.* — Рассказ опубликован в мае 1935 г.

С. 30. *Музыка в трех актах.* — Рассказ опубликован в мае 1936 г.

...«Из мюзикла „Нет, нет, Нанетт“ Винсента Йоманса». <...> *Пока играет «Чай для двоих».* — Песня «Tea For Two» («Чай для двоих») из мюзикла «Нет, нет, Нанетт» (1925; музыка Винсента Йоманса, слова Ирвинга Цезаря) в 1920–1930-х гг. была популярна по обе стороны Атлантики, а ее мелодия стала джазовым стандартом.

ПРИМЕЧАНИЯ

С. 31. «Я одинок», «Вспомни», «Всегда», «Синее небо» и «А как же я?» — «All Alone», «Remember», «Always», «Blue Skies», «How About Me» — песни Ирвинга Берлина (1888–1989), написанные в ту пору, когда «выскачка» Берлин добивался руки Эллин Маккей, дочери почтово-телеграфного магната, упоминающейся на с. 32 («Я слышала, он женился на богатой наследнице»).

С. 33. *Йонкерс* — формально отдельный город, фактически — рабочий пригород Нью-Йорка к северу от Бронкса.

С. 34. *Дым застит глаза...* — «Smoke Gets in Your Eyes» — лирическая песня из мюзикла «Роберта» (1933; музыка Джерома Керна, слова Отто Харбака).

Дюкский центр — одно из ведущих медицинских учреждений Америки, основанное в 1930 г. при Дюкском университете в Северной Каролине.

С. 35. *Взгляду услада, сердцу отрада...* — «Lovely To Look At» — песня, добавленная в мюзикл «Роберта» при его экранизации в 1935 г. (музыка Джерома Керна, слова Дороти Филдс).

С. 36. *...видела самого доктора Келли...* — Говард Этвуд Келли (1858–1943) — известный гинеколог, рентгенолог и хирург.

Откуда знаю я, что любовь верна... — начальные слова песни «Smoke Gets in Your Eyes».

С. 38. *Муравьи в Принстоне*. — Рассказ опубликован в июне 1936 г. Сюжет был навеян конфликтом между футбольными командами Принстона и Гарварда, когда после победы принстонцев в 1926 г. со счетом 12:0 гарвардцы выпустили памфлет, изображавший победителей как «шайку уголовников, мошенников и пьянчуг, с которыми стыдно иметь дело приличным людям». Принстон не остался в долгу, и после серии взаимных оскорблений матчи между двумя этими университетами не проводились на протяжении семи лет, возобновившись только в 1934 г.

С. 39. *...из Миннесоты был призван Фриц Крайслер...* — Герберт Орин Крайслер (1899–1981) по прозвищу Фриц — тренер футбольной команды университета Миннесоты в 1930–1931 гг., позднее — в 1932–1937 гг. — тренировавший команду Принстона, которая под его руководством добилась немалых успехов. Фицджеральд был лично знаком с Крайслером и нередко досаждал ему телефонными звонками и советами накануне важных матчей.

С. 40. *...еще помнившим времена, когда в их команде выступали такие легенды, как Хиллебранд, Биффи Ли, Большой Билл Эдвардс и братья По.* — Знаменитые игроки принстонской команды в 1880–1890-х гг.

В наших миннесотских командах... мы никого не дискриминируем по расовому признаку — кроме скандинавов, разумеется. — Потомки выходцев из стран Северной Европы составляют около трети населения Миннесоты, называемой «самым скандинавским штатом Америки».

...в любой из восьми лап... — Так у автора. Для сведения: у обычных муравьев шесть конечностей.

...Нью-Джерсийской исправительной школы для наркоманов... — Это учебное заведение вымышлено автором.

«Тигры» — традиционное название команд Принстонского университета в любых видах спорта.

С. 41. *...финальной игре на «Роуз-Боул».* — Стадион в Пасадене (Калифорния), где с 1902 г. проводятся финальные матчи студенческого чемпионата по американскому футболу между сильнейшими командами Востока и Запада.

...старого гротонца... — то есть бывшего ученика Гротонской частной школы в Массачусетсе, которая славится наивысшим процентом своих выпускников, поступающих в лучшие университеты Америки.

...муравьям посвящен выдающийся научный труд Метерлинка, а упоминания о бостонцах можно найти разве что в записках Адамса. — Имеются в виду философский труд Мориса Метерлинка «Жизнь муравьев» (1930), в котором проводится аналогия между ними и человеческим обществом, и сочинения американского писателя и историка Генри Адамса (1838–1918), уроженца Бостона.

С. 45. *«Я не был на войне».* — Рассказ опубликован в октябре 1936 г.

С. 46. *Ливенворт* — военная тюрьма строгого режима в штате Канзас.

С. 49. *Джексон Каменная Стена* — прозвище Томаса Джонатана Джексона (1824–1863), генерала армии южан, которое он получил за стойкость, проявленную его бригадой в первом же крупном сражении Гражданской войны.

С. 53. *...охраняя пленных в Бресте.* — Во время Первой мировой войны этот портовый город на западе Франции слу-

ПРИМЕЧАНИЯ

жил перевалочным пунктом для немецких военнопленных, которых оттуда на кораблях отправляли в Британию.

С. 56. *«Дай мне шанс, тренер»*. — Миниатюра опубликована в ноябре 1936 г.

С. 62. *...устроиться в команду Темпла*. — То есть в футбольную команду Темпльского университета в Филадельфии.

С. 66. *...автобуса на Троя?* — В США более тридцати поселений носят название Троя. В данном случае вряд ли имеется в виду какое-то из них конкретно, учитывая, что названия упоминаемых в тексте колледжей и лагерей вымышлены.

С. 71. *Трудный пациент*. — Рассказ опубликован в феврале 1937 г.

С. 72. *Внезапно она разжала пальцы, и бутылка выскользнула из ладоней, как торпеда, напоследок мелькнув красной этикеткой с надписью «СЭР ГАЛАХАД. ОЧИЩЕННЫЙ ЛУИСВИЛЬСКИЙ ДЖИН»*. — В этом месте при переиздании рассказа в 1951 г. редактор дописал одну фразу, в которой бутылку разбивает сам пациент, перехватив ее на лету. Сделано это было для смыслового согласования с финалом, где написано «он разбил бутылку» (возможно, автор просто проглядел эту неточность при последней правке). В данном случае, следуя более позднему изданию, опущена добавленная редактором фраза, а в конце «он разбил» заменено на «она разбила». Такое действие вполне соответствует характеру героини как женщины решительной и принципиальной: пообещала разбить — и разбила.

С. 77. *Пастер, Луи (1822–1895)* — французский ученый-подвижник, автор многих открытий в области микробиологии и иммунологии.

Флоренс Найтингейл (1820–1910) — британская сестра милосердия, совершившая «гуманитарную революцию» в области ухода за больными.

С. 83. *Честь Чувырлы*. — Рассказ опубликован в июне 1937 г.

С. 87. *Знаете морячка Попая?* — Моряк Попай (англ. Рореуе — букв. Лупоглаз) является героем сотен комиксов (с 1929 г.) и короткометражных мультфильмов (с 1933 г.).

С. 93. *Джин Харлоу* (Харлин Харлоу Карпентер, 1911–1937) — голливудская звезда и секс-символ 1930-х гг., первой из актрис получившая прозвище Платиновая блондинка.

С. 95. *Затянувшийся отъезд*. — Рассказ опубликован в сентябре 1937 г. В сохранившейся авторской рукописи стоит название «Темница» [Oubliette], под которым этот текст выходил в некоторых сборниках. Здесь оставлено название первой публикации.

Турень — историческая провинция в Центральной Франции.

...железную клетку, в которой Людовик XI шесть лет продержал кардинала Балю... — Кардинал Жан Балю (1421–1491) провел в заключении одиннадцать (а не шесть) лет и, по преданию, все это время находился в им же самим изобретенной тесной железной клетке, которую ныне демонстрируют туристам в замке Лош.

С. 96. *Виргиния-Бич* — курортный город на Атлантическом побережье США.

С. 103. *Постоялец из девятнадцатого*. — Рассказ опубликован в октябре 1937 г.

С. 112. *Праздничные дни*. — Рассказ опубликован в декабре 1937 г.

С. 122. *Спонсоры Финнегана*. — Рассказ опубликован в декабре 1938 г.

С. 123. *Диллинджер, Джон (1903–1934)* — знаменитый грабитель банков, объявленный в Америке «врагом общества номер один».

С. 129. *Финнеган был от нас далек, как Северный полюс, — собственно говоря, как раз там он и находился. Вместе с ним там была целая экспедиция — включая трех студентов-антропологов из Брин-Мора...* — Брин-Мор — частный женский колледж близ Филадельфии, в 1930-х гг. еще сохранявший старый чопорный дух своих основателей-квакеров. Фицджеральд «отправил» его студентов в полярную экспедицию шутки ради.

С. 131. *...страховые компании не станут придирааться к habeas corpus... и расплатятся сполна*. — Habeas corpus — букв.: «ты должен иметь тело» (лат.). Одно из ключевых понятий англосаксонского права, предписывающее по первому требованию защиты доставить задержанного («тело») в суд для проверки законности его ареста. В данном случае — намек на невозможность найти тело.

ПРИМЕЧАНИЯ

С. 133. *...давно забытого энтузиазма тех дней, когда в каждой кастрюле варилась курица.* — Намек на популистское заявление французского короля Генриха IV (1553–1610; правил с 1589), многократно обыгранное в эпиграммах: «Я хочу, чтобы у каждого бедняка по воскресеньям варилась в кастрюле курица».

С. 136. *Этюд в гипсе.* — Рассказ опубликован в ноябре 1939 г.

С. 145. *Потерянное десятилетие.* — Рассказ опубликован в декабре 1939 г.

Оррисон Браун... редактировал дартмутский «Блуждающий огонек»... — «Jack-o-Lantern» — студенческий юмористический журнал Дартмутского университета. Прообразом Оррисона Брауна послужил Бадд Шульберг (1914–2009), сценарист, писатель и продюсер. В Голливуде конца 1930-х гг. он познакомился и подружился с Фицджеральдом, который ранее, во время учебы в Принстоне, был одним из авторов и редакторов «Тигра» — студенческого издания сродни дартмутскому «Огоньку».

С. 146. *«Буазен», «Клуб двадцать один»* — дорогие и престижные рестораны в центральной части Манхэттена.

...начинали строить Эмпайр-стейт... Это какой был год? — Кажется, двадцать восьмой. — Работы на строительной площадке Эмпайр-стейт-билдинг начались в январе 1930 г.

С. 147. *Я помню время, когда «Двадцать один» еще только набирал обороты, как и «Мориарти»...* — «Мориарти» — фешенебельный ирландский паб в Филадельфии, который, подобно нью-йоркскому «Клубу 21», прославился в начале 1920-х гг. как «заведение для избранной публики», где подавались запрещенные спиртные напитки.

...антарктическими подвигами адмирала Бэрда... — Ричард Ивлин Бэрд (1888–1957) — американский полярный исследователь, с 1928 по 1947 г. организовавший и возглавивший четыре экспедиции в Антарктиду.

Надо же, креповые галстуки... — Летние галстуки из креп-па были популярны в 1910-х — начале 1920-х гг.

С. 148. *...Коул Портер вернулся в Штаты в двадцать восьмом...* — Коул Альберт Портер (1891–1964) — американский

композитор, который в 1917 г. обосновался в Париже, но вернулся в США через одиннадцать лет — после того, как его мюзиклы обрели успех на Бродвее.

С. 149. *...вид на Рокфеллеровский центр. <...> А также на Крайслер-билдинг и Армистед-билдинг — «напochку» всех этих новомодных высоток.* — Небоскребы Рокфеллеровского центра и Крайслер-билдинг, построенные в стиле ар-деко, являются главными символами Нью-Йорка 1930-х гг. (наряду с Эмпайр-стейт-билдинг). Здание Армистед-билдинг, якобы спроектированное героем рассказа, — плод авторского вымысла.

С. 151. *В океане.* — Рассказ опубликован в феврале 1941 г. под псевдонимом Пол Элджин. В письме редактору «Эсквайра» А. Гингричу (февраль 1940 г.) Фицджеральд мотивировал это желанием получить «непредвзятые отзывы читателей». Не считая студенческих опусов, это его единственное произведение, изданное под псевдонимом.

...пять футов восемь дюймов. — То есть 173 см.

В ту пору — весной 1929 года — само по себе слово «американец» предполагало нечто в этом роде. — Великая депрессия началась с биржевого краха в октябре 1929 г.

С. 154. *Уэстонский технический колледж* — учебное заведение, расположенное на юго-западе Англии, близ Бристоля.

С. 156. *Шаффлборд* — старинная игра сродни «классикам», в которой «шайбу» перемещают по зонам толчками специальных лопаток.

С. 157. *Женщина из «Клуба 21».* — Рассказ опубликован в июне 1941 г.

...на пересечении Пятой авеню и 59-й улицы... — Судя по адресу, это отель «Плаза» — одна из достопримечательностей Нью-Йорка.

«Ауст» (Stork Club) — один из самых модных клубов Нью-Йорка в 1930–1960-х гг., посещаемый звездами кино и театра, богачами, аристократами и всякого рода знаменитостями.

Олд-Уэстбери — «аристократическое предместье» Нью-Йорка, расположенное на Лонг-Айленде, в 35 км от Манхэттена.

С. 158. *...объявилась женщина из «Клуба 21».* — Это бывшее бутлегерское заведение ориентировано на более разгуль-

ПРИМЕЧАНИЯ

ную публику по сравнению с упомянутым выше клубом «Аист».

С. 159. *Миссис Джиггс* — персонаж цикла комиксов «Джиггс и Мэгги» (публиковался с 1913 по 2000 г.), стервозная супруга ирландского иммигранта, которая всеми силами старается пробиться в высшее общество.

«*Бегите, овечки, бегите*» — разновидность игры в прятки, когда часть ребят изображает «лис», а другие «овечек». Последние прячутся, тогда как «пастух» должен отвлекать «лис» и криком предупреждать «овечек», чтобы они могли из своего укрытия добежать до спасительного «загона».

С. 161. *Палм-Бич* — курорт во Флориде.

С. 162. *Три часа между рейсами*. — Рассказ опубликован в июле 1941 г. Тема его была навеяна встречей автора в октябре 1937 г. с Джиневрой Кинг, своей первой юношеской любовью.

С. 165. *Фронтенак* — летний курорт в штате Миннесота, на правом берегу р. Миссисипи.

С. 171. *Истории Пэта Хобби*. — Этот цикл из 17 рассказов Фицджеральда основан на его малоуспешном опыте работы в Голливуде. В образе Пэта Хобби, «вышедшего в тираж» сценариста-поденщика, автор отчасти спародировал самого себя. В 1987 г. по этим рассказам был снят фильм (режиссер Роб Томпсон, в главной роли Кристофер Ллойд).

С. 173. *Рождественский подарок Пэта Хобби*. — Рассказ опубликован в январе 1940 г.

С. 181. «*Байограф*» — одна из первых американских киностудий, основанная в 1896 г. в Нью-Йорке, а в 1910 г. перебазировавшаяся в Лос-Анджелес. Прекратила существование в 1928 г. из-за финансовых проблем.

С. 187. *Ненужный человек*. — Рассказ опубликован в феврале 1940 г.

Бензедрин — торговая марка, под которой в США с 1930-х гг. производился и продавался амфетамин.

С. 188. *...будто Пэт последние три года простоял с протянутой рукой на перекрестке Голливудского бульвара и Вайн-стрит*. — В непосредственной близости от этого перекрестка сосредоточены многие знаменитые объекты киноиндустрии.

С. 192. «*Это случилось однажды ночью*» — романтическая комедия 1934 года. В основу сюжета положен рассказ «Ноч-

ной автобус» Сэмюэла Хопкинса Адамса (1871–1958), с которым Фицджеральд был в дружеских отношениях.

Хэди Ламарр (Хедвига Ева Мария Кислер, 1913–2000) — главная звезда кинокомпании «Metro-Goldwyn-Mayer» в период, когда с этой компанией сотрудничал Фицджеральд.

С. 194. *Санта-Анита* — развлекательный парк примерно в 30 км от Голливуда, где находится знаменитый ипподром, открытый в 1934 г., через год после легализации тотализатора в Калифорнии.

С. 196. *«Кипятку сюда — и побольше!»* — Рассказ опубликован в марте 1940 г.

С. 199. *Рональд Колман* (1891–1958) — английский актер, с 1920 г. работавший в Америке; один из немногих звездных актеров немого кино, успешно продолживших карьеру с появлением звука.

С. 206. *Соавтор гения.* — Рассказ опубликован в апреле 1940 г.

С. 207. *Вера Зорина* (Эва Бригитта Хартвиг, 1917–2003) — норвежская балерина, с 1938 по 1946 г. снявшаяся в нескольких голливудских фильмах. Русским псевдонимом она обзавелась в 1933 г. при поступлении в труппу «Русского балета Монте-Карло».

С. 208. *...повышало шансы Пэта на упоминание в титрах — в чем он сейчас крайне нуждался...* — Ключом к успеху голливудского сценариста было частое появление его имени в начальных титрах фильмов, что указывало на его востребованность и гарантировало получение новых заказов. Работая «на подхвате», Пэт Хобби не мог рассчитывать на попадание в титры.

В 1928 году он... сварганил на скорую руку псевдопособие для простофиль «Тайны сценарного искусства». Книжонка могла бы принести доход, если бы кино вдруг не заговорило. — Первый полнометражный звуковой фильм «Певец джаза» (режиссер Алан Кросланд) вышел в прокат в октябре 1927 г.

БАЛЕТНЫЕ ТУФЕЛЬКИ. *Сценарий-заявка.* — В марте 1936 г. Фицджеральд предложил сценарный план фильма под названием «Балетные туфельки» киномагнату Сэмюэлу Голдуину. Предполагалось, что фильм даст старт кинематографической карьере русской балерины Ольги Спесивцевой

ПРИМЕЧАНИЯ

(1895–1991), с которой Голдуин хотел заключить контракт, но из этой затеи ничего не вышло.

С. 213. *...дальнобойным вражеским «томми-ганом»*. — Tommy Gun — неофициальное название пистолета-пулемета Томпсона, в 1920–1930-х гг. очень любимого гангстерами и позднее широко применявшегося западными союзниками (но не немцами) во Второй мировой войне. Эффективная дальность огня этого оружия — всего 50 м.

С. 219. *Пэт Хобби и Орсон Уэллс*. — Рассказ опубликован в мае 1940 г.

Всякий раз, как загляну в газету, натыкаюсь на этого Уэллса. — Это который с бородой... <...> С какой стати ему вдруг отвалили полтораста тысяч под проект? — Джордж Орсон Уэллс (1915–1985) — режиссер-новатор, актер, сценарист и продюсер. После нескольких на шумевших театральных и радиопостановок (например, радиоадаптация «Войны миров» Герберта Уэллса, вызвавшая своей достоверностью массовую панику) он в 1939 г. был приглашен в Голливуд и сразу получил здесь прозвище Вундеркинд. Чтобы выглядеть не таким юным, Уэллс отпустил бороду, ставшую частью его имиджа. Его первый полнометражный фильм «Гражданин Кейн» (1941) вышел на экраны уже после смерти Фицджеральда.

...мой отец носил бороду, но это не помогло ему выбратся с Гранд-стрит. — Улица, пересекающая бедные кварталы Нижнего Манхэттена, где традиционно селились еврейские иммигранты.

С. 220. *«Вшивый кистоунский коп!»* — Кистоунскими копами называли бестолковых и неуклюжих полисменов, фигурировавших в немых комедиях студии «Кистоун» в 1910-х гг. Они в основном специализировались на потешных погонях за главными героями (в т. ч. Чарли Чаплином).

С. 222. *«Божественная мисс Карстертс»* (The Divine Miss Carstairs) — фильма с таким названием не существует.

С. 224. *Кино... растет. <...> Растет-растет, покуда не лопнет... Взгляни хотя бы на Фокса!* — Уильям Фокс (1879–1952) — основатель корпорации «Fox Films», достигшей расцвета в 1920-х гг., а позднее обанкротившейся и в 1935 г. поглощенной компанией «20th Century Pictures», в результате чего возникла «20th Century Fox». Фокс отчаянно судился

с конкурентами, но был уличен в попытке подкупить судью, за что его приговорили к шести месяцам тюремного заключения.

С. 231. *Секрет Пэта Хобби*. — Рассказ опубликован в июне 1940 г.

...Клодетт Кольбер, или Бетти Филд, или кого там еще... — Клодетт Кольбер (1905–1996) и Бетти Филд (1913–1973) — голливудские актрисы, в конце 1930-х гг. находившиеся на пике популярности.

С. 233. *«Парамаунт»* (Paramount Pictures) — одна из крупнейших голливудских киностудий, основана в 1912 г.

С. 234. *...продержавшийся целый час против самого «Тарзана» Уайта*. — Артур Першинг Уайт по прозвищу Тарзан (1915–1996) — профессиональный игрок в американский футбол и борец-тяжеловес.

С. 236. *...громких публичных скандалов вроде дела Арбакла...* — Роско Конклинг Арбакл по прозвищу Толстяк (1887–1933) — популярный комический актер немого кино, в 1921 г. обвиненный в убийстве молодой актрисы на пьяной вечеринке в его доме. Хотя суд присяжных оправдал Арбакла, этот скандал положил конец его актерской карьере.

С. 237. *Как говаривал Шекспир: «У каждого есть своя цена»*. — Эта фраза принадлежит не Шекспиру, а британскому политику Роберту Уолполу (1676–1745).

С. 241. *Пэт Хобби, предполагаемый отец*. — Рассказ опубликован в июле 1940 г.

С. 242. *...по страницам свежего «Репортера»*. — «Hollywood Reporter» — основанная в 1930 г. ежедневная газета, освещавшая жизнь киноиндустрии «изнутри» и «без глянца». Популярная среди голливудских работников среднего и младшего звена, эта газета была ненавидима боссами, которые неоднократно пытались ее прикрыть.

...смахивает на статиста из «Бенгальского улана». — «Дела и дни бенгальского улана» (1935) — фильм, действие которого происходит на северных границах колониальной Индии.

С. 244. *Бонита Грэнвилл* (1923–1988) — актриса и впоследствии телепродюсер. Прославилась еще юной, в 1938–1939 гг. сыграв главную роль в четырех фильмах о девочке-сыщице Нэнси Дрю.

ПРИМЕЧАНИЯ

С. 245. *Всемирная выставка в Нью-Йорке* — проводилась с апреля 1939 г. по октябрь 1940 г.

С. 248. *Ох уж эти «бананы»...* — Презрительное прозвище азиатов, пытающихся вести себя как европейцы, — то есть «желтые снаружи; белые внутри».

С. 249. *«Амбассадор» был для Пэта связан с чудными воспоминаниями молодости — чего стоила хотя бы «Кокосовая роща»...* — «Кокосовая роща» — ресторан и танцевальный клуб в стенах лос-анджелесского отеля «Амбассадор».

Крайне редко ему случалось видеть такое количество багажа — даже при переездах Глории Свенсон или Джоан Кроуфорд масштабы были поменьше. — Кинозвезды Глория Свенсон (1899–1983) и Джоан Кроуфорд (Люсиль Фэй Лесюр, 1905–1977) среди прочего были известны привычкой жить на широкую ногу.

С. 250. — *Прощай, сынок, — промолвил Пэт... а затем отвернулся, чувствуя себя, как... как Стелла Даллас.* — Стелла Даллас — героиня одноименного немого фильма 1925 г. (римейк вышел в 1937 г.). Здесь намек на душещипательную сцену прощания Стеллы со своей дочерью.

С. 252. *В гостях у звезд.* — Рассказ опубликован в августе 1940 г.

Звали его Гас Венске (никакого родства со спортсменом)... — Джин Венске (1908–1992) — известный американский бегун на средние дистанции.

С. 253. *То есть мы могли бы войти к Роберту Тейлору, или Кларку Гейблу, или Ширли Темпл?* — Все эти и упомянутые чуть ниже актеры принадлежали к звездам первой величины, причем Ширли Темпл (р. 1928) обрела звездный статус еще в шестилетнем возрасте.

С. 256. *Мне довелось однажды повидать писателя — не то Эптона Синклера, не то Синклера Льюиса. Оказался неплохим парнем, даром что социалист.* — Писателей Эптона Синклера (1878–1968) и Синклера Льюиса (1885–1951) нередко путали далекие от литературы люди, тем более что оба в своих произведениях затрагивали социальные темы и считались радикалами.

Так решила Гильдия сценарных драматургов. — В оригинале — Screen Playwriters' Guild. Здесь Пэт смешивает назва-

ния двух организаций: Гильдии сценаристов (Screen Writers Guild), основанной голливудскими авторами, и Гильдии сценарных драматургов (Screen Playwrights) — конкурирующего профсоюза, созданного руководством киностудий.

Закон Вагнера — неофициальное название «Закона о трудовых отношениях», предложенного сенатором Робертом Вагнером и принятого конгрессом в 1935 г.

...за признание Финляндии... — Действие рассказа происходит во время Советско-финской войны 1939–1940 гг. Пэт, видимо, смутно слышал об этой войне и о поддержке Финляндии западными демократиями.

С. 257. *Давайте теперь навестим Кларка Гейбла... Хочу сказать пару ласковых Кэрол Ломбард...* — Кэрол Ломбард (Джейн Элис Питерс, 1908–1942) — популярная комедийная актриса, с 1939 г. супруга Кларка Гейбла.

С. 262. *Пэт Хобби входит в роль.* — Рассказ опубликован в сентябре 1940 г.

С. 267. *Подпиши все бумаги в гильдии...* — Имеется в виду Гильдия киноактеров США — актерский профсоюз, членство в котором необходимо Пэту для допуска к съемкам.

С. 268. *Если такие писатели, как Бенчли, Дон Стюарт, Льюис, Уайлдер и Вулкотт, не гнушаются актерства...* — Роберт Бенчли (1889–1945), Дональд Огден Стюарт (1894–1980), Синклер Льюис (1885–1951), Торнтон Уайлдер (1897–1975), Александр Вулкотт (1887–1943) — маститые литераторы, среди прочего писавшие киносценарии, а также появлявшиеся в эпизодических ролях на экране и театральной сцене. Фицджеральд был хорошо знаком со всеми упомянутыми авторами.

С. 274. *Премьера Пэта Хобби.* — Рассказ опубликован в октябре 1940 г.

С. 277. *«Юниверсал» (Universal Studios)* — одна из старейших голливудских киностудий, в 1930-х гг. переживавшая финансовые проблемы и выпускавшая в основном малобюджетные вестерны и мелодрамы, а также фильмы ужасов.

Еще я написал «Отважных капитанов»... и «Летчика-испытателя», и «Грозовой перевал», и... и «Ужасную правду», и «Мистер Смит едет в Вашингтон». <...> Мой парень без ума от «Летчика-испытателя», а вот я больше всего люблю

ПРИМЕЧАНИЯ

«*Мрачную победу*». — Все перечисленные картины имели кассовый успех в конце 1930-х гг.

С. 280. ...со времен «банковских каникул 1933 года» благо-
разумно доверял лишь собственным карманам. — «Банковски-
ми каникулами 1933 года» прозвали период с 6 по 13 марта
1933 г., когда указом президента Рузвельта все американские
банки были закрыты и в них проводилась федеральная реви-
зия. Результатом стала ликвидация более пяти тысяч бан-
ков, объявленных неплатежеспособными. Власти хотели тем
самым укрепить веру граждан в банковскую систему, но на
многих граждан это произвело прямо противоположный эф-
фект.

«*Коричневый котелок*» (Brown Derby) — бар и ресторан
в Лос-Анджелесе, место встреч деятелей кино. Построен в
1926 г. в виде шляпы-котелка и управлялся Гербертом Сом-
борном, вторым мужем Глории Свенсон, а после его смерти —
их дочерью Глорией Свенсон Сомборн.

С. 285. *Попытка не пытка*. — Рассказ опубликован в но-
ябре 1940 г.

...фотокарточек Мейбл Норманд и Барбары Ламарр... —
Мейбл Норманд (1892–1930) и Барбара Ламарр (Рита Дейл
Уотсон, 1896–1926) — легендарные актрисы немого кино.

С. 286. «*Троянцы*» — название команд Южно-Калифор-
нийского университета в любых видах спорта.

С. 290. *Палм-Спрингс* — фешенебельный курорт среди
гор, в 180 км к востоку от Лос-Анджелеса.

С. 300. *Патриотизм в коротком метре*. — Рассказ опуб-
ликован в декабре 1940 г. Чуть ранее, в октябре, Фицдже-
ральд внес в текст ряд изменений, но его письмо прибыло в
«Эсквайр», когда номер уже был сдан в набор. Перевод вы-
полнен по последней авторской редакции.

Ирвин Кобб (1876–1944) — писатель-сатирик, журналист,
сценарист и голливудский актер.

Фицхью Ли (1835–1905) — генерал кавалерии в армии
южан, племянник Роберта Эдварда Ли (1807–1870), самого
прославленного из военачальников Конфедерации. Во время
Испано-американской войны 1898 г. Фицхью Ли вступил в
армию США и командовал корпусом волонтеров, но в боевых
действиях участия не принимал.

С. 301. *Там воевали все — кроме квакеров, конечно.* — Религиозные принципы квакеров запрещают им служить в армии и брать в руки оружие.

С. 302. *Покажем капитуляцию при Аппоматтоксе...* — При Аппоматтоксе 9 апреля 1865 г. состоялось последнее крупное сражение Гражданской войны, завершившееся капитуляцией армии генерала Р. Ли.

С. 306. *По следу Пэта Хобби.* — Рассказ опубликован в январе 1941 г.

С. 307. *Эти финны выгребли всю мою наличку...* — Имеются в виду сборы пожертвований для граждан Финляндии, проводившиеся во время Советско-финской войны 1939–1940 гг.

С. 312. *«Гранд-отель»* — фильм 1932 года, практически сразу же признанный классикой. Его продюсером был Ирвинг Тальберг (1899–1936), прототип главного героя незавершенного романа Фицджеральда «Последний магнат».

С. 313. *Забавы художников.* — Рассказ опубликован в феврале 1941 г.

...герром Духманном, «великим знатоком тайных грехов»... — Ироническая отсылка к ныне забытому немецкому кинематографисту Мариусу Духманну, в 1918–1920 гг. снявшему три фильма весьма откровенного содержания. Немецкое кино того периода вообще отличалось большей сексуальной раскрепощенностью по сравнению с американским.

Спенсер Руни. — Этим именем Фицджеральд шутки ради объединил двух голливудских актеров: Спенсера Трейси (1900–1967) и Микки Руни (р. 1920), причем, во избежание редакторского вмешательства, отметил на полях рукописи: «Не исправлять — ошибка со Спенсером Руни сделана намеренно».

С. 315. *Джек Бенни* (Бенджамин Кубельски, 1894–1974) — комический актер и шоумен.

Крошка Сэнди (Сандра Ли Хенвилл, р. 1938) — впервые попала на экран в девятимесячном возрасте и сразу завоевала популярность в качестве «очаровательного дитя». Она фигурировала во многих картинах конца 1930-х — начала 1940-х гг., но на этом ее карьера в кино завершилась.

Стилистически она колебалась между «розовым периодом» Пикассо с легким налетом Болдини и прямым подража-

ПРИМЕЧАНИЯ

нием *Реджинальду Маршу*. — Джованни Болдини (1842–1931) написал портреты многих выдающихся людей конца XIX — начала XX в.; его манеру отличают быстрые, «летающие» мазки кисти. Реджинальд Марш (1898–1954) прославился зарисовками городской жизни Нью-Йорка 1920-х и 1930-х гг.

С. 316. *...бунгало отеля «Бeverли-Хиллз»...* — Этот отель, облюбованный представителями шоу-бизнеса, помимо главного здания имеет два десятка отдельных бунгало в прилегающем саду.

С. 322. *Обломки прошлого*. — Рассказ опубликован в марте 1941 г.

Хронологически... попадал в промежуток между Юджином О'Брайеном и Робертом Тейлором. — Юджин О'Брайен (1880–1966) прекратил сниматься в 1928 г., после появления звуковых фильмов. Роберт Тейлор (Спенглер Арлингтон Бру, 1911–1969) сыграл свои первые роли в середине 1930-х гг.

...Вояка, герой скаковых арен. — Знаменитый призовой скакун по кличке Вояка (Man o' War) с феноменальным успехом выступал на протяжении двух сезонов в 1919–1920 гг., а остаток жизни (до 1947 г.) провел в холе и довольстве, занимаясь производством чемпионского потомства.

С. 323. *И Конни Талмедж, и Билла Коркера, и Аллана Дуона?* — Констанс Талмедж (1900–1973) — звезда немого кино. Билл Коркер — вымышленное лицо; имя позаимствовано у персонажа короткометражки «Как избавиться от тетушки» (1909). Аллан Дуон (1885–1981) — режиссер, продюсер и сценарист, начиная с 1911 г. снявший более 400 фильмов.

Это насчет вашего фильма «Последний бросок»... — Фильм вымышлен, как и упоминаемый в рассказе режиссер Билл Коркер. Однако из переписки Фицджеральда известно, что здесь он имел в виду фильм «Большой парад» (1925; режиссер Кинг Видор), во время съемок которого произошел случай с актером в снарядной воронке, сходный с описанным ниже.

С. 324. *«Рождение нации»* (1915) — грандиозный по тем временам трехчасовой фильм Дэвида Гриффита о Гражданской войне и последующих межрасовых столкновениях на Юге, вызвавший громкий и неоднозначный резонанс в американском обществе.

С. 329. *Не вырубишь топором.* — Рассказ опубликован в апреле 1941 г.

С. 331. *...композитор Реджинальд Де Ковен... из всей его музыки широко известна только песенка «Обещай мне».* — Генри Луис Реджинальд Де Ковен (1859–1920) — американский музыкальный критик и композитор, в основном сочинявший комические оперы. Самое известное его произведение — песня «Oh, Promise Me» (1889; слова Клемента Скотта), по сей день часто исполняемая на свадьбах в США и Англии.

С. 333. *...не будучи алкоголиком в полном смысле этого термина, питал особую привязанность к старой доброй песне «Кружка рома».* — «Little Brown Jug» — популярная застольная песня, написанная Джозефом Уиннером в 1869 г.

...она исполняла партию Марианны в его опере... — Марианна — возлюбленная Робин Гуда, героиня многих произведений об этом разбойнике, в том числе и оперы Р. Де Ковена «Робин Гуд» (1890).

С. 338. *Пэт Хобби и гранит науки.* — Рассказ опубликован в мае 1941 г.

С. 341. *...кампуса, выстроенного в причудливо-монументальном стиле — что-то от ацтекских храмов, что-то от декораций де Милля.* — Сесиль Блаунт де Милль (1881–1959) — голливудский режиссер, прославившийся масштабными историческими постановками с роскошными дворцами, богатыми интерьерами и т. п.

С. 344. *Тайрон Пауэр (1914–1958) — актер, часто выступавший в амплуа «романтических головорезов» («Знак Зорро», «Капитан из Кастилии» и т. д.).*

Василий Дорогокупля

Содержание

РАССКАЗЫ ДЛЯ «ЭСКВАЙРА» (1935–1941)

Изувер	7
Ночь при Чанселорсвилле	17
Утро Барбоса	24
Музыка в трех актах	30
Муравьи в Принстоне.....	38
«Я не был на войне»	45
«Дай мне шанс, тренер»	56
Трудный пациент	71
Честь Чувырлы	83
Затянувшийся отъезд	95
Постоялец из девятнадцатого	103
Праздничные дни	112
Спонсоры Финнегана.....	122
Этюд в гипсе.....	136
Потерянное десятилетие	145
В океане	151
Женщина из «Клуба 21»	157
Три часа между рейсами.....	162

ИСТОРИИ ПЭТА ХОББИ (1940–1941)

Рождественский подарок Пэта Хобби	173
Ненужный человек	187
«Кипятку сюда — и побольше!»	196

СОДЕРЖАНИЕ

Соавтор гения 206

Пэт Хобби и Орсон Уэллс..... 219

Секрет Пэта Хобби 231

Пэт Хобби, предполагаемый отец..... 241

В гостях у звезд..... 252

Пэт Хобби входит в роль..... 262

Премьера Пэта Хобби..... 274

Попытка не пытка 285

Патриотизм в коротком метре..... 300

По следу Пэта Хобби 306

Забавы художников..... 313

Обломки прошлого 322

Не вырубишь топором 329

Пэт Хобби и гранит науки..... 338

Примечания. *Василий Дорогокупля*..... 348

Литературно-художественное издание

**ФРЭНСИС СКОТТ ФИЦДЖЕРАЛЬД
ТРИ ЧАСА МЕЖДУ РЕЙСАМИ**

Редактор Александр Гузман
Художественный редактор Вадим Пожидаев
Технический редактор Татьяна Тихомирова
Корректоры Лариса Ершова, Ирина Киселева
Верстка Кирилла Иванова

Подписано в печать 29.03.2013. Формат издания 84 × 108 ¹/₃₂.
Печать офсетная. Гарнитура «Петербург». Тираж 10 000 экз.
Усл. печ. л. 19,4. Заказ №0504/13.

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
119991, г. Москва, 5-й Донской проезд, д. 15, стр. 4

Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
196105, г. Санкт-Петербург, ул. Решетникова, д. 15

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
04073, г. Киев, Московский пр., д. 6 (2-й этаж)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт», г. Тверь.
www.pareto-print.ru

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве:

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел. (495) 933-76-00, факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru; info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге:

Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел: (812) 324-61-49, 388-94-38, 327-04-56, 321-66-58, факс: (812) 321-66-60
E-mail: trade@azbooka.spb.ru; atticus@azbooka.spb.ru

В Киеве:

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Сайты в интернете: www.azbooka.ru, www.atticus-group.ru

KAUM1168301R

**Впервые на русском! Четвертый сборник
не опубликованных ранее произведений
великого американского писателя!**

Фрэнсис Скотт Фицджеральд, возвестивший миру о начале нового века — «века джаза», стоит особняком в современной американской классике. Хемингуэй писал о нем: «Его талант был таким естественным, как узор из пыльцы на крыльях бабочки». Его романы «Великий Гэтсби» и «Ночь нежна» повлияли на формирование новой мировой литературной традиции XX столетия. Однако Фицджеральд также известен как автор блестящих рассказов, из которых на русский язык переводилась лишь небольшая часть (наиболее классические из них представлены в сборнике «Загадочная история Бенджамина Баттона»). Книга «Три часа между рейсами» — уже четвертая из нескольких запланированных к изданию, после «Новых мелодий печальных оркестров», «Издержек хорошего воспитания» и «Успешного покорения мира», — призвана исправить это досадное упущение. Итак, вашему вниманию предлагаются тридцать пять рассказов зрелого Фицджеральда — полное собрание рассказов, опубликованных в последние пять лет его жизни в прославленном журнале «Эсквайр». В том числе цикл юмористических историй о неудачливом сценаристе Пэте Хобби — историй, навеянных богатым опытом общения признанного мастера тонкого психологизма с голливудской фабрикой грез; отдельные из них в разное время переводились на русский, но никогда весь цикл полностью, и для данного издания он переведен с начала до конца заново. Собственно, все «эсквайровские» рассказы переведены Василием Дорогокуплей, хорошо знакомым нашему читателю по работе над готическим бестселлером Дианы Сеттерфилд «Тринадцатая сказка» и «букеровским» романом Говарда Джейкобсона «Вопрос Финклера».

ISBN 978-5-389-04824-9

01

9

785389 048249

© ISTOCKPHOTO.COM/peter zelei